

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2024 Г. М.С. КРУТОВА

РУКОПИСНЫЙ ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК ВАРВАРЫ ИВАНОВНЫ ПЕЛЬСКОЙ О ПОЕЗДКЕ ЗА ГРАНИЦУ В 1867 Г.

Аннотация: В статье впервые представлен анализ литературных и археографических особенностей публикуемого путевого дневника русской дворянки Варвары Ивановны Пельской, о ее поездке за границу по странам Западной Европы и Ближнего Востока в 1867 г. вместе с супругами Погодинами, Михаилом Петровичем и Софьей Ивановной, ее близкой подругой. Приведены биографические сведения об авторе дневника, основанные на изучении исследовательской литературы и рукописных материалов, хранящихся в ОР РГБ. Публикация текста сопровождается современными историко-культурными комментариями. Впервые выявлены и описаны художественные особенности авторских рисунков и гравюр, иллюстрирующих текст, а также дана характеристика археографическим и литературным особенностям данного дневника; выявлены археографические особенности рукописного источника, литературные особенности повествования, роль метатекстов. Установлено, что ценность дневника В.И. Пельской заключается не только в том, что он является самостоятельным литературным произведением, но и правдивым историческим источником, в котором запечатлены реалии быта путешественников середины XIX в. и достоверно описаны известные деятели государства, культуры и религии.

Ключевые слова: Святая Земля, паломничество, путевой дневник, В.И. Пельская, М.П. Погодин.

Информация об авторе: Марина Семеновна Крутова — доктор филологических наук, доцент, главный палеограф Отдела рукопи-

сей, Российская государственная библиотека, ул. Воздвиженка, д. 3/5, 119019 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3564-1505>

E-mail: mskrutova@yandex.ru

© 2024. MARINA S. KRUTOVA

THE HANDWRITTEN TRAVEL DIARY BY VARVARA PELSKAYA ABOUT A FOREIGN TRIP OF 1867

Abstract: The article presents for the first time an analysis of the literary and archaeographic features of the published travel diary of the Russian noblewoman Varvara Ivanovna Pelskaya, about her trip to Western Europe and the Middle East in 1867 with the Pogodins, Mikhail Petrovich and Sofia Ivanovna, her close friend. The article provides biographical information about the author of the diary, based on the study of research literature and handwritten materials stored in the Russian State Library. The publication of the text is accompanied by modern historical and cultural commentary. For the first time, the artistic features of the author's drawings and engravings illustrating the text are identified and described, as well as the characteristic of the archaeographic and literary features of her diary is given; the archaeographic features of the handwritten source, the literary features of the narrative, the role of metatexts are revealed. It has been established that the value of V.I. Pelskaya's diary lies in the fact that it is not only an independent literary work, but also a truthful historical source, which captures the realities of the travelers' life in the middle of the 19th century and reliably describes famous figures of the state, culture and religion.

Keywords: Holy Land, Pilgrimage, Travel Diary, V.I. Pelskaya, M.P. Pogodin.

Information about the author: Marina S. Krutova, DSc of Philology, Associate Professor, Chief Paleographer of the Department of Manuscripts of the Russian State Library, Vozdvizhenka St., 3/5, 119019 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3564-1505>

E-mail: mskrutova@yandex.ru

Дневниковая и автобиографическая проза, в том числе посвященная описаниям путешествий русских людей за границу, в материалах Отдела рукописей Российской государственной библиотеки представлена полно и разнообразно. Эти материалы постоянно привлекают внимание современных исследователей [Гуминский, 2004; Лисовой, 2006; Щербакова, 2015; Крутова, 2016; Гуминский, 2017; Лисовой, 2017; Щербакова, 2020; Бутова и др.]. Особое место среди них занимают описания паломнических поездок в середине XIX в. на Святую Землю и православный Восток [Норов, 1844; Норов, 1878; Арсений (Минин); Леонид (Кавелин); Иероним (Суханов); схимонах Селевский и др.].

В Отделе рукописей хранится интересный документ — путевой дневник Варвары Ивановны Пельской, в котором содержится подробный рассказ о ее поездке по странам Западной Европы и Ближнего Востока в 1867 г. вместе с супругами Погодиными — Михаилом Петровичем и его женой Софией, давней ее подругой.

Этот дневник назван автором «Мои сенсации». Он представляет собой сброшюрованные тетради, форматом 4°, без переплета. Текст написан рукой автора гражданским почерком XIX в. (черные чернила) с более поздней авторской правкой карандашом. Документ поступил в Российскую государственную библиотеку в 1961 г. и хранится в фонде Отдела рукописей (Ф. 218. К. 1288. Ед. хр. 23).

Повествование о путешествии проиллюстрировано авторскими рисунками, выполненными тушью, карандашом, акварелью, а также гравюрами, вырезанными из разных изданий и отдельно приобретенными. Они были пришиты или приклеены к листу рукописи, но некоторые из них открепились со временем и поэтому в настоящее время вложены между листами. Большая часть иллюстраций представляет собой торцевые ксилографии с видами Святой Земли, которые выполнены известным гамбургским издателем С. Адлером на декоративной бумаге с конгревным тиснением (л. 75, 84, 96, 100, 102, 104, 106, 110). На л. 57 — литография с изображением храма Св. Софии в Константинополе с подписью: «Северный вид Софийской

церкви в Константинополе. Лит[ография] Шелковникова в Москве». На л. 87 — литография известного гравера Альфреда Гусмана (1821–1905) с изображением богослужения в храме Гроба Господня, с подписью: «A. Gusmand. Путешествие в Иерусалим. Внутренность церкви Святого Гроба Господня». На л. 23 об. — офорт с изображением азбуки жестов глухонемых, под которой находится подпись на французском языке: “Boclet Sculpt” («Бокле резал»). Важно отметить, что в эту рукопись В.И. Пельской вложены две уникальные фотографии супругов Кожевниковых — русского консула в Иерусалиме Василия Федоровича (1867–1876), его супруги Любови Емельяновны, которые, по всей вероятности, были подарены ими во время их встречи в Иерусалиме. Эти фотографии сделаны в 1867 г. в Вене известным немецким фотографом Фрицем Лукгардтом (1843–1894).

Биографические сведения о Варваре Ивановне Пельской

О Варваре Ивановне Пельской сохранилось не так много биографических сведений. Они разбросаны по справочникам, их можно найти в исследованиях ученых [Жиркевич-Подлесская, Щербакова; Крутова], в неопубликованных рукописных материалах, которые дополняют выявленную ранее информацию. Так, в еще одном путевом дневнике 1865 г., являющемся автографом В.И. Пельской, описано ее путешествие вместе с Марией Дмитриевной Нагловской через Польшу на курорты Германии (Ф. 743. К. 37. Ед. хр. 4). Он поступил в ОР РГБ 1982 г. от Тамары Александровны Жиркевич, младшей дочери Екатерины Константиновны Жиркевич (урожденной Снитко), воспитательницей которой (и ее брата Андрея) была Пельская. На л. II этого дневника находится владельческая запись (карандашом): «Эта книжка была написана Варварой Ивановной Пельской и подарена моей матери Екатерине Константиновне Жиркевич. 1981».

В 1867 г., в начале путешествия, спутником Пельской оказался супруг к тому времени покойной Марии Дмитриевны Нагловской — Антон Станиславович, глубоко переживавший

потерю. В.И. Пельская оказывала ему психологическую поддержку в постигшем его несчастье. В качестве приложения к дневнику 1865 г. владелицей была присоединена ученическая тетрадь 1981 г., в которой Тамара Александровна Жиркевич (дочь Александра Владимировича и Екатерины Владимировны Жиркевичей) записала полученные ею от родителей «Сведения о Варваре Ивановне Пельской...». К сожалению, эти сведения весьма приблизительные и неточные. Так, она пишет, что ей неизвестна дата рождения Пельской, а лишь то, что умерла она в 1902 г. и похоронена в Радосковичах под Минском — поместье Андрея, брата-близнеца Екатерины Жиркевич. Т.А. Жиркевич пишет, что ее родители расходились во мнении, кем была мать Пельской — крепостной или купчихой. По их сведениям, мать Варвары Пельской вынуждена была отказаться от дочери, чтобы та получила хорошее воспитание и образование, так как граф Иван Дмитриевич Трубецкой, отец Варвары, запретил ей общаться с дочерью. Перед смертью в 1827 г. отец, чтобы защитить свою внебрачную дочь, предложил ей заключить брак со своим дальним родственником Владимиром Петровичем Пельским (по одним сведениям, генералом, по другим — советником в Вильно), но он был намного старше Варвары, и она должна была сама решить форму их взаимоотношений — настоящий брак или фиктивный.

Большая часть архивных материалов семьи Жиркевичей была передана Т.А. Жиркевич в московский Государственный музей Л.Н. Толстого (ГМТ). Там находятся на хранении и воспоминания Н.Г. Жиркевич-Подлесской «Из семейной хроники», в которых содержится подробная и более достоверная информация о В.И. Пельской:

Близнецы Катя и Андрей Снитко родились в 1866 году. Отец их, одно время предводитель дворянства в городке Вилейка, человек широкой, но расточительной души, умер в их раннем детстве. Когда детям исполнилось 13 лет, умерла от чахотки и мать, Мария Алексеевна (рожд. Пузырев-

ская). Перед смертью мать просила свою близкую подругу по институту Варвару Ивановну Пельскую стать опекуницей и воспитательницей ее детей. Варвара Ивановна переехала из Москвы в Вильно, где жили дети, и посвятила свою жизнь Кате и Андриюше. Сама Варвара Ивановна была любопытнейшей личностью, в биографии которой много загадок и тайн. Внебрачная дочь московского князя И.Д. Трубецкого, она жила и воспитывалась в семье князя, получив блестящее воспитание. По семейной легенде, незадолго до своей смерти отец открыл ей тайну ее рождения и, так как она не имела прав на наследство отца как незаконнорожденная, предложил выйти замуж за его друга, генерала Владимира Петровича Пельского, приняв его покровительство; а форму брака предоставлялось выбрать Варваре Ивановне... Как будто бы Варвара Ивановна согласилась, но лишь при условии фиктивности отношений. Но сохранилась запись в ее воспоминаниях, названных ею “Мои сенсации”, — уже после смерти мужа, где говорится о безоблачном восемнадцатилетнем счастье с Владимиром Петровичем... После смерти мужа Варвара Ивановна совершила путешествие ко Гробу Господню вместе с семьей историка М.П. Погодина, увлекательно описав не только местные нравы, но и саму поездку по каменистой пустыне на осликах (известно, что езда на осликах всегда сопровождается мелкой тряской) к иерусалимским святыням... Варвара Ивановна была глубоко религиозным человеком. Сохранился ее рукописный молитвенник, куда она каллиграфическим почерком вписывала молитвы и общеизвестные, и совершенно забытые и нам неизвестные, как, например, молитва во время эпидемии чумы. Между страницами — засохшие цветы или подаренные детьми рисунки 70-х гг. XIX столетия на евангельские темы. Рассматривая молитвенник, прикасаешься к живой истории своего рода...

Катя и Андриюша обожали Варвару Ивановну, называя ее Тетей (иногда Бакой). Сохранилось 200 писем моей бабушки к Тете. Пожелтевшая бумага, выцветшие чернила, аккумуля-

ратный почерк тринадцатилетней девочки, а затем — жены, матери, зрелой женщины, главная забота которой дети, семья. И так до самой смерти Варвары Ивановны в 1902 г. Похоронена она на кладбище бывшей усадьбы Карльсберг, теперь это местечко называется Радошковичи, в нескольких десятках километров от Минска. Интересная подробность: бабушка моя всегда считала себя русской, а дядя Андрюша — белорусом. Его имя, как крупного культурного деятеля Беларуси, теперь внесено в Белорусскую энциклопедию. Тепло отзываясь о В.И. Пельской и Александр Владимирович, несмотря на довольно непростые отношения, которые впоследствии сложились между ними [Жиркевич-Подлеских, Щербакова, 2017, с. 230–231].

В справочнике «Губернии Российской империи. История и руководители» содержится информация о том, что муж В.И. Пельской Владимир Петрович Пельский был вице-губернатором Виленской губернии в период с 5 февраля 1849 г. по 1 сентября 1855 г. и находился в чине коллежского советника.

Дата рождения В.И. Пельской неизвестна, но можно высказать некоторые предположения. Отец Пельской умер в 1827 г., если ей тогда было 16–18 лет, то она могла родиться в 1809–1811 гг. Дата ее смерти известна — 1902 г., значит, она прожила приблизительно 93 года. Варваре Пельской в 1867 г. было не менее 48 лет, если предположить, что замуж она вышла в 16–18 лет и 18 лет прожила в счастливом браке с Владимиром, а после его кончины прошло ровно 12 лет, о чем она говорит в своих записках. В своих путевых записках 1867 г. она постоянно, с любовью и искренним уважением вспоминает своего почившего супруга. Вот несколько примеров:

8 июня. Четверг. Варшава. Скверная погода. Дождь почти не перестает, решаем ехать далее, “коли на то пошло”, как говаривал мой Владимир. Марсель хороший город, по которому я успела побегать. Между прочим, пробегая через цве-

точный рынок, покупаю венок для моего Владимира, обыкновенный мой ему подарок (РГБ. Ф. 218. К. 1288. Ед. хр. 23. Л. 2).

18 августа. Пятница. Афины. И так сошедши к завтраку в залу, где имеют право спрашивать, чего кому угодно, так как кофе подают с козьим молоком и с козьим маслом, а я предпочитаю его с коровьим, то оставляю его для любителей и протягиваю руки к моим друзьям фигам, которых я тем более люблю, что они меня заставляют вспоминать о моем Владимире, для которого я всегда прятала тайком в кармане свою фигу с обеда Бибиковых, где они подавались на самых парадных только, т. е. самых скучных обедах (РГБ. Ф. 218. К. 1288. Ед. хр. 23. Л. 2).

1 сентября. Пятница. На море. Пароход «Дон». Смирна. 3-й день. Мой Владимир незабвенный и моя вечно добрая и снисходительная ко мне Мария Дмитриевна часто предстают моему воображению. Сегодня 12 лет, как я лишилась моего Владимира. Долго ли еще судил мне Господь переживать его? За все благодарение и слава Ему (РГБ. Ф. 218. К. 1288. Ед. хр. 23. Л. 62).

Супруги-путешественники Погодины

Описанное в воспоминаниях В.И. Пельской заграничное путешествие 1867 г. вместе с супругами Погодинами имело своей главной целью именно посещение Иерусалима. Известный литератор, историк, археограф Михаил Петрович Погодин (1800–1875) также оставил свои воспоминания об этой поездке. Как известно, он любил путешествовать и описывать свои путевые впечатления. Это в основном черновые автографы: «Дорожные записки» (1867–1868), в которых он описывает дорогу от Петербурга до Берлина (Ф. 231/І. К. 42. Ед. хр. 260) и «Краткие заметки о заграничных путешествиях» 1853 и 1867 гг. (Ф. 231/І. К. 1.

Ед. хр. 18); «Дорожные записи» о заграничных путешествиях в 1867 г. (Ф. 231/II. К. 42. Ед. хр. 17) и др.

В.И. Пельская была близкой подругой Софьи Ивановны Погодиной и относилась к ней с неизменным сочувствием и вниманием. В ее изображении она предстает деликатной, нежной, кроткой. М.П. Погодин, напротив, изображен как человек властный, несколько авторитарный, с очень сильным и сложным характером, но справедливый. Например, после произошедшего между арабами и иудеями конфликта Погодин принял решение всем уехать из Иерусалима. За день до этого в городе было спокойно, и сам он, несмотря на усталость от тяжелого пути, прошел по Крестному пути Спасителя, тогда как его спутницы из-за плохого самочувствия не смогли этого сделать. Однако Погодин принял решение всем покинуть город, из-за чего дамы были обижены, возмущены и раздосадованы. В то же время они понимали, что он отвечает за их жизнь и поэтому поступил таким образом.

Рассказывая о пути из Майнца, Пельская так описывает взаимоотношения в их коллективе путешественников:

Милостивое разрешение М.П. (мне с Соней) глядеть друг на друга при подобных обстоятельствах, как он выражается, т. е. когда мы проезжаем между двух стен. При лучших же обстоятельствах нам воспрещается болтать о пустяках, и повелевает созерцать природу в молчании. Но я, как нарочно при таких-то обстоятельствах, т. е. хороших, и становлюсь сорокой, и хочу, чтоб весь мир, или хоть, по крайней мере, Соня одна, разделяла мой восторг (РГБ. Ф. 218. К 1288. Ед. хр. 23. Л. 11).

Когда 1 августа путешественники в Париже отправились на выставку, то Пельская отметила, что Погодин приказал им не отставать друг от друга:

Едем на выставку и проводим там целый день. Не берусь описать, и нужно целый год осматривать, и то всего не осмо-

тришь. Многого не видали, многого не смотрели и многого не досмотрели, потому что были связаны: М.П. принуждал волей-неволей следовать, т. е. бежать за ним (РГБ. Ф. 218. К. 1288. Ед. хр. 23. Л. 15 об.).

Особенности авторского повествования В.И. Пельской

Варвара Пельская предстает в путевом дневнике весьма решительной, сильной и самостоятельной женщиной, которая в то же время может быть и весьма осторожной, и безрассудно храброй... Она самозабвенно любит красоту природы, ценит произведения искусства, точно подмечает детали быта, особенности характера людей.

Главная цель Пельской — рассказать о дорожных впечатлениях и событиях, происходивших во время путешествия за границу на пути следования на Святую Землю. Описанное ею путешествие проходило по следующему маршруту: Вильно, Варшава, Дрезден, Карлсбад, Франкфурт, Эмс, Висбаден, Баден-Баден, Париж и его пригороды, Марсель, поездка по Средиземному морю, Афины, Константинополь, Смирна, Александрия, Латокия, Триполи, Бейрут, Яффа, Рамли, Иерусалим, Вифлеем, Вифания, Рамли, Яффа, Порт-Саид, Суэц, Каир, Александрия, Средиземное море, Триест, Вена. Однако описание пути до Иерусалима заняло гораздо больше времени, чем собственно пребывание на Святой Земле.

Путешествие началось из Вильны 7 июня, а закончилось в Вене 10 октября 1867 г. Во Франкфурте Пельская встретилась с Погодиными для совершения запланированного совместного маршрута.

Повествование строится в соответствии с географическим перемещением из одного пункта в другой. Названия пунктов следования, пребывания или прибытия вместе с информацией о его дате подчеркнуты прямой или волнистой линией и вынесены автором на поле рукописи, рядом с соответствующим текстом. Например: «8 июня. Четверг. Варшава», «9 июня. Пят-

ница. Из Парижа в Дрезден», «10 июня. Воскресенье. Дрезден», «12 августа. Суббота. Начало плавания из Марселя. 1-й день», «13 августа. Воскресенье. На море. 2-й день» и др.

Исследователи, изучавшие особенности дневников путешественников, неизменно отмечают, что перемещение из одного географического пункта в другой сопровождается у авторов описаниями природных объектов (особенностей рельефа суши, водного пространства, представителей флоры и фауны, сезонных погодных явлений) и социальных объектов (культурных и увеселительных заведений, произведений искусства, бытовых объектов). Эта особенность проявляется и в дневнике Пельской. Когда путешественники перемещаются по суше, то повествование становится более динамичным и кратким, но во время пребывания на корабле оно обрастает подробностями, так как появляется возможность полюбоваться пейзажами и детально описать их. Такие описания, например, даны во время плавания в октябре по Средиземному морю на пароходе «Прогрессо». Пельская описывает также жилища, строения и здания, которые путешественники видят с палубы корабля:

Выше, почти над гротами, немного далее, посреди скалы, видим — стоит крошечный домик, поставленный на каком-то фундаменте, с кругловатой крышей и маленьким окном. Это, должно быть, его молельня, построенная им самим. Видно, что он старался придать ей вид маленького храма, но здание это, разумеется, весьма убого и похоже на развалину. Вход в него не виден, потому что он стоит к нам задом, но заметна от него идущая дорожка прямо в противоположную пещеру, где должно быть его настоящее, убогое жилище. Направо, несколько пониже, на повороте в самой скале, заметна какая-то грубая постройка, хотя довольно правильная, насколько я заметила, нечто вроде моста или aqueduc, которого значение никто мне не мог растолковать (РГБ. Ф. 218. К. 1288. Ед. хр. 23. Л. 32 об.).

Описания социальных объектов, с которыми путешественники познакомились во время остановок в городах, достаточно конкретны, но в то же время эмоционально окрашены и сопровождаются выражениями различных реакций автора-повествователя на происходящее. В дневнике описываются меняющиеся способы передвижения, места ночлега: гостиница, каюта парохода, келья, комната в доме у знакомых. Пельская делится своими впечатлениями, например, о гостинице в Порт-Саиде:

Часов в 6 пристаем к Port-Said. Городок во младенчестве существующий, только лет 5–6. Удивительно, до чего может дойти ум человеческий с помощью Бога и Энергии! Гостиница наша — настоящий картонный домик, т. к. зимы здесь не знают. Везде предупредительные, вежливые люди встречают М.П-ча, заранее предупрежденные консулами и агентами о его приезде... (РГБ. Ф. 218. К. 1288. Ед. хр. 23. Л. 114 об.).

Автор всегда описывает способы и условия передвижения (поезд, корабль, лодка, дилижанс, карета, лошадь, осел).

Как и другие авторы путевых дневников, В.И. Пельская часто включала в свое повествование эпизоды, рассказывающие о казусах и бытовых приключениях. Так, 2 сентября, на 4-й день плавания на пароходе «Дон» по Средиземному морю, когда путешественники были у Хиоса, «ночью делается страшная качка, какой еще не бывало. Некоторые вещи летят на пол, между прочим, стул с моим дорожным мешком», путешественник бросает из стороны в стороны, падает мебель, но «несмотря на страх такой сильной качки, после того, как я с трудом добралась до своей койки и улеглась, нельзя было не посмеяться от души моей кувырколегии» [Пельская, 1867, л. 63 об.]. Подробно описывает Пельская «празднество по случаю тезоименитства Наполеона» в Тюильри, когда 3 августа они, уставшие, втроем выбирались из толпы, она вынуждена была держаться за юбку Сони, чтобы не потеряться. Благополучно выбравшись, путешественники

оказались в кофейне, но неожиданно появился певец, который «начинает петь куплеты, никто не обращает на него внимания, никто не слушает (кроме разве меня). Все равно он поет. Как вдруг слышу между куплетами мяуканье кошки, потом лай собаки, потом чириканье птички и прочие разнообразные звуки, вовсе не подходящие ни к пению, ни к гитаре. Кончается жужжанием мухи, очень изрядно подражаемым» [Пельская, 1867, л. 15]. О таких эпизодах автор рассказывает с мягким юмором и самоиронией.

Для автора характерно использование разных изобразительных языковых средств: сравнений («Море гладко, как зеркало», «Синея, горы составляют как бы рамку этой великолепной картины», «Громадные дельфины показываются кое-где на поверхности, иногда по 5–6. Странно видеть таких чудовищ, играющих, как маленькие рыбки, на солнце»), метафор («фантастический дворец», «чудная ночь», «необозримая пустота», «яркое солнце», «прелестные горы», «превосходная растительность»), гипербол («самые отдаленные и высокие [горы] достигают туч и теряются в них») и др.

Речь автора-повествователя свидетельствует о ее образованности и хорошем владении русским литературным языком, но в то же время Пельская постоянно включает в текст слова, словосочетания и целые предложения на иностранных языках: французском, немецком, английском, в меньшей степени на польском, итальянском и арабском. Частотность обращения к тому или иному иностранному языку увеличивается, когда путешественница оказывается в стране этого языка.

Она постоянно цитирует книги Священного Писания, причем в Синодальном переводе, видимо, по первому, опубликованному в 1819 г. (Евангелие); в 1823 г. Библия была уже опубликована в новом переводе полностью [Библия, 1823].

Во время своего путешествия Пельская постоянно обращается к взятому с собой в дорогу путеводителю по странам Востока Жана Адольфа и Эмиля Изамбера [*Itinéraire descriptif, historique et archéologique de l'Orient...*]. Он был издан в Париже в 1861 г.

на французском языке. Также во время путешествия на корабле она с увлечением читала воспоминания А.С. Норова о его первой поездке в 1835 г. на Святую Землю [Норов, 1844].

Помимо литературного таланта, Пельская обладала и талантом художественным. Об этом свидетельствуют ее рисунки, иллюстрирующие текст. Так, на л. 30 находится карандашный рисунок с изображением корабля, на берегу — горы, в которых виднеется строение и храм пещерного типа (карандаш). К ним сделана подпись: “Cap Malée. Habitation de l’Hermite”. Cap Malée — мыс Малеа, один из полуостровов на южной оконечности Пелопоннеса в Греции, отделяет залив Лакония в Ионическом море от Эгейского моря. На л. 10 — рисунок «Карта Босфора и окрестностей» (калька, перо, чернила). На поле л. 13 об. — схематическое изображение плана Всемирной Парижской выставки, которая проходила 1 апреля по 3 ноября 1867 г. на Марсовом поле. На л. 69 — рисунок с изображением корабельной палубы (перо, чернила). На л. 94 — рисунок с изображением торговцев в лавке (перо, тушь черная, карандаш красный и синий), к нему сделана подпись на французском языке: “boutique grecque”, т. е. *греческий магазин*.

Следует отметить важную особенность путевых заметок Пельской: они адресованы некоей Алекс (в тексте чаще обращения к Alex). Судя по всему, она была ее близкой знакомой, возможно, младше ее по возрасту или ровесницей. Наиболее вероятным представляется, что это была ее подруга Александра Николаевна, которая упоминается в письмах к Пельской от ее воспитанников Кати и Андрея Снитко [Жиркевич-Подлесских, Щербакова, 2017, с. 238]. Однако среди знакомых Пельской были еще две Александры, которые предположительно могли быть адресатами записок: Александра — сводная сестра Пельской, дочь князя И.Д. Трубецкого от Мансуровой, ученица М.П. Погодина; и Александра — дочь М.П. Погодина от первого брака, вышедшая замуж за военного — Альберта Карловича Зедергольма, старшего брата оптинского старца прп. Климента. Пельская постоянно обращается к Alex и вспоминает свое про-

шное, о котором, судя по всему, ее подруга хорошо осведомлена, рекомендует ей побывать в том или ином месте для знакомства с достопримечательностями. Так, в Карлсбаде она восклицает: «Если судьба тебя занесет туда, Alex, вспомни о нас» (РГБ. Ф. 218. К. 1288. Ед. хр. 23. Л. 5 об.); «Долго сижу я там и мечтаю, и много думаю о Соне и о тебе, Alex. Как бы вам обоим понравился этот славный уголок!» (РГБ. Ф. 218. К. 1288. Ед. хр. 23. Л. 6). Пельская мысленно обращается к подруге и во время плавания на корабле:

Это не совсем успокоительно! Говорят, что ночью мы увидим огнедышащие горы в Липардском острове, мимо которого мы будем плыть. Я ни на что не смотрю, не думаю о тебе, друг мой Alex, и беспрестанно воображаю себе впечатление, которое произвело бы все это на тебя (РГБ. Ф. 218. К. 1288. Ед. хр. 23. Л. 26).

Эта Божия птичка служит для меня развлечением, и мне становится светлее на душе, когда я увижу ее, мелькающую то там то сям, но боюсь за ее участь! Страшна эта черная шумящая труба, из которой клубами идет черный дым. Эта гостя напоминает мне о тебе, Alex, которая любит птичек не менее меня (РГБ. Ф. 218. К. 1288. Ед. хр. 23. Л. 126).

Обращается Пельская к своей подруге и тогда, когда оказывается в домашнем зверинце странноприимного Русского дома на Святой Земле, которым заведовала монахиня Магдалина (Эберн):

Но что меня приводит в восторг и заставляет вспомнить об Alex (о тебе), это прекрасная дикая козочка, которую мать Магдалина называет газелькой (РГБ. Ф. 218. К. 1288. Ед. хр. 23. Л. 91 об.).

Такие метатексты характеризуют автора-повествователя как человека эмоционального и экспрессивного.

Встречи во время путешествия

Во время путешествия Пельская встречала разных людей, которым давала как краткие, так и развернутые характеристики. Это целый калейдоскоп постоянно сменяющихся лиц: случайные попутчики, и старинные знакомые, просто знакомые... Попутчиками могли быть давние знакомые, как, например Станислав Михайлович Нагловский, или случайные люди.

Пельская делает яркие краткие зарисовки или более подробные описания встреч с этими людьми. Запоминаются встречи с глухонемым французским подростком Мариусом; с безымянными русскими женщинами-паломницами, готовившими на корабельной палубе суп из черных сухарей; с католическими монахинями во время грозы на море у Липарских островов и др. С большим чувством юмора описывает Пельская свое общение с проводником-арабом Мустафой во время пути из Яффы в Иерусалим. Это диалог людей, не знающих языка друг друга, но пытающихся общаться жестами, движением головы, мимикой, изменением интонации одного только знакомого им обоим слова «хорошо» (или «корош», как произносит его Мустафа).

Ценность дневниковых записей Пельской также и в том, что в них запечатлены встречи с известными деятелями государства, культуры, религии. Это императрица Мария Федоровна, король Пруссии Вильгельм I Фридрих Людвиг, великая княгиня Елена Павловна, патриарх Иерусалимский Кирилл II, патриарх Александрийский Никанор, архимандрит Антонин (Капустин), советник Русской духовной миссии в Константинополе Евгений Петрович Новиков, посол в Константинополе Николай Павлович Игнатьев, управляющий консульством в Иерусалиме Василий Федорович Кожевников, директор Московского главного архива Министерства иностранных дел Российской империи Павел Борисович Мансуров, русский театральный и музейный деятель, сценарист и художник Иван Александрович Всеволожский, русский князь, уехавший во Францию, принявший католический сан, писатель и церковный деятель Иван Сергеевич Гагарин

(1814–1882) и др. Одним людям автор дает краткие психологические характеристики, например, королю Пруссии Вильгельму I Фридриху Людвигу: «Видела сегодня в парке прусского короля, который ходил в партикулярном платье, как и прочие смертные. Красивый старик, высокий и приятной физиономии». О великой княгине Елене Павловне замечает:

Эта самая В. К. Елена Павловна приехала в Карлсбад несколько дней до нашего отъезда. Я ее видела в церкви. Она уже почти старушка, но еще видны остатки прежней красоты; она держит себя просто, и у нее умное лицо (РГБ. Ф. 218. К. 1288. Ед. хр. 23. Л. 91 об.).

Об архимандрите Леониде (Кавелине) пишет: «Чай и завтрак у архимандрита Леонида — приятной наружности и очень умного человека».

Однако встречи с некоторыми людьми, как например, с супругами Кожевниковыми, описаны довольно подробно. Об этой супружеской паре сохранилось мало сведений, что придает несомненную ценность путевым запискам Пельской. Из материалов архива Русской духовной миссии в Иерусалиме следует, что Кожевниковы скончались в Иерусалиме и были погребены там на Синайском кладбище.

Василий Федорофич Кожевников (09.10.1828–21.03.1885) в 1866 г. получил назначение послом в Иерусалиме, после чего служил на Балканах, в 1880–1885 гг. снова оказался в Иерусалиме, но уже в качестве генерального консула. Как следует из материалов архива Русской духовной миссии в Иерусалиме, Любовь Емельяновна Кожевникова (ум. 13.08.1884) скончалась в возрасте 49 лет от «скоротечного рака». Через 10 месяцев скончался и ее муж в возрасте 58 лет от «апоплексии легких». Погребение обоих супругов было совершено с участием греческого духовенства Иерусалимского патриархата, патриарха Никодима и членов Русской духовной миссии [Крутова, Гугнин, 2017, с. 40; Магдалина (Корнилова), 2017, с. 40].

Пельская подробно описывает свои встречи с супругами Кожевниковыми:

Отдохнувши дома, мне предстоит идти с Погодиными на обед к консулу без приглашения, что меня ставит в затруднительное положение: идти может показаться не-деликатным. Не идти может казаться претензией на особенное приглашение; но он казался мне таким добрым, простым, умным человеком, что это мне придает храбрости. Но оба принимают так радушно, жена консула (Любовь Емельяновна) так проста в обращении, так внимательна и добра, что я чувствую себя у них, как будто их знаю давно. Дом их, убранство, обстановка — со всевозможным комфортом. Обед постный, по случаю праздника 14 сентября превкусный. В первый раз знакомимся с бананами, и по странному стечению обстоятельств я узнала, что эти бананы — те самые, на которые я острила зубы, сидя во время нашего плаванья, и даже со свойственным мне медным лбом (до всего, касающегося вообще растений) пыталась даже выпросить один банан на пробу. Но не успела в этом <...> мне было объявлено, что, дескать, нельзя, потому что они все сочтены, что их везут в Иерусалим консулу как гостинец, и если одной не дочтутся, то что же скажет консул? «Притом, — прибавили мне, — ведь они еще не спелы, и их нельзя есть прежде недели, покуда в дороге на солнце они созреют» <...> За это мое долготерпение судьба меня и наградила; с наслаждением изволила я скушать целых два банана, особенно когда я попробовала по приглашению консула облить ромом и подсластить сахаром.

После обеда Любовь Емельяновна уводит нас в свой прекрасный кабинет, угощает нас кофеем и папиросками и рассказывает нам очень много интересного о ее путешествии по Балканским горам (РГБ. Ф. 218. К. 1288. Ед. хр. 23. Л. 92–93).

Одной из ярких личностей, с кем у Пельской произошли встречи на Святой Земле, была монахиня Магдалина (Эберн). Они, видимо, познакомились еще в России, а теперь встретились на Святой Земле, когда до Иерусалима оставалось 10–11 верст:

Вдруг вижу — летит навстречу ко мне старушка на красивом осле в сопровождении нарядного негра. На старушке монашеский костюм, но, по здешнему обыкновению, носит белый цвет в дороге, на ней накинута белая мантия, которая раздувается от ветра. С поспешностью слезши с осли, она летит прямо ко мне. Я тотчас узнаю мать Магдалину, начальницу странноприимного русского дома в Иерусалиме, которую я видела несколько лет тому назад у Сони, когда она приезжала к М[ихайлу] П[етровичу] хлопотать об этом месте. Она знавала моего Владимира в его молодости и всех Трубецких. Она в нетерпении видется с Погодинами, которые остались далеко позади меня (РГБ. Ф. 218. К. 1288. Ед. хр. 23. Л. 83–83 об.).

Об этой яркой и энергичной личности сохранилось не так много сведений. Прежде всего, следует отметить некролог, написанный архимандритом Антонином (Капустиным) [Антонин, 2014, с. 1–8]; его письмо из Иерусалима к митрополиту Санкт-Петербургскому Исидору (Никольскому) от 8 декабря 1865 г., в котором он пишет:

Смотрительница женского приюта, рясофорная монахиня Магдалина (Александра Эберн) просила меня ходатайствовать пред Святейшим синодом о дозволении ей построения монашеского. Вследствие сего, я в непродолжительном времени войду представлением о сем в Санкт-Петербургскую Духовную Консисторию, вместе с другим, подобным же прошением. Прошу благосклонного внимания Вашего Высокопреосвященства к моему представлению. Лица, ищущие вступления в монашество, представляют в себе все

нужные ручательства истинного призвания к подвижнической жизни [Антонин, 2014, с. 147–148].

Комментируя это замечание, Т.А. Богданова приводит более конкретную информацию:

Монахиня Магдалина (в миру Александра Иосифовна Эберн, март 1806 г. – 16 марта 1870 г.), с 1863 г. смотрительница Русского женского приюта в Иерусалиме. 30 янв. 1857 г. поступила послушницей во Владимирский Успенский монастырь, в 1859 г. совершила первую поездку в Иерусалим, 3 мая 1863 г. в С. Петербурге в Воскресенском женском мон. пострижена в рясофор. 26 июня 1867 г. по представлению РДМ в Иерусалиме пострижена в малую схиму. [Богданова, с. 148].

Письма архимандрита Антонина к митрополиту Исидору были опубликованы Т.А. Богдановой по автографам, хранящимся в ОР РНБ: (Ф. 573. Д. А II/75. Л. 136–139 об., 98–98 об., 99–100 об., 102–105 об.) [Богданова, с. 140–184]

В «Сведениях о русских миссионерах и паломниках, умерших на Святой Земле с 1862 по 1919 год. По материалам Архива Русской Духовной Миссии» находим дополнительные сведения. Монахиня Магдалина занимала должность смотрительницы приюта в течение семи лет (1863–1870):

Пострижена в мантию и причислена к Санкт-Петербургскому женскому монастырю с сохранением занимаемой должности. Владела домом в Бет-Джале рядом с русской школой, который по завещанию передала в собственность архимандриту Антонину. Скончалась 16 марта 1870 г. в возрасте 65 лет. Диагноз — «флегмонозное воспаление желудка». Исповедовал и причащал 15 марта иеромонах Анатолий (Булаковский). Отпевал 17 марта Патриарх Иерусалимский с архиепископами Филадельфийским и Тивериадским и шестью арабскими священниками. Хоронил начальник РДМ

архимандрит Антонин (Капустин) с членами Миссии на Сионском кладбище. Погребена, согласно воле покойной, рядом с могилой паломника и писателя В.К. Каминского [Магдалина (Корнилова), 2012, с. 94–95].

Некролог почившей монахини Магдалине был опубликован в 1870 г. в Одессе, его написал архимандрит Антонин (Капустин) под псевдонимом «один из поклонников». Он подчеркнул, что это была

...неутомимая труженица и строгая исполнительница своего долга... <...> Она давала видеть в себе не простую смотрительницу, а настоятельницу... <...> Ничто не было дорого строгой инокине, как нравственная чистота людей, пришедших на поклонение «святейшей из святынь земных»... [Антонин, 2014, с. 458].

Неоднократно архимандрит Антонин упоминает монахиню Магдалину и в своих письмах к Н.П. Игнатьеву. Так, в письме от 8 октября 1865 г. дает ей такую характеристику:

Этот женский экземпляр о. Леонида, как выражаются здешние острословы... <...> Как полицейская мера она хороша и полезна, но как начальница заведения она невыносимо тяжела [Антонин, 2014, с. 57].

В отделе рукописей РГБ находится также целый комплекс писем от монахини Магдалины (Эберн) к супругам Погодиным. В этих письмах из Иерусалима 1863–1869 гг. — рассказ о непростых взаимоотношениях с разными людьми, о трудном послушании в русском женском приюте. Так, в письме от 25 апреля 1865 г. монахиня Магдалина пишет:

Теперь позвольте рассказать вам про мое житье-бытье. Я назначена смотрительницею нашего женского страннопри-

имного дома, где и нахожусь в настоящее время. Жалованья получаю 20 сереб. руб. в месяц, но хлопот, что не есть конца. К Пасхе у меня находилось без мала до пятисот женщин-паломниц, так что иногда было уже и не под силу. Народ, можно сказать, со всех стран света, с разными характерами, понятиями и направлением. Очень мудрено было приводить всю эту массу людей в точку спокойствия, но, слава Богу, не было по бурной мере ссор, стало быть, и жалоб; я устроением довольна [Магдалина, 1865, л. 3–3 об.]

В воспоминаниях Пельской мать Магдалина (Эберн) предстает веселой, эмоциональной, обладающей незаурядным чувством юмора, с «живостью, удивительной для 70 лет» [Пельская, 1867, л. 109 об.]. Пельская упоминает о ней, когда описывает ночную литургию на Гробе Господнем:

В 12 часов ночи шествие ко Гробу с фонарями, в сопровождении кавасов. Второпях читает нам правило мать Магдалина, как истый дьячок (РГБ. Ф. 218. К. 1288. Ед. хр. 23. Л. 100 об.).

Также автор записок отмечает гостеприимство и радушие монахини Магдалины, сопровождавшей супругов Погодиных и Пельскую на протяжении всей поездки. В странноприимном доме она пригласила приехавших женщин в свою келью и провела гостей по обители, показала сад и сарай, а также животных: красивого черного ослика и «задорную козочку» (РГБ. Ф. 218. К. 1288. Ед. хр. 23. Л. 90–92).

Благодаря монахине Магдалине, Варвара Пельская смогла посетить русскую школу для арабских девочек в Бет-Джале, под Вифлеемом, которая была открыта в 1858 г. Помещение этого учебного заведения состояло всего только из двух комнат и поражало своей бедностью. Там Пельская познакомилась с начальницей школы Е.Ф. Бодровой, о которой и прежде слышала самые добрые слова от знакомых в России и в Иерусалиме. Пельская

с восторгом отзываясь о Бодровой, ее «благотворительности и попечении о всех бедных и прокаженных»:

Но, даже не зная этого, я была готова ее полюбить за ее откровенный взгляд, доброе, простое, кроткое обращение с детьми, которых она заставила читать «Верую» и «Отче наш». Я удивлялась, что арабки могут так порядочно произносить по-русски... <...> Как мне жаль было, что я не запаслась побольше орехами и лакомством для бедных детей. У меня было в кармане только несколько миндалей и фиников и два куса сахара, которые были розданы мною малолетним и приняты с радостью (РГБ. Ф. 218. К. 1288. Ед. хр. 23. Л. 98 об. – 99).

В рассказе Пельской о путешествии в Иерусалим несколько раз упоминается архимандрит Антонин (Капустин). Известно, что он прибыл в Святой Град Иерусалим в 1865 г. в качестве временно исполняющего обязанности начальника Русской духовной миссии. Автор путевых записок имела возможность общаться с ним лично. Так, при описании ночной литургии в храме Гроба Господня она замечает, что была на

...исповеди на Голгофе у архимандрита Антонина. Да даст мне Господь как можно чаще вспоминать и о принятии Святых Таин у Святого Гроба Господня, и да будет оно всем нам во спасение души и в жизнь вечную!.. (РГБ. Ф. 218. К. 1288. Ед. хр. 23. Л. 100 об.).

Когда их небольшая паломническая группа уезжала из Иерусалима, то ее провожал архимандрит Антонин:

Ночь немного душна, и даже на заре прохлады не очень чувствительна. Мы останавливаемся на тех же местах, где останавливались мы, утомленные, ехавши из Яффы. Под развесистыми маслинами, где совершилась моя кувырко-

легия вместе с ослом, мы завтракаем. Архимандрит вынимает приготовленную бутылку шампанского, чтоб выпить за здоровье Михаила Петровича. В довершение всех благ и наслаждения душевного, Михаил Петрович в самом чувствительном и умильном расположении духа повторял: «Сладкие минуты!» Да продлит Господь это состояние. Здесь прощаемся с архимандритом и принимаем его последнее благословение (РГБ. Ф. 218. К. 1288. Ед. хр. 23. Л. 111).

Хотя встречи с архимандритом Антонином (Капустиным) на Святой Земле были не очень продолжительными, но они оставили глубокий след в сердце русской паломницы.

Игумен Вениамин (Лукиянов) предстает в записках Пельской как человек добросердечный и отзывчивый. Автор записок дает ему такую характеристику:

Добрый, кроткий, смиренный и симпатичный отец Вениамин показывает и рассказывает нам обо всем; между прочим — трещину в скале Голгофы, произошедшую от землетрясения в то время, когда Господь испустил дух (РГБ. Ф. 218. К. 1288. Ед. хр. 23. Л. 107 об.).

Об игумене Вениамине (в миру Василии Ивановиче Лукьянове) содержится информация в документах архива Русской духовной миссии в Иерусалиме. Они были опубликованы в «Сведениях о русских миссионерах и паломниках, умерших на Святой Земле с 1862 по 1919 годы. По материалам Архива Русской Духовной Миссии»:

В составе РДМ в 1861–1864, 1871–1896 гг. Скончался 10 сентября 1897 г. в возрасте 82 лет. Диагноз — «расширение легких, катар кишок, истощение». Исповедовал и причащал иеромонах Аристарх. Хоронил Иерусалимский Патриарх Дамьян с греческим духовенством и членами Миссии 11 сентября на Сионском кладбище [Крутова, Гугнин, 2012, с. 87].

В своих воспоминаниях Пельская упоминает супругов Грановских:

Прощание с доброй Катериной Николаевной (Грановской), о которой я позабыла сказать слово, а теперь уже и нектати. Она нечто вроде смотрительницы в русском доме, т. е. гостиницы, где находятся номера, в которых я останавливалась; по-видимому, кроткая терпеливая молодая женщина, но не в ладах с Магдалиной, которую не очень вообще долюбивают за ее сварливый живой характер. Муж Катерины Николаевны, архитектор, молодой человек, болезненный и желчный, но, говорят, честный и добрый человек. Они очень небогаты, терпят нужду и разного рода неприятности от людей, как то часто бывает при бедности... (РГБ. Ф. 218. К. 1288. Ед. хр. 23. Л. 108–108 об.).

Как удалось установить, речь идет об известном архитекторе и художнике Михаиле Феофановиче Грановском (1833–1906), который получил образование в Санкт-Петербургской академии художеств. В 1859–1860 гг. он находился на Афоне в составе специальной художественно-археологической экспедиции и копировал иконы и зарисовывал церковную утварь. Он был приглашен в Иерусалим для внутреннего оформления Свято-Троицкого собора, построенного по проекту известного архитектора М.И. Эпингера. После окончания этой работы М.Ф. Грановский остался на Святой Земле еще на два года для того, чтобы создать пять картин, на которых изобразил храм Гроба Господня и его внутреннее убранство, Гробницу Божьей Матери в Вифлееме, выставка которых состоялась в Москве в 1874 г. и прошла с большим успехом [Хаирова, с. 304–315].

Путевые записки Варвары Пельской являются не только прекрасным образцом дневниковой прозы, в котором содержится подробный рассказ о путешествии русских людей в страны Западной Европы и на Ближний Восток, но и ценным истори-

ческим источником, в котором правдиво изображены реалии того времени. Это талантливое художественное произведение, которое читается на одном дыхании и вызывает теплое чувство сопричастности к описываемым событиям и людям.

Выражаю искреннюю благодарность директору Департамента специализированных отделов РГБ кандидату исторических наук М.Е. Ермакову за помощь в атрибуции гравюр и бумаги, на которой они находятся; за помощь в переводе с французского языка главному архивисту ОР РГБ В.И. Бурцеву, а также в переводе с немецкого языка главному архивисту Е.В. Зотовой.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Варвара Пельская

Мои сенсации — 1867 года

Среда. 7 июня.

Выезд из Вильно в 7 часов утра. Приезд в Варшаву в 6 ½ часов вечера. Останавливаемся в Hotel Polski¹, очень посредственный и довольно грязный, но рады и этому: все полно везде по случаю приезда Государя, и с трудом могли найти себе две крошечные комнатки за довольно умеренную цену.

8 июня. Четверг. Варшава.

Скверная погода. Насилю выбрали полчаса, чтоб погулять в Лазенках², где нас застигнул дождь. Станислав Антонович³

¹ Отель «Польша» (англ.)

² Парк в Варшаве.

³ Нагловский Станислав Антонович (ум. после 1867) — муж Марии Дмитриевны (1819–1865), отец Дмитрия Станиславовича (1838–1890), русского военна-

в первый раз видит Варшаву, которая ему чрезвычайно нравится. Он в восхищении от Саксонского сада⁴. Все здесь напоминает мне о моей бедной угасающей понемногу Марии Дмитриевне. Станислав Антонович большей частью в лиричном расположении духа и, кажется, весь погружен в воспоминания о своей дорогой покойнице.

Дождь почти не перестает, решаем ехать далее, «коли на то пошло», как говаривал мой Владимир⁵.

9 июня. Пятница. Из Варшавы в Дрезден.

В 7-м часу утра покидаем Варшаву. Мой Станислав Антонович заводит знакомство со всеми соседями, я рада за него, пускай тешится по polski, пока не доехали до Deutsche sprache⁶, в котором ему не так привольно. Его рассеянность приводит меня в отчаяние и, когда он выходит из вагона, я заранее знаю, что он его нес скоро найдет, хотя я стою у окна и махаю и руками, и платком, но он бежит всегда мимо меня, не видя и не слыша моего пискливого отчаянного голоса: «Станислав Антонович! Сюда, сюда!» В Черновицах особенно напугал он меня: уже свисток, уже запирают вагоны, а моего Станислава Антоновича нет! Наконец бежит, и бежит мимо! Он обладает особенным комизмом, когда, запыхавшись и весь в поту, живо влетевши, наконец, в вагон и с поспешностью садясь на свое место, утирая пот со лба, он начинает свою речь ко мне скороговоркой: «Ну что же? Вот я и здесь! А вы уже испугались, и напрасно! Зачем спешить? Я никогда не спешу и всегда успе-

чальника, генерал-лейтенанта. Отец и сын Нагловские были корреспондентами М.П. Погодина; их письма хранятся в ОР РГБ.

⁴ Саксонский сад в Варшаве был основан в конце XVII в., его открыли для широкой публики 27 мая 1727 г.

⁵ Пельский Владимир Петрович (ум. 1855) — муж В.И. Пельской, коллежский советник, вице-губернатор Виленской губернии (1849–1855).

⁶ немецкий язык (*нем.*)

ваю, я все люблю делать *langsam, langsam!*⁷» Как бы ни было досадно на моего доброго Станислава Антоновича, а нельзя не засмеяться.

*Пиотрков*⁸.

Губернский город. Слава Богу, тепло, и погода проясняется.

*Ченстохово*⁹.

1 ½ часа пополудни. Монастырь, глядя, на который мы с моей Марией Дмитриевной помолились внутренне образу Чентстховской Божьей Матери.

Катовиц.

5 часов, таможня. Видны уже издали горы. Являются уже мои добрые немцы. Наш услужливый молодой сосед считает для меня и рассчитывается за меня за закуску и готов даже и своими заплатить, если б я позволила. Кто из путешествующих не испытал добродушия немцев!

Oppeln.

Горы. Харламовы с нами.

Brieg. Вреславль.

Налево — первые большие горы. 9 часов вечера.

10 июнь. Суббота. Дрезден.

Дрезден в 4 часа утра. Останавливаемся вместе с Харламовыми в “Hotel de Rome”. Вечером идем жуировать на Brühlsche Terrasse¹⁰ с Станиславом Антоновичем. Туда же приходят Харламовы.

⁷ медленно, медленно (нем.)

⁸ Правильно: *Петроков*. Губернский город в Царстве Польском в составе Российской Империи.

⁹ Ченстохов — город известен чудотворным образом Ченстоховской Божьей Матери XIV в., хранящимся в монастыре Ясной Горы.

¹⁰ *Терраса Брюля* — набережная реки Эльбы в центре старого Дрездена; ее прекрасный вид с противоположного берега Эльбы получил название «панорамы Каналетто»; с начала XIX в. также стали называть «балконом Европы».

11 июня. Воскресенье. Дрезден.

Обедня. Картины. Галерея, куда я иду одна, давши rendez-vous¹¹ Харламову и Станиславу Антоновичу у «Мадонны» Рафаэля. Но случается недоразумение: Харламовы приходят без Станислава Антоновича, мне очень досадно. Table d'hôte¹². Zoologische garten¹³.

Вечер. Едем в театр и прекрасно проводим время. Дают "Der Blitz"¹⁴ — маленькая оперетка, прекрасно сыгранная и в особенности спетая двумя примадоннами; la Henisch особенно мне нравится, давно я не слыхала такого симпатичного голоса. Все мы остаемся довольны спектаклем.

Здание театра преизящно. Часы (l'horloge du theatre¹⁵) привлекают мое внимание как особенного устройства, о котором я тебе расскажу на словах.

Понедельник. 12 июня. Дрезден.

Утро потеряно в магазинах. Вечером Musée Japonais¹⁶, которого я не знала. Это огромные подвалы, вроде подземелья, с огромным количеством всевозможных фарфоровых вещей, из коих две вещи особенно примечательны: un arbre à camelia¹⁷ и бюст принцессы Шарлотты¹⁸, на которой небрежно наброшен кружевной вуаль, до которого надобно дотронуться пальцем, чтобы поверить, что он фарфоровый.

¹¹ свидание (фр.)

¹² Табльдот (фр.) — общий стол (по общему меню) в гостиницах, курортных столовых, ресторанах.

¹³ Зоологический сад (нем.)

¹⁴ Молния, вспышка (нем.)

¹⁵ Театральные часы (фр.)

¹⁶ Японский музей (нем.) — барочный дворец в центральной части Дрездена.

¹⁷ дерево камелии (фр.)

¹⁸ Шарлотта Кристина София Брауншвейг-Вольфенбюттельская (1694–1715) — жена царевича Алексея Петровича, мать императора Петра II, тетка императрицы Марии Терезии и королевы Пруссии Елизаветы Кристины, супруги Фридриха Великого.

13 июня. Вторник. Дрезден.

Поездка вдвоем со Станиславом Антоновичем в Мейсен¹⁹ на интересную фабрику, которую нам показывали сверху донизу со всеми подробностями. Любовь к цветам меня удивляет и радует в немцах. Против почти каждого работника стоит в стакане воды розан; не для того, чтоб рисовать его с натуры, “mais parce-que c’est la saison des noces”²⁰, — говорит мне наш guide²¹. Я уже давно заметила, что никто так не любит цветы истинною и как бы нежною любовью, как немцы.

14 июня. Среда. Из Дрездена в Карлсбад.

Выезжаем из Дрездена в 4 часа утра вместе с Харламовыми. Riesa — прекрасный горд на Эльбе; видны пароходы. Waldheim — начинаются мои скалы, мои друзья, которых я всегда встречаю с невольным восторгом. Чудно хорош Валдгейм, сидящий на неизменном месте, окруженный скалами, моими друзьями, как их называет m-me Харламова.

Chemnitz. 7 ч. Halte d’1 h. ½ 22

Дурная гостиница (т. е. anberge²³). Отсюда поворот на Anaberg — новоустроенная дорога в нынешнем году. Здесь мы начинаем четырехместный экипаж (в 9 ч. утра) вместе с Харламовыми и всю дорогу проводим очень весело. Wiesenthal — 3 часа отдыха. Исполинские горы. Места, где мы проезжаем, так высоки, что по местам виден еще нарастающий снег между горами. Oberwiesenthal — таможня. Снисходительность и вежливость.

¹⁹ Мейсен — один из древнейших городов в Германии, который называют «колыбелью Саксонии»; резиденция маркграфов и первых саксонских курфюрстов, епископов Мейсена и императорских наместников.

²⁰ но потому что сейчас сезон свадеб (фр.)

²¹ проводник (фр.)

²² Стоянка 1,5 часа (фр.)

²³ гостиница, постоялый двор (фр.)

В 9 часов вечера въезжаем в Карлсбад. Я без голоса и ужасно устала. Останавливаемся в Erzherzog Karl²⁴.

15 июня. Четверг. Карлсбад.

На другой день иду искать квартиру. Переезжаем в 3 Narcis-sen²⁵. Наша хозяйка с goiterом²⁶, с недоброй физиономией (Frau Hammer²⁷). Письмо от Сони, которая извещает меня о своем приезде в Карлсбад, — неожиданный для меня сюрприз, который чрезвычайно меня радует.

16 июня. Пятница. Карлсбад.

В Карлсбаде находятся многие знакомые для Станислава Антоновича. Я рада за него. Кроме Харламовых, еще Похвистневы и Батюшковы. Против наших окон над домами прекрасный вид на Hirschen Sprung²⁸. На самой высокой скале стоит большой крест, у подножия которого каждую субботу набожные жители зажигают лампадку, свет которой поздно вечером виден от нас.

17 июня. Суббота. Карлсбад.

Всенощная в нашей русской церкви²⁹, построенной в греческом вкусе. Жаль только, что выбрали для нее самое дрянное место — близ чего-то, вроде кабака, где обдает прохожих запах пивных бочек. Около нашей церкви несколько шагов далее стоит лютеранская хорошенькая церковь, окруженная цветами.

²⁴ «Эрцгерцог Карл» — название отеля.

²⁵ «Три нарцисса» (нем.) — название отеля.

²⁶ зоб (фр.)

²⁷ госпожа Хаммер (нем.)

²⁸ Скала Hirschensprung (нем.) — буквально «Олений прыжок» — со старейшей в Карлсбаде смотровой площадкой.

²⁹ Имеется в виду домовая церковь в небольшом здании «Вашингтон», напротив гостиницы «Пупп», освященная 25 мая 1867 г. Известно, что там был дубовый иконостас, созданный по проекту архитектора П.А. Заруцкого и написанный И.А. Тюриным, пожертвованный вел. кн. Еленой Павловной.

18 июня. Воскресенье. Карлсбад.

Обедня. Служба порядочная. Пение посредственное. Между певчими несколько немцев, которые поют *Guospodi pomilouy* и отвлекают, с непривычки, внимание от службы. Прогулка в коляске с Харламовыми в Dalvitz³⁰, где находится большой склад фарфора, который бы меня заинтересовал, если б я не видела бы прежде Мейсеновскую фабрику.

19 июня. Понедельник. Карлсбад.

Прогулка с Харламовыми на ослax в Kreutzberg³¹ и в Panogama. Станиславу Антоновичу нездоровится, и он принужден оставить нас на полдороге. Вообще неудачная прогулка. Дождь застает нас. Во время дождя мы заходим в бельведер в Panogama, откуда из окон чудесный вид на весь город, который виден у нас под ногами. Дождевые крупные капли, освещенные солнцем, совершенно походят на бриллиантовый дождь и приводят меня в восхищение: мне еще никогда не случалось видеть подобного зрелища.

20 июня. Вторник. Карлсбад.

Мой Станислав Антонович невзлюбил нашу квартиру, потому что она слишком шумна. Особенно надоедают ему мальчишки-свистуны. Я не знаю, как быть: я сговорилась с хозяйкой на целый месяц.

21 июня. Среда Карлсбад.

Я поджидаю Погодиных или письма — но тщетно. Мой Станислав Антонович не разделяет моего восхищения Карлсбадом, и ничто ему не нравится. Он в болезненном расположении духа, а я начинаю волноваться насчет Погодиных.

³⁰ Dallwitz — фарфоровая фабрика в Карлсбаде.

³¹ Смотровая площадка «Три креста» на высоте 554 м над уровнем моря; была популярна благодаря хорошей доступности и открывающемуся с нее прекрасному виду.

22 июня. Четверг. Карлсбад.

Идем с Станислав Антонович и понемножку идем все в гору и достигаем до самого Hirschen Sprung. Сам Станислав Антонович гордится своим подвигом. Неподалеку есть прекрасное место около самого того креста, который виден из наших окон, и у подножия которого горит лампадка по субботам. Это место было в старину почти недосыгаемым, и наш Петр первый преодолел эту трудность и первый взшел на эту высоту. В память этого события кто-то поставил мраморную доску со следующими стихами³²:

Великий Петр! Твой каждый след
Для сердца русского есть памятник
священный,
И здесь, средь гордых скал, твой образ
незабвенный
Встает в лучах любви, и славы, и побед.
Нам святы о тебе преданья вековые,
Жизнь русская тобой еще озарена
И памяти твоей, великий Петр, верна
Твоя великая Россия.

Вяземский

Отсюда вид на весь Карлсбад — верх великолепия. Под крестом есть славное местечко вроде галерейки, в скалу вделана мраморная доска, на которой мы со Станиславом Антоновичем внизу с левой стороны написали свои скромные имена. Если судьба тебя занесет туда, Alex, вспомни о нас.

³² Существует легенда о том, что однажды чешский король заметил, что ни один всадник не смог подняться на близлежащую гору с отвесными скалами. Тогда Петр I, неоднократно бывавший в Карловых Варах, поспорил на дюжину ящиков вина, что сможет это сделать. Так и произошло. В память об этом событии на вершине горы местные жители огородили площадку и установили барельеф русского царя, позже на памятной доске разместили стихотворение поэта П.А. Вяземского, написанное в мае 1853 г.

Вслед за этим проходит много дней, тяжелых и бессонных ночей. Погодины не едут и нешают.

30 июня. Пятница. Карлсбад.

Идем с Станиславом Антоновичем в Poshof на концерт, но мне неудача на музыку, и до сих пор я почти ее не слыхала. Харламовы проезжают мимо и увозят меня с собой на прогулку. С ними их родственник (Петр Иванович Трут — образованный, приятный и добрый человек). Едем в деревню Hammer, где живет один артист — поэт своего рода. Некто Günther, который делает разные чудные инкрустации из всевозможных дерев, которые существуют на свете. Нельзя ни описать, ни вообразить его chefs-d'oeuvre³³; у него предобродушная физиономия, он большой говорун и находит во мне сходство с Еленой Павловной (!), которую он некогда видел. Эта самая В.К. Елена Павловна приехала в Карлсбад несколько дней до нашего отъезда. Я ее видела в церкви. Она уже почти старушка, но еще видны остатки прежней красоты; она держит себя просто, и у нее умное лицо. Я бы не прочь была иметь с ней сходство, которое существует только в воображении любезного Kunstlera³⁴. Я его называю poète-artiste³⁵, потому что он действительно в душе поэт. “Ich liebe meine Kunst — ich lebe in meiner Kunst”³⁶, — говорит он с восторгом, и вообще говорит, как бы декламируя. Полюбовавшись его прелестными коробочками, ящиками и столами, каких мне нигде более не видать (ни даже в царских палатах!), и ничего не купивши у него, — он очень любезно нас провожает, как будто мы век с ним знакомы, т. е. как все добродушные немцы. Едем в Kaiserpark. Чудное место, чудные розы. Г-н Trutt вполне разделяет мою любовь к цветам, чему я чрезвычайно довольна. Я так люблю, чтоб любили цветы!

³³ шедевр (фр.)

³⁴ художник (нем.)

³⁵ поэт-художник (фр.)

³⁶ Я люблю мое искусство, я живу в моем искусстве. (нем.)

3-е июля. Понедельник. Карлсбад.

Иду одна-одинешенька в горы отыскивать Eisene Gemse³⁷, о которой я узнала по картинам. Мне досадно, что, бывши на Hirschsprung, я не знала об этом месте, которое находится тут же, близко, и решила, что найду его непременно. Но без помощи добрых немцев ни за что бы не нашла. Милая 14-летняя девочка ведет меня к этому уединенному местечку, которое так мне нравится, что мне жаль с ним расставаться. Долго сижу я там, и мечтаю, и много думаю о Соне и о тебе, Alex. Как бы вам обоим понравился этот славный уголок!

Ряд бессонных и безотрадных дней. D. Motti писала, что Погины собираются в Иерусалим! Неужели в Старый?!

5 июля. Четверг. Карлсбад.

Наконец письмо из Петербурга. Все живы и здоровы, но в Карлсбад не придут! Много бессонных ночей понапрасну. Дрянь Сонька! Прощай мои воздушные замки насчет прогулок с Соней, которой так бы понравился Карлсбад! Дожди почти постоянно. Все это располагает нас обоих с Станиславом Антоновичем к хандре.

13 июля. Четверг.

Письмо от Сони. Она, наконец, сама пишет, что едет в Иерусалим, настоящий, Старый!... Итак, dear Motti говорила правду. «Едва ли ты поедешь с нами, — пишет Соня, — в такие дальние страны». ... Как мне это понять? Может ли она действительно сомневаться, что мне бы хотелось видеть страну, где жил и страдал Спаситель наш? Не хочет ли она мне дать понять деликатным образом, что лучше было бы мне не ехать?

Рядом с бессонницами ряд недоумений разного рода. Колеблюсь между желанием удовлетворить возбужденное любопыт-

³⁷ Железная серна (нем.) — знаменитая металлическая скульптура серны на горе Хиршенспрунг, созданная берлинским скульптором Августом Киссом в 1851 г., установленная на скале «Олений прыжок».

ство насчет Иерусалима; между угрызениями совести оставить бедного старика Нагловского как бы на произвол судьбы; между страхом быть лишней между Погодинами — опасение разных выходов и пр. и пр.

Пусть решает судьба... Курс моего Станислава Антоновича кончается в самую пору для меня. Погодины пишут, что выезжают дня через 4 из Эмса. Добрый Станислав Антонович сам хочет отвезти меня в Эмс и оттуда ехать один в Висбаден. Ему там будет скучно одному. Я это знаю и все-таки надеюсь, что поездка моя в Иерусалим устроится.

20 июля. Четверг. Выезд из Карлсбада.

А жаль Карлсбад! Станислав Антонович об нем не так жалеет, как я. Ему слишком надоели свистуны-мальчишки. Всякий раз, как он слышит их, он стучит кулаками по столу: «Уж как бы я его высек розгами, этого негодяя!» Я не узнаю доброго Станислава Антоновича, так он в эти минуты сердит. Но лишь только свистуны убегают, не слышать — он продолжает *patience*³⁸ как бы ни в чем не бывало.

В 8 ½ часов утра садимся в дилижанс. Харламовы нас провожают. Начало дороги чудесное.

Elbogen — город с старинным замком того же названия. Прекрасное местоположение — висячий мост на реке Эгер. 2-d relais:³⁹ Falkenau. Приближаемся к Баварии. Являются целые рощи хмеля. Веселые ландшафты.

Eger. Принуждены дожидаться на бангофе⁴⁰ до 1-го часа ночи *shnell zug*⁴¹. Усталость уже. Выезжаем по железной дороге в 1 час 40 минут ночи. Weiden, Irrenlohe, Schwandorf (перемена вагонов). Качающиеся вагоны напоминают мне мою Марию Дмитриевну и мое с ней путешествие. Опять назад на Irrenlohe, Am-

³⁸ пасьянс (*фр.*)

³⁹ Вторая станция (*фр.*)

⁴⁰ От Bahnhof (*нем.*) — железнодорожный вокзал.

⁴¹ Скорый поезд (*нем.*)

berg весь в садах. Nürnberg, Fürth — фабричный город. Kitzingen, Würzburg (где лечилась Мария Дмитриевна). Вид этого города тяжело действует на бедного моего Станислава Антоновича. Он говорит, что он его ненавидит. Построен новый бангоф — великолепный, на месте, где был прежде деревянного строения Lohr, Laufach (длинный туннель), Aschaffenburg, Hanau, Франкфурт в 3-м часу.

Отдохнув немножко, бегу к дантисту Le Bailley, который живет все на том же месте (на Цейле⁴²). Иду просить у него неприятной операции. Нахожу его очень состарившимся. Он был некогда красавцем.

22 июля. Суббота. Франкфурт.

Приятное ощущение быть без зубов, после того как прошла через приятную операцию. Что не мешает мне тащить за собой моего Станислава Антоновича в Musée Betmans полюбоваться на Ариадну⁴³. Мой Станислав Антонович крайне удивляет меня, сказав очень серьезно: «Это прекрасно, но безнравственно?!» Желала бы я знать, согласна ли бы была Мария Дмитриевна, что вид артистических произведений может быть безнравственным? Я никак не могу понять это. Разве сюжет был безнравственным? Тогда было другое. Мы долго спорим об этом, что не мешает нам остаться друзьями. Но мне внутренне досадно на моего честного, благородного, чистого старичка, я никак не могу переварить странную его мысль. От Бетмана едем смотреть Диораму. Я боялась, что это вовсе не займет моего Станислава Антоновича, который часто находит, что у меня детские вкусы (и он едва ли не прав!). Но, к моему удивлению и удовольствию, он сам, кажется, еще более восхищается этими картинами, чем я. Показывают их две.

⁴² Цайль (нем. Zeil) — самая известная торговая улица Франкфурта-на-Майне.

⁴³ Скульптура Иоганна Генриха фон Даннекера (1758–1841) «Ариадна на пантере».

1 [картина]. Le lac des 4 Cantons⁴⁴: перед открытием занавеси гремит гром, но так натурально, что мы оба с Станиславом Антоновичем пресерьезно говорим: «Вот тебе раз, будет гроза!» И действительно, гроза, но не у нас, а за занавесью “authans du lac des 4 Cantons”⁴⁵. Льет дождь, все это чрезвычайно живо представлено, особенно когда перестает и кое-где слышны капли дождя, все реже и реже. Великолепный заход солнца, который освещает багровым цветом снежные горы, окружающие озеро и деревни. Ranz des vaches⁴⁶ слышен в горах. Как швейцарцам не любить своей отчизны! Такой красавицы отчизны!.. В заключение слышен орган. Вечереет. Вечерняя служба идет в деревенской церкви, внутренность которой освещается — свет виден из окон.

Вторая картина хотя так же хороша, но менее интересна. Это Notre Dame de Paris — le pont d'Arcole. Effet de jour — effet de nuit⁴⁷. Мой Станислав Антонович остается доволен, и я même en belle humeur⁴⁸!

23 июля. Воскресенье. Франкфурт.

Католическая обедня в Dôme-Kirche⁴⁹ с Станиславом Антоновичем. В галерею — заперто! Станиславу Антоновичу не счастливится на картинные галереи! Я с обновкой! 6 новых зубов! которые мешают мне есть и заставляют картавить. Я уже не могу выговорить: “Sans-Souci, combien ces six saucissons-ci?”⁵⁰

⁴⁴ «Озеро четырех кантонов» (фр.)

⁴⁵ «штормовые ветра озера 4 кантонов» (фр.).

⁴⁶ «Выгон коров» (фр.) — простая мелодия швейцарских альпийских пастухов на рожке при выгоне скота на пастбище.

⁴⁷ Собор Парижской Богоматери — Аркольский мост. Дневной эффект — ночной эффект (фр.)

⁴⁸ тоже в хорошем настроении (фр.)

⁴⁹ Вероятно, имеется в виду собор Св. Варфоломея во Франкфурте.

⁵⁰ «Сан-Суси, сколько стоят эти шесть сосисок?» (фр.)

Вечером опера Мейербера «Африканка». Сидим в партере в ужасной тесноте и страшной жаре, отовсюду дует. Я в страхе за Станислава Антоновича.

Станислав Антонович хочет сам заботиться о багаже, и выходит путаница с сундуками. Мой отослан в Висбаден вместо Эмса. Я раздосадована.

24 июля. Понедельник. Выезд из Франкфурта.

Выезжаем в 10 часов утра. Schnell zug. 3 часа едем от Eltville по Рейну. Вспоминаю о Соне, с которой мы проехали по прекрасным этим местам. Winkel, замки: Rheinstein, Bacharah, Caub, la Pfalz, Lürlei, Boppard, где жили мои дорогие <нрзб.> в 1844 г. Stolzenfels — замок, в котором мы были с Соней. Все это мне знакомо, и я рада видеть все это еще раз.

В 3 часа попали мы в Эмс. М.П.⁵¹ встречает меня с распростертыми объятиями, и при первом моем намеке, ехать ли с ними в Иерусалим, он дает мне понять, по-своему, что я не мешаю: «Нечего о пустяках толковать!» — говорит он. Стало быть, дело решено. Но у меня в сердце остается сомнение насчет моей Сони, которое остается долго, как я ни гоню его от себя.

25 июля. Вторник. Эмс.

Скрепя сердце, провожаю своего Станислава Антоновича, который, полюбовавшись Эмсом, уезжает одинешенек в Висбаден на три недели. Проводив его, идем на прогулку и взбираемся на самую высокую гору. С нами М.П., который храбро подымается ввысь, несмотря на свою хромую ногу. Сопровождает нас какой-то Марецкий, московский житель. На возвратном пути нас застает проливной дождь. Мы возвращаемся домой в виде мокрых куриц.

⁵¹ Здесь и далее инициалами М.П. в путевом дневнике В.И. Пельской обозначен Михаил Петрович Погодин.

28 июль. Среда. Эмс.

Депеша от Станислава Антоновича, который извещает, что сундук мой достиг благополучно своей цели, и будет мне возвращен на другой день. Станислав Антонович пишет, что он тоскует ужасно, один-одинешенек, без одной знакомой души, бедный мой! Если бы не такое интересное путешествие, от которого также почти грех было бы отказываться, было бы жестоко с моей стороны бросить бедного старика на произвол судьбы. Дмитрий ни разу не писал. Что бы это значило?

Видела сегодня в парке прусского короля⁵², который ходил в партикулярном платье, как и прочие смертные. Красивый старик, высокий и приятной физиономии.

27 июля. Четверг. Эмс.

Предположено Михаилом Петровичем выехать в субботу, и мне с ними. Мне жаль расставаться с моей красивой маленькой комнаткой в Hotel Balzer, которым мы всегда любовались с Соней, живши вдвоем в Эмсе.

28 июля. Пятница. Выезд из Эмса в Висбаден.

Человек предполагает, но Бог располагает. Я об этом давно знаю, в особенности это часто мне упоминает судьба с тех пор, как я за границей... Пришло письмо от какой-то Голицыной к Погодину⁵³. Князь Николай Иванович Трубецкой⁵⁴ в Висбадене болен, не может сам писать и убедительно просит Погодина приехать навестить его. Я опять в тревоге. Не дожидаясь По-

⁵² Вильгельм I Фридрих Людвиг (1797–1888), король Пруссии с 1861 г.

⁵³ Возможно, это было письмо от Веры Федоровны Голицыной (урожд. фон Пешман; 1794–1866), одной из корреспонденток М.П. Погодина (например, ОР РГБ сохранилось ее письмо от 1857 г.: Ф. 231/II. №48).

⁵⁴ Трубецкой Николай Иванович (1797–1874) — придворный и государственный деятель из княжеского рода Трубецких, обер-гофмейстер Императорского двора (1861), президент Московской дворцовой конторы (1859–1873), член Государственного совета Российской империи (1867), московский эпикурец и хлебосол, известно его прозвище *Le Nain Jaune* («желтый карлик»).

дина, я готова ехать с опозданием 11 час. Еду на произвол судьбы, не зная адреса князя Николая, который позабыли написать в письме.

Довольно труда стоит мне найти его hotel. Осведомившись о главных и не застав Станислава Антоновича, который уехал во Франкфурт к дентисту⁵⁵, я иду от одного отеля к другому, спрашивая, нет ли тут князя Трубецкого. К счастью, попадаетесь мне навстречу Павел Борисович Мансуров⁵⁶ и ведет меня к нему в Курзал, где князь сидит уже за столом и угощает молодых. Эти молодые — не кто иной, как бывший Ваня Всеволожский⁵⁷ с молодой женой, урожденной Волконской, и еще Эммануил Мещерский⁵⁸, сын моей дорогой Александры Ивановны⁵⁹, которого я видела грудным ребенком. Он напоминает князя Николая en laid⁶⁰. Мой князь, слава Богу, не так опасен, как я себе воображала, но все, что слышу об нем от П.Б. Мансурова, неутешительно. После первых приветствий князь велит мне сесть за стол, и я вооружаюсь всею своей храбростью, чтобы не заметили во мне излишней глупой застенчивости. После обеда все вместе идем провожать на бангоф молодых супругов. Князь велит мне прийти к нему. Иду и застаю там Павла Борисовича, который узна-

⁵⁵ Использована калька с английского слова dentist — зубной врач, дантист.

⁵⁶ Мансуров Павел Борисович (1826–1910) — государственный и общественный деятель, историк, член-учредитель и член 1-го состава Совета Православного Палестинского общества (1882–1883), сенатор (1865).

⁵⁷ Всеволожский Иван Александрович (1835–1909) — русский театральный и музейный деятель, сценарист, художник; в 1881–1899 директор императорских театров, в 1899–1909 директор императорского Эрмитажа; тайный советник, обер-гофмейстер. В 1867 г. женился на княжне Екатерине Дмитриевне Волконской (1846–1898).

⁵⁸ Мещерский Эммануил Николаевич (1832–1877) — князь, флигель-адъютант, участник Кавказской и герой русско-турецкой войны; погиб при обороне перевала Шипка на Балканах.

⁵⁹ Мещерский Николай Иванович (1798–1853) — подполковник; был женат на Александре Ивановне (урожд. Трубецкой).

⁶⁰ своей невзрачностью (*фр.*)

ет, что князь у Голицыной. Прождав с ним, т. е. с Мансуровым, добрый час и тщетно дожидаясь князя, мы вместе идем искать его в Курзал. Обходим все великолепные залы, все игорные столы, обходим кругом галереи — князя нет. Я возвращаюсь домой, уставшая морально и физически. Станислав Антонович возвращается в 10 вечера. Я останавливаюсь в его же отеле.

29 июль. Суббота. Висбаден.

Станислав Антонович, как я и предполагала, не позаботился искать себе дешевую квартиру. Идем вместе искать. Так как ему вредны лестницы, я рада бегать за него и спокойнее могу его оставить после того, как он устроится при мне. До часу ждем и, наконец, находим. Он идет обедать, а я иду встречать Погодиных. Михаил Петрович не намерен оставаться в Висбадене более часу. Князь идет сам им навстречу и так мило, убедительно просит, что М.П. должен согласиться отобедать с нами и ночевать в Wiesbaden⁶¹. Table d'hôte у князя в отеле. После чего мы таскаемся за ним по парку. Усталость и скука смертельные. Едва ли он сказал мне 10 слов. Притом он оскорблен, что я не пришла к нему вчера, и я никак не могу ему растолковать, что я была у него, не нашла, даже я избегала весь Курзал, чтоб отыскать его. Но моя судьба иметь с ним вечные недоразумения и никогда друг друга не понимать, даже в самой простой корреспонденции. Мой князьенька сгорблен, постарел, совершенно предался набожности, т. е., лучше сказать, предался в руки своих святых отцов. Он совершенно поседел, но все так же красавец и более чем когда-либо походит на оригинального англичанина. Мы прощаемся с ним в 8 часов. Он идет от нас, ни разу не оглянувшись. Свидание наше не оставило нам ничего отрадного на душе. Увидимся ли еще когда-нибудь...

⁶¹ В путевом дневнике В.И. Пельской на л. 10 помещен рисунок автора: «Карта Босфора и окрестностей» (калька, перо, чернила).

30 июля. Воскресенье. Путешествие из Висбадена в Баден-Баден.

Выезжаем на другой день в 9 часов утра. Станислав Антонович нас провожает. Первая оригинальная выходка Михаила Петровича — комическая сцена, случившаяся в присутствии Станислава Антоновича, представленная уже мною тебе в лицах и, стало быть, тебе известная. Я оставляю своего Станислава Антоновича в полном удовольствии, что он будет отомщен за все, что я заставила его претерпеть!

Наш путь лежит на Castel (напротив его Майнц). Höchst. Francfurt (переменили вагон) Darmstadt.

Милостивое разрешение М.П. (мне с Соней) глядеть друг на друга *при подобных обстоятельствах*, как он выражается, т. е. когда мы проезжаем между двух стен. При лучших же обстоятельствах нам воспрещается болтать о пустяках и повелевается созерцать природу в молчании. Но я как нарочно при таких-то обстоятельствах, т. е. хороших, и становлюсь сорокой и хочу, чтоб весь мир, или хоть, по крайней мере, Соня одна, разделяла мой восторг.

Carlsruhe — старая столица Баден [Вюртемберг].

Rastadt переезд через Murz (река).

Oos — переменили вагон. Баден-Баден 3 ½ часа. В этом месте М.П. нужно только повидаться и переговорить с кем-то. Он не соглашается взять экипаж, и мы бежим за ним до тех пор, пока он не велит нам сесть на скамейку и ждать его возвращения. Неподалеку от этой скамейки находится большое славное строение, называемое здесь *Trinkhale*⁶² (то, что в других местах называется *Kursaal*), с большой террасой или галереей, на стенах которой изображены в прекрасной живописи все баденские легенды, и мы попросились было дожидаться М.П. в этом месте, где и прохладно, и где для нас было бы приятное занятие, но получаем отказ; что заставляет нас *de faire des escapades à tour*

⁶² бювет (нем.)

de rôle⁶³. Пока одна сидит и караулит, другая бежит хоть мельком осмотреть прекрасную живопись, изображающую легенды, и залы, где находится много хороших картин. Так проводим время добрый час, если не более, и не получаем никакой благодарности за наше детское послушание, которым я пробую разжалобить нашего повелителя. Но тщетно, ибо получаю в ответ: «Так и следует». Уезжаем, не успев закусить. Утомительная ночь в вагоне, но чрезвычайно интересная, благодаря разным личностям, находящимся с нами. Особенно замечателен француз-африканец, ехавший на родину из Алжира, большой говорун, не умолкающий и ночью, несмотря на то, что он себе мигом состряпал ночной колпак из желтого фуляра⁶⁴ и уютно прижался (будто бы спать) к уголку и, однако, продолжал декламировать. Он так забавен со своим колпаком и такой занимательный краснбай, что я заставляю его рассказывать и рассказывать. Другой сосед наш из интересных — добродушный солдат. Он везет с собой чужую четырехлетнюю девочку (par complaisance⁶⁵) и ухаживает за ней, как нянька, la bourrant de pains d'épices⁶⁶. Так убедительно просит меня и Соню попробовать своего Kirsh⁶⁷, что надо соглашаться bon gré mal gré⁶⁸. Kirsh, хотя и делается из вишен, но вкусом совершенно наша хорошая очищенная водка. Третий наш — интереснейший полупьяный сарога⁶⁹ — настоящий сорванец, наглый француз, но до того комичный с своею наглостью, что ничего более не остается, как повторять за Михаилом Петровичем: «Ну вот, поди ж!» Капрал сел на его место и ни за какие коврижки не могли его согнать.

⁶³ делать вылазки по очереди (*фр.*)

⁶⁴ фуляр (*фр.* Foulard) — шарф или платок из шелка или хлопка, который носят на шее или повязывают на голове.

⁶⁵ в виде одолжения (*фр.*)

⁶⁶ закармливая ее пряниками (*фр.*)

⁶⁷ кирш (*нем.*) — белый вишневый бренди.

⁶⁸ волей-неволей (*фр.*)

⁶⁹ капрал (*фр.*)

Проболтавши часа три и перессорившись со всеми, он, наконец, успокоился, заснув крепким сном. М.П. великодушно отомстил ему за наглость и дерзость добром, разбудив молодца вовремя на станции, где ему следовало выйти. Как бы ни были занимательны французы, а все-таки тяжелые немцы мне более по душе. Всю ночь мне казалось, что я смотрю на представление: так все они, французы, похожи на актеров!

Bar-le Duc. 5 часов утра. Древний город на высоте, замок ко-
его окна все позолочены от восходящего солнца.

Châlon sur Marne.

Éperney, где М.П. предлагает нам попробовать местного вина, шипучего, превкусного.

Château Thierry, где жил Lafontaine⁷⁰.

La Ferté — место рождения известной М-me de Pompadour⁷¹.

Meaux и, наконец, в 1-м часу пополудни великий и великоле-
пный Париж.

31 июля. Понедельник. Париж.

Останавливаемся в Hotel de Bade (dont en face sont le boulevard... et de la rue Helder⁷²). На 5-м этаже ужасно высоко и душно. Я рада отдохнуть после бессонной ночи.

1 августа. Вторник. Париж.

Едем на выставку⁷³ и проводим там целый день. Не берусь описать, и нужно целый год осматривать, и то всего не осмо-

⁷⁰ Жан де Лафонтен (1621 — 1695) — французский баснописец.

⁷¹ Мадам де Помпадур — Жанна-Антуанетта Пуассон (1721–1764), фаворитка французского короля Людовика XV.

⁷² который выходит на бульвар ... и на улицу Эльдер (*фр.*).

⁷³ Всемирная выставка проходила 1 апреля по 3 ноября 1867 г. в Париже на Марсовом поле, на площади около 70 га. Выставку посетило около 9 миллионов человек, в том числе целый ряд высокопоставленных и правящих особ, среди которых был и российский император Александр II, на которого в ходе ее мероприятий было совершено покушение. Выставка выделялась своей обширной культурной программой, с ней связано создание и премьеры нескольких про-

тришь. Многого не видали, многого не смотрели и много не досмотрели, потому что были связаны: М.П. принуждал волей-неволей следовать, т. е. бежать за ним. Однако видели множество прекрасной скульптуры, из коей более всего поразило меня изображение больного умирающего Наполеона⁷⁴. Он представлен сидящим, или полулежащим, в покойном большом кресле, покрытый одеялом, прекрасно, хотя просто драпированным вокруг него, и до того отчетливо сделано, что хочется дотронуться рукой, чтоб удостовериться, что оно не тканьевое; то же самое и подушки, на которых он лежит. Выражение лица полное глубокой думы и страдания. Несмотря на похудевшие, впавшие щеки, тотчас узнаешь прекрасные строгие черты Наполеона. Вокруг этого художественного произведения (*Vela — artiste italien*⁷⁵) всегда стоит толпа зрителей. Наши русские произведения, как-то: парча, которыми мы, говорят, славимся, меха, кожаные товары, особенно торжковские башмачные товары, — так неживописно, небрежно расставлены или, скорее, разбросано, что досадно и совестно смотреть. Нет бы самоварами пощеголять нам! Но нет, даже самовары наши, самые простые, аляповатые, как говорят (не знаю, откуда у нас взялось это слово), и вдобавок все покрыто слоем пыли. Русские парни в красных шелковых рубашках важно расхаживают, как будто есть и им чем гордиться. М.П. читает им нравоучение (глас, вопиющий в пустыне); никак не досадно на них, а приятно было встретиться с русскими нашими парнями. Даже наши родные медные самовары были приветствуемы нами радостными возгласами. Обед, состоявший из котлеток, и токмо,

изведений искусства получивших международное признание. Благодаря этой и последующим выставкам Париж на несколько десятилетий стал основным и наиболее известным местом проведения международных выставок.

⁷⁴ Статуя «Последние дни Наполеона» итальянского скульптора Винченцо Велы (1820–1891) была показана на Всемирной выставке в Париже в 1867 г., имела огромный успех, была куплена императором Наполеоном III; в настоящее время находится в Орсе в Мальмезоне.

⁷⁵ Вела — итальянский художник (*фр.*)

в трактире Корещенко⁷⁶. Опять русские молодцы в русских нарядах и девы — русские нарядные красавицы, коих должность поить чаем желающих. Обе бабенки, по-видимому, развернулись в Париже, и я люблюсь на их пригожие лица, внутренне сожалея, что они больно бойки, — качество, которое, вероятно, останется за ними на всю пору их молодости. Одна из них была весьма разобижена М.П., который называл их по-русски дурами, что действительно не совсем любезное приветствие от земляка. Они было обе расхорохорились, но один из парней, знавший М.П., подошел и сказал им что-то на ухо, дескать: «Молчите вы! Не знаете, кто с вами говорит! Енарал». Они мигом успокоились. Так и запахло Русью... Жаль, что тебя не было, ты бы эту сцену еще глубже прочувствовала, но не знаю, вполне ли насладились бы оной.

⁷⁷ Чтoб судить об огромности этой выставки, вообрази себе, что трактиры, которые оставляют последний круг, имеют 4 версты окружности.

Пока М.П. разговаривает со знакомыми у Корещенко, мы пользуемся с Соней полчасаком свободы, я увожу ее и в соседнюю кондитерскую прохладиться мороженым. Жара смертельная! В 8 часов выставка закрывается, и посетители могут гулять в парке до первого часу ночи. Есть разного рода театры, представления и пр. Мы же, вся сия совершивши, всяк восвосяси разыдохомся...⁷⁸

2 августа. Среда. Париж.

Погодины отлучаются. Оставшись одна je vais baignader⁷⁹. Захожу в mercerie⁸⁰ купить шнурочку и оставляю там 41 франк.

⁷⁶ Владелец русского трактира на Всемирной выставке 1867 г. в Париже был московский купец, частотровец Корещенко Николай Иосифович (†1889).

⁷⁷ На поле л. 14 об. — рисунок чернилами с изображением плана Всемирной выставки.

⁷⁸ Совершив все это, все расходимся восвосяси... (ц.-слав.)

⁷⁹ я отправляюсь прогуляться (фр.)

⁸⁰ галантерейный магазин (фр.)

Rien de plus traître que les merceries!⁸¹

Вечер, посиживаем на бульваре, где снует пропасть народа, и наслаждаемся лимонадом. Каждый вечер у кофейных словно праздник, и в противоположность нашего Питера, где всякий прохожий бежит мимо вас как угорелый, т. е. чрезвычайно занятый своими делами, в Париже весь народ кажется празднующимся, хотя мое замечание, вероятно, очень неверное!

3 августа. Четверг. Париж.

Отправляемся в Louvre. Заперто, не пускают; возвращаемся с длинными носами и вознаграждаем себя Выставкой, которая никогда не заперта для любопытных. *Galerie des travaux libéraux*; видим многое множество разных машин, но не подходим посмотреть, что и как там производится. Машина, которая возносит любопытных на самый верх здания, откуда вид простирается на весь парк Выставки и на весь Париж. За такое удовольствие берут самую малость, кажется, 10 cent., что равняется нашим 3 копейкам серебром. Но не про нас писано. «Дальше!» — и мы, как послушные овечки, идем дальше. «Что же делать? Что же делать?» — повторяем, как эхо, друг за другом с Соней, которая служит мне истинным примером повиновения. К вечеру отправляемся зато в *Tuileries*⁸², где имеет быть празднество по случаю тезоименитства Наполеона. Так называемое *Trocadéro*⁸³, который мы видим издали, и не могу хорошенько распознать, что-де такое за Трокадора. Должно быть, разные увеселения для народа. Долго ожидаемся иллюминации и все время стоим на ногах. Пример терпимости подает нам сам По-годин со своей хромой ногой. Как же после того нам не стоять на здоровых ногах! Стояли-стояли и выстояли-таки до самой иллюминации, и дондеже фейерверк был благополучно сожжен.

⁸¹ Нет ничего более коварного, чем галантерейные магазины! (*фр.*)

⁸² Тюильри — общественный парк в центре Парижа.

⁸³ Трокадеро — местность на правом берегу Сены, благоустроенная для Всемирной парижской выставки 1867 г.

La place de la Concorde⁸⁴ и весь Тюильрийский сад горит в огне, везде огненные гирлянды, огромные статуи кажутся при таком освещении как привидения. Издали видны 2 маяка в парке Выставки. Одна английского, другая французского производства, и не уступают друг другу в блеске, только пламя английского белое, и свет его совершенно электрический, и никакая иллюминация его не затмит. Не толпа, а толпища народа. Держи карман. Французы на все мастера.

Однако, насладивши зрение всем этим великолепием, я чувствую, что мои ноги — не ноги, а деревянные, и прихрамываю не хуже самого Погодина, а идти домой предположено пешочком, на цуфусах⁸⁵. Не помню, как доплелись через толпу, держась за юбку Сони. Приближаемся к boulevard des Italiens⁸⁶, особенно на перекрестках такая давка, что я в изнеможении и не в состоянии далее идти, оставляю своих спутников и вхожу в первую попавшуюся кофейню, ближайшую от нашего дома. Мне дурно, но холодный лимонад и порция мороженого скоро восстанавливают мои падшие силы. Здесь имела я случай узнать une spécialité de Paris⁸⁷, или лучше сказать, des cafés chantans⁸⁸. Является какой-то молодец и садится в кругу посетителей. Я ожидаю, что он пришел, как и мы все, за лимонадом или мороженым. Но я ошибаюсь: он пришел не себя угощать, а нас. Откуда ни возьмись, является у него гитара — он начинает петь куплеты, никто не обращает на него внимания, никто не слушает (кроме разве меня). Все равно он поет. Как вдруг слышу между куплетами мяуканье кошки, потом лай собаки, потом чирикание птички и прочие разнообразные звуки, вовсе не подходящие ни к пению, ни к гитаре. Кончается жужжанием мухи, очень из-

⁸⁴ Площадь Согласия (*фр.*) — центральная площадь Парижа, выдающийся памятник градостроительства эпохи классицизма.

⁸⁵ цуфуски — от нем. *zu Fuss*, пешком (шутл.)

⁸⁶ Итальянский бульвар, где находился Hôtel de Bade.

⁸⁷ особенность Парижа (*фр.*)

⁸⁸ кафе-шантан (*фр.*) — кафе под открытым небом, где музыканты исполняли для публики популярную музыку.

рядно подражаемым. И, наконец, в заключение спектакля артист пресерьезно, как будто он окончил важное дело, преважно встает и подходит к каждому из посетителей и подставляет ему под нос свою шапку с таким видом, как бы все это было сделано по нашей просьбе. Я поспешила положить ему в шапку и свою лепту; обошедши всех, он раскланялся с честной компанией — и был таков. Между тем, насладившись мороженым и музыкой нового рода, я поплелась домой, где Соня ждала меня в недоумении, что со мной, а М.П. сам принес мне цельтерской воды⁸⁹, чтоб оживить меня.

4 августа. Пятница. Париж.

Выспавшись, я опять молодец. Бодро идем опять на выставку и проводим там целый день. Возвращаемся опять без ног.

5 августа. Суббота. Париж.

М.П. занят своими делами и дарует нам свободу на целый день. Бежим с Соней в Louvre, где вдоволь наслаждаемся на картины, из коих ни одно лицо так не врезалось мне в память, как портрет милой m-me de Récamier⁹⁰, личность, от которой я долго с ума сходила, читая ее биографию, и везде где могла, искала подробности о ней. Я ожидала найти в полном смысле красавицу, но нашла лучше, чем красавицу. Это ангельское личико, почти детское, исполнено выражения чистоты, простоты d'ingénue⁹¹, что называется по-французски, и такого рода личико всегда более меня трогает, чем всевозможные Мадонны Рафаэля. Решительно ничего не поражает в m-me Récamier, кроме выражения ее миловидного личика. И я даже удивляюсь, почему она так славилась красотой? Может быть, по той самой причине, как и наша Дагмара⁹², о которой прокричали, что она красавица,

⁸⁹ Минеральная вода (от нем. Selterswasser).

⁹⁰ Портрет мадам Рекамье кисти французского художника Жака Дуи Давида (1800).

⁹¹ инженю — актерское амплуа, изображающее наивную девушку.

⁹² Мария Федоровна (при рождении Мария София Фредерика Дагмар; 1847–1928) — российская императрица, супруга Александра III (с 1866), мать им-

тогда как она только миловидна и до того привлекательна выражением своих глаз и своей кротостью, что от нее не хочется оторвать взора. Но у Récamier даже не так хороши глаза, как Дагмары, по крайней мере, не так велики. Сходство ее с кем-то до сих пор меня преследует, когда я вспоминаю о ней. Она представлена полулежащая на кушетке, т. е. во всю длину своего роста, который, по-видимому, был средний. Поза ее, хотя грациозная, но совершенно простая. Как будто ей велено было уютно устроиться на кушетке и смотреть на живописца, и она, как послушный ребенок, без всякого принуждения и полная натуральной грации, повиновалась, прилегла и стала глядеть на вас своими карими темными глазами, немножко улыбаясь. Несмотря на кротость этого личика, в нем живость, и вся она дышит прелестью, сама того будто не подозревая, так она похожа на ребенка. И лицо ее, кругловатые щечки... И кудрявые волосы темно-каштановые, и белое кисейное платье, голубой пояс — все в ней без претензии, полное чрезвычайной простоты, как и вся ее личность. И все так гармонирует в ней: и черты лица, и непринужденная поза, и простой наряд ее! Вот какая длинная тирада насчет этого прелестного создания. Вся страсть моя к ней возобновилась при виде ее. Были тут и другие прекрасные лица: m-me Lebrun⁹³, Angelica Kaufman⁹⁴, которыми я любовалась так же, но я беспрестанно возвращалась к m-me Récamier. Все красавицы вышли из моей памяти, а эта осталась, и я еще вижу ее перед собой, и мне все кажется, или что я ее уже где-то видела, или она мне кого-то напоминает. Портрет, который я видела некогда, вовсе на нее не похож: там она была представлена

ператора Николая II.

⁹³ Мари-Элизабет-Луиза Виге-Лебрен (фр. Élisabeth-Louise Vigée-Le Brun; 1755–1842) — французская художница, мастер светского портрета, мемуаристка, любимая художница королевы Марии-Антуанетты, после революции была вынуждена покинуть Францию и в конце XVIII в. жила в России.

⁹⁴ Мария Анна Ангелика Катарина Кауфман (нем.) (1741–1807) — немецкая художница, представительница неоклассицизма. Одна из двух женщин, основательниц Королевской академии в Лондоне в 1768 г.

томной красавицей, закутанная в газ, с продолговатым лицом, решительно непохожим на ее детски кругловатое личико, свеженькое, как розанчик, живое и между тем полное скромности. Но довольно, я никогда не кончу говорить о ней, и все-таки полного понятия о ней не могу передать.

6 августа. Воскресенье. Париж.

Обедня в русской церкви⁹⁵. Чтоб достигнуть до нее, пройдем чрез большой парк или сад (Parc Monceau⁹⁶), о существовании которого я прежде не знала. Чудные цветы и растения, все прекрасно содержано, но так как мы спешим в церковь и путь далек через этот огромный парк, нам некогда останавливаться, чтоб полюбоваться прекрасными местами, цветами, кустами и деревьями, самыми разнообразными и с таким вкусом расположенными. Церковь нашу новую я вижу в первый раз. Действительно, она очень красива, но висбаденская вся беленькая, стройная и окруженная со всех сторон зеленью и издалека показывающаяся из-за густого леса, более симпатична для меня. В церкви уже издали видим нашу важную Принчипессу⁹⁷, и сердце замирает при мысли, что надобно подойти к ней. При ней стоит красавица Настинька⁹⁸ и Бецкий⁹⁹. Княгиня сначала как будто в недоумении, как меня принять, но я сама протягиваю ей

⁹⁵ Возможно, имеется в виду собор Александра Невского, освященный в 1861 г.

⁹⁶ Парк Монсо — живописный городской парк, часть бывшего владения Филиппа Орлеанского (1747–1793).

⁹⁷ Трубецкая Ольга Федоровна (до крещения в 1850 г. Леопольдина Юлия Тереза Морен; 1802–1882), княгиня — супруга Юрия Ивановича Трубецкого (1792–1850).

⁹⁸ Возможно, это Анастасия Юрьевна (урожд. княжна Трубецкая; 1838–1882). В браке с С.П. Геркеном у нее родилось трое детей: Юрий (1859), Петр (1860), Анна (1861). После развода с Геркеном вышла замуж за фон Габера; умерла в Париже.

⁹⁹ Бецкий Иван Егорович (1818–1890) — русский писатель, издатель, чл.-корр. Петербургской академии наук, действительный член Московского общества

руку и чувствую при этом, что у меня как будто гора с плеч свалилась, несмотря на ее неприветливую мину. Из-за Сони, или лучше ее первого жениха Белля¹⁰⁰ была у меня с ней неприятная переписка. Настинька с Бецким заезжает к нам. Не налюбуйся на ее миловидное лицо, по-прежнему живое и как будто беспокойное, черные глазки *comme ceux d'une biche effarouchée*¹⁰¹; она по-прежнему чрезвычайно мила с Соней. И казалась бы еще совершенно ребенком, если б не разумные ее речи, которые указывают, что жизнь научила уже ее многому, но, смотря на нее, трудно поверить, что она почтенная маменька троих детей-красавчиков, как и она сама.

После обеда едем в Bois de Boulogne. М.П. пробирается прямо к месту преступления (т. е. покушения на жизнь нашего Императора). Парк, т. е. Bois de Boulogne, так велик, что, судя по расстоянию, которое мы прошли на цуфусах (хотя бы много выиграли времени, если б наняли экипаж), надо полагать, что мы прошли, таким образом, по крайней мере 5 или 6 верст до водопада (поддельного), шумящего и ревущего не хуже настоящего. Недалеко от этих мест произошло преступление и скандал, наделавший так много шума. Насилу добились толку, где именно это совершилось: так разнообразны были все показания, данные нам на этот счет. Старик, дедушка-француз, гулявший тут же со своими внучатами, взялся быть нашим проводником. Как истый француз, болтал много и, хотя без особенных способностей, успел заинтересовать нас своим *halebautством*¹⁰². Взявшись наверное проводить нас до места преступления, коего он сам был свидетелем, он спутался сам и поставил нас в недоумение. Возвращаемся через Passy (железная дорога, почти вся идущая

друвнерусского искусства; внебрачный сын кн. Ю.И. Трубецкого, воспитанник М.П. Погодина.

¹⁰⁰ Джон Бэлль (ум. 1858) — первый муж С.И. Погодиной, подданный Великобритании.

¹⁰¹ как у испуганной лани (*фр.*).

¹⁰² пустозвонством (*фр.*)

между двух стен превысоких, и поэтому прескучная). Обстоятельства, при которых мы имели бы полное право наглядеться с Соней друг на друга и наболтаться, не навлекая на себя неудовольство М.П. Проект ехать гостить на дачу к каким-то Тургеневым, к кн. Николаю¹⁰³. О Бельфонтен¹⁰⁴ М.П. и слышать не хочет. Ехать туда одной, как бы ни было страшно для меня, я бы все-таки решилась ради князя, т. е. ради долга. Но опасаясь рассердить М.П. и наделать хлопот, я скрепя сердце пишу письмо страшной княгине Анне Андреевне и прошу извинения, взвалив всю вину и ответственность на Михаила Петровича же.

7 августа. Понедельник. Париж.

Итак, весь понедельник проходит у нас в приготовлении к отъезду и укладке сундуков, из коих некоторые отправляются обратно в Петербург, т. к. мы должны брать только самое необходимое для нашего большого путешествия, на которое отправляемся тотчас после возвращения от Тургеневых. Таким образом, судьба моя бросает меня из огня да в полымя. Страшно было для меня свидание с страшной княгиней, которой я привыкла с молодых лет страшиться. Не менее страшно Vert-bois, чем Bellefontaine; мне ужасно неловко явиться туда с боку припека к незнакомым людям и пользоваться их гостеприимством не-прошеной-незваной. Покоряюсь своей судьбе.

8 августа. Из Парижа в Vert-bois.

Выезжаем из Парижа часу в первом. Дождь льет ливнем. Несколько минут до нашего отъезда мы оглушены ужасным уда-

¹⁰³ В черновых дорожных записях 1867 г. М.П. Погодина (Ф. 231/II. К. 42. Ед. хр. 17) о заграничном путешествии отмечено, что он встречался во время выставки в Париже с Н.И. Тургеневым (1789–1871) — русским экономистом, публицистом декабристом, находившимся во Франции в эмиграции, где умер в 1871 г. на своей вилле Вербуа возле Буживаля под Парижем.

¹⁰⁴ Бельфонтен (Bellefontaine) — загородное имение под Парижем и место постоянного пребывания кн. Николая Ивановича Трубецкого (1807–1874) и его супруги Анны Андреевны (урожд. Гудович; 1818–1882).

ром грома, который, по всей вероятности, упал где-то очень близко от нашего отеля. Впоследствии узнаем, что он действительно упал недалеко от дачи St. Germain. Имеем намерение по дороге заехать к Настасье Геркен¹⁰⁵, живущей в St. Germain близ Bougival (маленьком, довольно опрятном городке).

Проезжаем: Clichy, Asnières, в котором я замечаю одни только крошечные миниатюрные домики, точно выстроенные для лилипутов, но кажущиеся такими уютными, что хотелось бы заглянуть в них. Это, должно быть, маленькие дачи для скромных, небогатых людей, ищущих уединения летом. Nanterre, Ruelles, Bougival и, наконец, St. Germain. Дача Настасьи — небольшой, уютный, маленький домик, окруженный садом с большими деревьями вокруг. Настасья еще красивее в своем домашнем наряде, она похожа на сирену в своем белом кисейном платье с длинным шлейфом. Дети ее окружают, один другого лучше, и все это составляет прекрасную картину — контраст, который является собой не совсем приятная тучная особа Принчипессы, вечно крикливая и на всех как будто сердитая. При первом своем появлении оказалась вспышка на Настасью, которая выдержала кротко, но с некоторой энергией и безбоязненно. Чувствуя, что Настасье хотелось поговорить с Соней без свидетелей и излить ей свою душу, я решаюсь на подвиг завербовать Принчипессу, несмотря на кислое расположение духа; пускаюсь с ней в разговоры, т. е. забрасываю ее разными вопросами, на которые *bon gré mal gré*¹⁰⁶ она принуждена мне отвечать. Выдержав ½ часа и истощив все свое искусство, я стала в тупик, но Соня, наконец, вспоминает, что пора спешить в St. Germain, где М.П. остался осмотреть древний замок, и где он ждет нас в назначенную минуту, не только час, как самый пунктуальный из смертных. Не помню, сколькими минутами мы опаздываем, что приводит его в такое отчаяние, что Соне стоит много труда, чтоб его успокоить, т. к. мы, впрочем, не опоздали к отъезду.

¹⁰⁵ Геркен Анастасия Юрьевна (урожд. Трубецкая; 1838–1882).

¹⁰⁶ волей-неволей (*фр.*).

Опять назад на Bougival в 4 часа и потом в Vert-bois — резиденция мирного семейства Тургеневых. Vert-bois находится около самого Malmaison¹⁰⁷, стены их почти смежны, и я до сих пор пеняю на М.П., что он не счел нужным позволить нам пойти осмотреть это место, столь для нас интересное, вероятно, потому, что сам он его уже видел.

Vert-bois — собственность Тургеневых, уютное прелестное местечко, к которому они с трудом каждый год прикупают по кусочку земли, которая здесь дорога: соседи неохотно расстаются с землей; это не то что у нас на Руси, где всюду хоть шаром покати! Здесь малейший кусочек земли — золото, и на золото же и продается, и то едва-едва соглашаются уступить, так что Тургеневы рады, когда к своему саду могут прибавить каждый год по несколько аршин или toises¹⁰⁸ (6 pieds¹⁰⁹), и из этих кусочков, собранных с трудом, составили себе маленький раек. Дом довольно пространный, чистый, со всевозможными удобствами, стоит посреди сада, на полугоре. Вид прекрасный. Сзади, выше за домами, огород, где смешаны полезное с приятным: розаны с виноградом, капуста с тюльпанами, огурцы с анютиными глазками, — и все это приятно поражает взор. А наверху горы — вид, единственный в своем роде, и до того пространный, что мне досчитали от 6 до 8 городов или местечек, которые виднеются оттуда. Жаль, что я не записала их имена и понапрасну понадеялась на свою плохую память.

Глаз хозяйки везде виден, и уменье ее несомненно — так хорошо придумано и устроено. Семейство состоит из пятерых. Мать¹¹⁰, француженка величественного роста, весьма приятной

¹⁰⁷ Мальмезон — усадьба под Парижем, наиболее известная как частная резиденция Наполеона Бонапарта и Жозефины Богарне.

¹⁰⁸ Туаз — французская единица длины, 1 туаз = 1,95 м = 6 парижских футов (пье).

¹⁰⁹ 1 пье = 32,5 см. (pied du roi, королевская стопа, парижский фут),

¹¹⁰ Жена Н.И. Тургенева — итальянка Клара де Виарис (1814–1891), дочь барона Гастона Виариса.

наружности, с умным и приветливым взглядом (*malgré [beaucoup] de dignité*¹¹¹). Отец (Николай Иванович), которого приняла за брата нашего писателя, совсем другой фамилии Тургенев и вовсе не родственник писателю, хотя и он, однако, что-то пишет. У бедного старика искалечены ноги и как-то вывернуты так, что, хотя он и не страдает от боли, но ходить ему довольно трудно. Лицо его довольно холодное и сухое и заставляет подозревать характер немного раздражительный. Дочь их Fanny¹¹², лет 25 или более, вовсе не красавица и даже как будто немного *contrefaite*¹¹³, так кротка, приветлива, истинно добра и предупредительна, что я тотчас почувствовала к ней сильное влечение, которое впоследствии еще прибавилось после рассказов о ней ее матери, которая говорила о ней со слезами на глазах. Не бывши красивой, очень естественно, что девушка отказывается решительно от света и всей душой привязана к семье, где обожают ее, в особенности мать и старший брат. У нее, кроме науки, вообще образовалась такая страсть к минералогии и ботанике, что все родные и знакомые наперерыв стараются ей угодить, и нет страны откуда бы ей не было прислано чего-нибудь любопытного. Так что понемножку у нее составилась настоящий *herbarium en forme*¹¹⁴ и весьма-весьма интересный музей редкостей всевозможных: из раковин, камней, металлов и окаменелостей. Все это в прекрасном порядке и достойно какого-нибудь ученого мужа, любителя и знатока подобного рода вещей. Старший брат¹¹⁵ с красивой и милой умной физиономией, но так толст и плотен, что никто бы не поверил, что он еще так молод. Младший¹¹⁶ лет 14–15 с глуповатым лицом, но так свеж, бел, румян,

¹¹¹ хотя и с большим достоинством (*фр.*).

¹¹² Тургенева Фанни Николаевна (1835–1890).

¹¹³ безобразна (*фр.*).

¹¹⁴ гербарий по всей форме (*фр.*).

¹¹⁵ Тургенев Альберт (Александр) Николаевич (1843–1892), впоследствии художник и историк искусства.

¹¹⁶ Тургенев Петр Николаевич (1853–1912), впоследствии скульптор.

что кажется совершенным красавцем, несмотря на его неловкие детские движения. У всех у них синие чудного цвета глаза. Несмотря на то, что все они премилы и прелюбезны, я чувствую себя лишней, как бы не в своей тарелке, ужасно женирована¹¹⁷ и растерянна. На беду мою, ждут еще гостей на завтра, как будто непременно эти гости имеют дело до меня. Преглупая, неизлечимая болезнь!..

9 авг. Среда. Vert-Bois.

Прогулка в Versailles. Проезжаем мимо Trianon. Но, к моему внутреннему отчаянию, наш М.П. имеет жестокость отказать нам в этом, потому что ему надо сделать визит отцу Мартынову¹¹⁸... Проезжаем тенистое и лесистое место, похожее на парк, принадлежащее императрице Евгении¹¹⁹, названное странным именем Cusufe¹²⁰. К обеду съезжаются жданные гости, которые издали казались мне страшнее, чем вблизи: Порошин¹²¹, Голицын¹²² и Гагарин¹²³ (le père¹²⁴ Gagarine так называемый). Из всех их я помню только последнего. Из некогда русского он как нельзя лучше преобразился в французского сир¹²⁵, настояще-

¹¹⁷ смущена (от фр. gêner — смущать).

¹¹⁸ Мартынов Иван Михайлович (1821–1894) — русский священник-иезуит. На полях рукописи карандашная помета: аббат.

¹¹⁹ Евгения, урожденная Эухения Палафокс, графиня де Монтихо (1826–1920) — последняя императрица Франции, супруга Наполеона III.

¹²⁰ Лес назван в честь мученика Кукуфаса, святого Римско-католической Церкви (кон. III – нач. IV в.).

¹²¹ Порошин Виктор Степанович (1811–1868) — русский экономист, переводчик и педагог.

¹²² Голицын Августин Петрович (1824–1875), князь — русский писатель, публицист, переводчик.

¹²³ Гагарин Иван Сергеевич (1814–1882), князь — писатель, пресвитер-иезуит, видный деятель русского католицизма.

¹²⁴ отец (фр.)

¹²⁵ кюре (фр.) — католический приходской священник.

го bon vivant¹²⁶, оживленного, любезного кавалера, более, чем пастора. Он много рассказывает интересного Соне, и, если бы я была полюбознательнее и похожее на нее, я бы много записала в подражание нашей любознательной Соне, но поелику я имею обыкновение пропускать в одно ухо, а выпускать в другое все что-либо умственное, то по сей самой причине я решительно не в состоянии рассказать тебе что-нибудь интересное. Прибавлю только, что я радехонька была, когда кончился для всех приятный день. А на другое утро встала с приятной мыслью, что сегодня простимся со всеми этими приятными людьми!

Что делать! Как волка ни корми, а он все в лес да в лес глядит!

10 августа. Четверг. Из Vert-Bois в Париж, из Парижа в Марсель.

Из Vert-Bois выезжаем в 10 утра. Добрые хозяева любезны до последней минуты. Милая хозяйка вручает мне для нашего общего употребления хорошенькую корзинку с прекрасными персиками и спелой малиной, которая угрожает превратиться в компот и навлекает собой ужасные хлопоты. Всеми силами стараемся, чтоб не быть ею выпачканы, и решаемся на дебаркадере¹²⁷ истребить ее всеми силами. М.П. сам лакомка и помогает нам, сколько может. Наполняем ему стаканы. Сами с Соней, вынув свои ложки, едим à la gamelle¹²⁸ и заставляем есть маленьких детей, случившихся тут же подле нас. Опорожнив, наконец, корзинку, из которой течет малиновый сок, я бегу к ближайшему фонтану и из жалости к прекрасной корзинке окачиваю ее водой до тех пор, пока вся краска малины с нее сходит. После чего я внутренне даю себе слово никогда никому не давать малины на дорогу.

¹²⁶ бонвиван (фр.) — человек, любящий жить в свое удовольствие, богато и беспечно.

¹²⁷ Дебаркадер — железнодорожная платформа (устар.).

¹²⁸ из одного котелка (фр.)

Должно быть, мы представляли пресмешную картину вообще с этой ягодой на дебаркадере.

И если б случился тут какой-нибудь Cham¹²⁹, он поспешил бы сделать с нас croquis¹³⁰ с подписью вроде: «les Russes affamés gobaus des framboises...»¹³¹. Отправляемся в путь на Марсель в 3 ч. пополудни. Melun, Fontainebleau — 4 ч. Monteraux, Sens с недоконченным собором, Joigny — 7 часов вечера. Laroche, Auxerre — 9 часов вечера. Tonnèrre, Dijon. Несколько тоннелей. 12 часов ночи — Chalons. 40 м. d'arrêt¹³². — Tournis, Belleville.

11 августа. Пятница. Дорога в Марсель.

Великолепное восхождение солнца. Collonges. Живописные ландшафты, горы и скалы. Ile St. Barbe¹³³ — чудное местоположение. Lyon — превосходный большой город, огромный тоннель. (Rhône) 1 h. de halte¹³⁴. 7 ½ ч. утра — Vienne. Очень высокие горы. St. Ramberg d'Albon. — Tain. М.П., который имеет обыкновение знакомиться с каждым местным вином, покупает vin de l'Hermitage. Здесь же замечаю большие кусты (или скорее деревья), покрытые прекрасными неизвестными цветами; большие кисти темно-желтого цвета, верх которых ярко-красного цвета. Одна из соседок, очень хорошая румяная брюнетка, называет их poínciana¹³⁵.

Montelimar. Характер гор становится суровым, контуры сильно и резко обозначаются, как это большей частью бывает при

¹²⁹ Хам — псевдоним французского карикатуриста Амедея де-Ное (1819–1879).

¹³⁰ рисунок (*фр.*)

¹³¹ Голодные русские поедают малину (*фр.*)

¹³² остановка на 40 минут (*фр.*).

¹³³ Île Barbe (остров Барб) — остров центре Соны.

¹³⁴ (Рона) Стоянка 1 час (*фр.*).

¹³⁵ Poinciana, или Caesalpinia, также Делоникс царский (Delonix regia) — колючий тропический кустарник с обоеперистыми листьями и кистями эффектных оранжево-красных цветов.

близости к морям. Avignon с дворцом папы. Château Grignan¹³⁶, принадлежавший M-me de Sevigné¹³⁷. Arles, где мы расстаемся с нашим маленьким спутником, о котором я должна тебе рассказать подробно. В Париже, сидя уже в вагонах и дожидаясь, чтоб двинулся поезд, входит к нам один очень порядочный господин с мальчиком лет четырнадцати, сажает его к нам и, обращаясь к нам, вежливо просит всех нас принять этого ребенка под наше покровительство, объявляя нам, что он глухонемой, что тотчас возбуждает всеобщее наше участие. Смотря на эту живую и вместе с тем кроткую улыбающуюся физиономию маленького брүнета, никто бы и не догадался, что он осужден Богом на всю жизнь такому ужасному несчастью. Но полно, это несчастье так ли ужасно?.. Я часто задавала себе этот вопрос, всматриваясь на эту довольно красивую, невинную и далеко не глупую физиономию, на которой не заметно ни малейшего страдания, как большей частью у слепцов. У них также свой особенный внутренний никому не понятный мир, которому мы, одаренные всеми чувствами, может быть, могли бы позавидовать. Как бы то ни было, но, познакомившись впоследствии покороче с этим мальчиком, я еще более убедилась, что то, что мы считаем несчастьем, служит, может быть, для него знаком милосердия Божия. Он мне казался таким счастливым ребенком, с его печалью и немощью! Он воспитывается, по-видимому, в прекрасном заведении глухонемых в Париже, и ехал на vacationное время к родным. Я тотчас начала с ним знакомство, сначала разными знаками, а потом корреспонденцией, которая хранится еще у меня в записной книжке. На мои вопросы он ответил мне, что его имя Marius, фамилия Maureau, что ему 15 лет, что их, помнится, пять человек детей и что он один глухонемой,

¹³⁶ Château de Grignan — старинный замок, преобразованный в крепость в XIII в. Адемаром де Гриньяном.

¹³⁷ Мари де Рабютен-Шанталь, маркиза де Севинье (1626–1696) — французская писательница, автор «Писем» — самого знаменитого в истории французской литературы эпистолярия.

что он едет с нами до Arles. Это последнее слово он мог выговаривать очень вятно, но он его говорил таким глухим голосом, и это ему стоило, по-видимому, так много усилий, что мне неприятно было, когда он, добиваясь заставить меня понять иные жесты¹³⁸, говорил нечеловеческим голосом, по несколько раз, никогда не досадуя на мою непонятливость, но от души смеясь надо мною. Так как я на станциях довольно с ним нянчилась, то он в знак благодарности спросил мое имя и заставил меня написать ему мой адрес. В моей записной книжке написано им: “Votre adresse pour que je vous enverrai (ma fig — хотел написать figure, но спохватился, что не так и прибавил) ma portrait”¹³⁹. При сем прилагается листок, который он мне дал, чтобы облегчить мне объяснения мои с ним. Обознакомившись совершенно с нами, он пожелал нас позабавить рассказами по-своему: нескольких басен Эзопа и Lafontaine¹⁴⁰. Как ловко и умно он исполнил это дело. Это было пантомимное полное представление. Первое — «Ворона и Лисица», второе — «Сапожник и Богач» и третье — “L’huitre et les Plaideurs”¹⁴¹, до того хорошо и подробно изображенное жестами и пантомимой, самой живой и верной, что я, несмотря на свой недостаток смекалки, тотчас все поняла. И все это делал он с какой-то врожденной грацией, с таким пониманием дела, как любой актер на сцене. По окончании каждого повествования он, приятно улыбаясь, кланялся публике и садился с радостной и как бы скромной уверенностью, что он угодил компании. Ему чрезвычайно понравилась наша спутница — хо-рошенькая брюнетка, вошедшая к нам позднее с матерью. Он

¹³⁸ К листу 22/22 об. рукописного путевого дневника В.И. Пельской прикреплён офорт — таблица азбуки жестов глухонемых работы Бокле; на обороте рукой Пельской надпись чернилами: «Азбука получена от глухонемого с его подписью Marius Maugué»; выше — детской рукой: “Marius Maugué” (карандашом).

¹³⁹ Ваш адрес, чтобы я прислал вам свой портрет (*фр.*); figure — изображение, рисунок.

¹⁴⁰ Лафонтен, Жан де (1621–1695) — французский баснописец.

¹⁴¹ «Устрица и двое прохожих» (*фр.*)

выражал совершенно по-детски свой восторг и посылал ей поцелуи, которые она ему отсылала назад. Я ему предложила повторить свой рассказ этой новопоявившейся компании, уверяя, что он этим угодит избраннице его сердца. Он тотчас согласился *et s'executa toujours avec la même grâce*¹⁴². Вагон был полон, и он возбудил всеобщие рукоплескания и участие. Он долго не мог надивиться и привыкнуть к оригинальной бороде нашего М.П., громко смеялся над ней и, когда М.П. укладывался спать, подходил к нему поближе, чтобы рассмотреть эту дивную для него штуку. Раз был пойман Михаилом Петровичем *en flagrant délit*¹⁴³, когда тот внезапно открыл глаза — он так весело засмеялся, что его смех и нас заразил. Втихомолку он мне показывал, что М.П. ему не нравится. Я показала ему на Соню, как бы спросить его мнение о ней. Его гримаса внезапно переменялась на приятную улыбку, и он провел пальцами под подбородок, как делают в балетах, чтоб доказать чью-нибудь красоту. Таким образом, благодаря нашему несчастному спутнику, который возбудил во всех любовь и участие, время протекло незаметным образом до *Agles*, при близости которого он затих и стал часто посматривать в окна. Встреча отца была трогательна, но особенно интересно было видеть, как обрадовался ему маленький его брат и, обняв его, долго не выпускал из своих объятий...

Вскоре появляется и море — зрелище великолепное. Кое-где раскинуты угрюмые скалы, на которые я никогда наглядеться не могу, и которые я встречаю всегда с радостью и восторгом. Перед въездом в *Vetrolles* — великолепное захождение солнца. 15 минут до *l'Etaque* большой тоннель. Марсель. 7 часов вечера.

12 августа. Суббота. Начало плавания из Марселя. 1-й день.

М.П. не в духе. Мне ужасно тяжело на душе, я предчувствую тоску на море. Марсель хороший город, по которому у успела

¹⁴² и исполнил их с той же грацией (*фр.*)

¹⁴³ на месте преступления (*фр.*)

побегать. Между прочим, пробегая через marché au fleurs¹⁴⁴, покупаю венок для моего Владимира, обыкновенный мой ему подарок.

В 5 часов отправляемся к нашему пароходу “Eridan” (Compagnie des Messageries Impériales)¹⁴⁵, очень большому. Компания огромная и самая разнообразная. Каких нет здесь наций и сословий! По своему обыкновению я останавливаюсь только на тех лицах, которые чем-либо привлекают мое внимание. Вместе с нами едут разного рода духовные лица: марониты, христиане; и штук 15 монашенок-католичек с их Supérieure¹⁴⁶, холодной, по-видимому, и непривлекательной женщиной, но которую они все окружают как родную мать. Некоторые из них кажутся кроткими и добрыми существами, особенно одна из двух, которые выпадают на нашу долю, т. е. в нашу четырехместную кабину. Все они очень веселы, кроме времени, назначенного для молитвы, т. е. чтения своих молитвенников, в которые они, уткнув нос, пристально смотрят.

Между спутниками из приятнейших есть еще очень молодой человек, по имени Максимович (кажется, из Одессы), скромный, умный, вполне благовоспитанный и приятный юноша, с которым в частых и приятных беседах мы коротаем время, которое для меня одной так невыносимо длится, как бы ни было интересно наше плавание.

13 августа. Воскресенье. На море. 2-й день.

Как обыкновенно со мной бывает на море, я не в духе — питаю злобную ненависть к своей норке (Соня взгромодилась надо мной). Утренний туалет для меня мучение, я всегда выпол-

¹⁴⁴ цветочный рынок (фр.)

¹⁴⁵ «Эридан» — океанский почтовый лайнер (пакетбот), построенный в 1866 г. по заказу Messageries Impériales — крупнейшего французского пароходного общества, основанного Наполеоном III в 1851 г. — для маршрутов по Средиземному и Черному морям.

¹⁴⁶ Настоятельница (фр.).

заю на свет Божий последняя, не столько от лени, свойственной мне, сколько от выжидания, пока все со-каютницы кончат свое обувание, омывание и одевание, и я останусь полной хозяйкой противной кабины. Однако наше плавание так интересно, что поневоле смотришь, удивляешься и любишься.

11–12 часов утра. Корсика, потом и Сардиния. В первом часу проезжаем через пролив Bonifacio¹⁴⁷. С правой стороны привлекает мое внимание островок, который издали кажется мне окаменелым: растительность, здания и все пепельного цвета, как будто выжжено, и я не могу рассмотреть в лорнетку, одни ли это скалы представляют все это моим глазам. Далее Capraia с жилищем Гарибальди¹⁴⁸. Я очень хорошо узнаю это место, которого я видела изображение во французской «Иллюстрации»¹⁴⁹ несколько лет тому назад, и которое так поразило меня своей суровостью, бесплодной каменистой почвой. Скалы чрезвычайно разнообразны, формы их необыкновенны и самые фантастические. Цепь этих гор тянется бесконечно, и самые дальние, как бы закутанные в прозрачный пар, представляют дивное зрелище. Здесь, на этом самом месте, случилась страшная катастрофа потопления корабля во время Крымской войны, причиной которого была скала, на которую наткнулся он ночью. “Le nôtre n'est sûr que par un beau temps”¹⁵⁰, — говорит наш молодой человек (Максимович), с которым я познакомилась утром, — “et n'est pas bien

¹⁴⁷ Бонифачо, или Бонифациев пролив (*фр.* Bouches de Bonifacio) находится между островами Корсика и Сардиния, соединяет Тирренское море с востока и Средиземное море с запада.

¹⁴⁸ Капрера — остров в составе архипелага Ла-Маддалена на северо-востоке Сардинии Его главная достопримечательность — дом-музей Джузеппе Гарибальди, который в 1855 г., когда решил отойти от политики, приобрел половину острова; здесь он провел последние двадцать лет жизни и был похоронен в 1882 г.

¹⁴⁹ «Иллюстрация» (*L'Illustration*) — французский еженедельный журнал, основанный в 1843 г.

¹⁵⁰ «Наш [корабль] надежен только в хорошую погоду» (*фр.*).

constitué pour soutenir un orage”¹⁵¹. Это не совсем успокоительно! Говорят, что ночью мы увидим огнедышащие горы в Липарских островах, мимо которых мы будем плыть. Я ни на что не смо-
 трю, не думая о тебе, друг мой Alex, и беспрестанно воображаю себе впечатление, которое произвело бы все это на тебя.

Мы должны были остановиться в Мессине, но там сильно свирепствует холера, очень некстати для нас, еще менее радостно для несчастных жителей.

Вчера в особенности вечер был чудный: небо усыпано крупными яркими звездами, каких я еще не видывала. Мы слушаем с Соней лекцию астрономии, данную нам маронитским священником, который нравится мне и кажется приветливым и добродушным. Но Соня находит, что у него страшные “gros yeux”¹⁵². Приятная беседа с молодым Максимовичем, который во всех отношениях приличен. В первый раз знакомлюсь с так называемой “phosphorescence de la mer”¹⁵³. Я, кажется, начинаю мириться с морем, до которого я не была охотницей, по крайней мере, Средиземное производит на меня впечатление гораздо приятнейшее, чем Балтийское, даже теперь, когда мы находимся посреди бесконечного пространства, без малейшего кусочка земли вокруг нас! Средиземное море беспрестанно меняет цвет, переходя от небесно-лазоревого до темно-синего, потом вдруг делается черным, как чернила, потом совершенно стального цвета, и так попеременно целый день.

Сегодня небо к вечеру не так блестяще, звезд самых ярких как будто менее вчерашнего, млечный путь пересекает длинное полупрозрачное облако, и самые яркие звезда только кое-где сверкают. Горизонт смешивается с морскими парами и причиняет нечто вроде оптического обмана: как будто горизонт находится от нас в нескольких шагах. На палубе так прекрасно, что я с трудом решаюсь идти забиться в свою койку, куда Соня

¹⁵¹ «и не так хорошо смонтирован, чтобы выдержать грозу» (фр.).

¹⁵² большие глаза (фр.)

¹⁵³ фосфоресценция моря (фр.)

ушла (с 2-мя нашими сестрами-сопутницами) до меня. Они уже все спят, но *сон бежит моих очей*, как это часто со мной бывает во время сильных жаров. Я не могу лежать в своей душной, тесной койке, встаю и долго люблюсь морем через маленькое наше окошечко. “Phosphorescence” очень ярко и чем ближе к доскам нашего парохода, тем ярче. Но я начинаю недоумевать, “phosphorescence” ли это?.. Мне кажется, это только просто отражение света, который пробивается из окошек (lucarnes¹⁵⁴) и происходящий от фонарей, навешанных кое-где на мачтах, или также от ярких звезд, глядящих в волны; волны эти подымаются, плещут и уносят с собой этот блеск, который мы принимаем за “phosphor”. Но что бы это ни было, оно прекрасно. Подыметесь волна — и откуда-то вдруг появляются мириады искр, не красных, но беловатых, как месячные лучи, и все это мчится вместе с волной вдаль, или разбивается о стены парохода в мелкие дребезги и летит во все направления. Опять мгла, но ненадолго. Вот опять идет волна и несет за собой новую светлую струю, и каждая искорка представляется как бы живым существом, которое быстро и весело влечется какой-то неведомой силой вместе с волнами и вместе же с ней исчезает. Это зрелище совершенно новое для меня, и мне жаль оторваться от него! Вся эта картина, эта мгла, эти пары, качающиеся тучи, колеблющиеся волны, влекущие за собой огоньки, напоминают мне картину Айвазовского «Хаос», который он старался представить, — слишком смелый сюжет, каков бы ни был, но талант. И тут опять как не вспомнить мне о тебе? Мы вместе с тобой удивлялись этой картиной Айвазовского. Ты, такая любительница природы, пришла бы в полный восторг от живой картины, предстоящей передо мной в эту чудную ночь, которая уже впоследствии не возобновлялась со всей этой прелестью и ужасом, прибавлю я, потому что эти густые пары, так похожие на страшные движущиеся тучи, казались так близки, что наводили бы на душу какой-то невольный страх, если б не эти

¹⁵⁴ иллюминаторы (фр.)

мириады искр, так весело прыгающих и составляющих такой контраст с близкой мглой и темью.

14 августа. Понедельник. На море. 3-й день.

Однако Липарские острова¹⁵⁵ мы достигаем только днем, в 3 часа, и чем ближе к ним приближаемся, тем они оказываются многочисленнее, и тем виднее становится дым на огнедышащих горах. По левую сторону видим Stromboli дымящийся. По правую — Velikoli¹⁵⁶. Salina увенчана облаками.

К 8 часам вечера ветер усиливается. Чудесные молнии сверкают со всех сторон все более и более. Нам кажется, что гроза собирается на ночь не на шутку, но грома не слышать за шумом, обыкновенно проходящим на парокходах. Я, однако же, не чувствую ни малейшего страха. Качка усиливается. Монашки собираются в кучку около своей настоятельницы, как цыплята около наседки, и, чувствуя опасность, начинают тихим хором петь напевы Божьей Матери (Cantique à la Vierge). Все это составляет прекрасную картину. Я уже не раз сожалела в своей жизни, что я не живописец! (une “peintreuse”¹⁵⁷, как говорила одна дама).

Качка так сильна, что мы, обнявшись с Соней, поддерживая друг друга, никак не можем дойти до группы, составленной из поющих монашенок, без помощи молодого человека (Максимовича). Достигши до цели, мы слушаем с наслаждением этот трогательный хор. Мелодия, как и слова, так просты! Как я сожалею, что я не попросила у наших двух сестер дать мне спisać этот стих!..

Быть может, благодаря их молитвам, гроза проносится мимо, и к 9 часам погода совершенно проясняется.

¹⁵⁵ Липарские острова — 17 островов вулканического происхождения в Тирренском море к северу от Сицилии.

¹⁵⁶ Возможно, В.И. Пельская называет Velikoli остров Филикуди.

¹⁵⁷ художница (*фр.*)

Мы входим в Мессинский пролив. Чудная ночная картина. Молния, еще не переставшая сверкать, по временам ярко освещит со всех сторон на мгновение — и опять все во тьме. Виднеются только длинные ряды мессинских фонарей справа, и такое же освещение в Reggio слева. Чтобы лучше налюбоваться этой картиной, мы влезает по узенькой лестнице на заднюю эстраду. Идут переговоры между нашим пароходом и Мессинской. Отправляют лодку с цветным фонарем. Другая такая же лодка идет ей же навстречу. Наша стоянка продолжается так долго, что, несмотря на великолепие картины, я едва держусь на ногах от усталости и принуждена убраться восвояси, не дождавшись отчаливания. Если б не несчастная холера, посмотрели бы Мессину.

15 августа. Вторник. На море 4-й день.

Добрый маронит¹⁵⁸ и его вчерашний поступок с Соней, которая по желанию М.П. должна была много с ним разговаривать о многих интересных сведениях. Я не могу прийти в себя от удивления. Вот что значит восточная натура! Сонин инстинкт вернее моего: она с самого начала говорила, что глаза его казались страшными, а мне они казались только воловьими. Впрочем, мы обе должны быть правы: на Соню он смотрел страшными своими глазами, а на меня воловьими. Внезапная наша перемена в обращении с добрым маронитом совершенно, по-видимому, уничтожает его — он бродит, как тень, ища случая объясниться с Соней наедине, но я присваиваю себе должность ее телохранителя, и он принужден на обеих нас смотреть воловьими своими глазами.

Это маленькое событие доставляет мне маленькое развлечение, а то больно монотонно становится опять. Но не знаю, до-

¹⁵⁸ Марониты — представители Маронитской Церкви, которая находится в полном общении с папой и католической Церковью, но с правом самоуправления в соответствии с кодексом канонов Восточных Церквей.

вольна ли этой диверсией моя Соня, так она напугана этим добрым маронитом! А еще духовные лица!..

Сегодня не видали ничего, кроме моря да неба. Жар смертельный.

16 августа. Среда. 5-й день. На море.

Суровые, безлюдные скалы. Мыс Матапан (Cap de Matapan)¹⁵⁹. Кое-где разбросаны маленькие оазисы с селениями или жилищами. Верхи скал почти все покрыты облаками или пересечены ими. Тень от облаков и туч простирается по бокам голых скал, что придает им вид еще живописнее. Издали эти дикие скалы кажутся, как будто покрыты снегом. В первом часу с правой стороны показывается остров Чериго (Cérigo), в мифологии названный Ile de Cythère, обитаемый Венерой. Этот остров (как весьма справедливо сказано в Guide de l'Orient¹⁶⁰) несколько не соответствует воображаемому, до того вид его суров, пуст, бесплоден, печален.

Нас предупредили, что мы скоро будем плыть мимо жилища одного отшельника, который поселился в пустынных скалах, живет в них совершенно один, питается чем Бог послал. Говорят, что окрестные жители приносят ему подаяния. Единственным его развлечением служат мимо плывущие корабли и пароходы; как только он их завидит, он всегда выходит с каким-то знаменем и благословляет путешественников.

Все пассажиры в ожидании, я в особенности внутренне волнуясь и жду этой минуты с чувством благоговения, желая всем сердцем получить напутственное благословение этого святого старца. Сионские сестры составляют собой целую кайму около борта. При каждой скважине или расщелине наше воображение заставляет их принимать за жданного пустытника... Наконец, вот действительно его жилище! Мы плывем так близко, что можно довольно хорошо все рассмотреть, в особенности с по-

¹⁵⁹ Мыс Матапан — самая южная точка материковой Греции.

¹⁶⁰ «Путеводитель по Востоку» (*фр.*): [Itinéraire descriptif].

мощью моего бинокля. У самой подошвы скалы мы видим грот или пещеру, вероятно, вырытую им самим над самой бездной моря. Я смотрю во все глаза — его там нет... Выше, почти над гrotтами, немного далее, посреди скалы, видим — стоит крошечный домик, поставленный на каком-то фундаменте, с кругловатой крышей и маленьким окном. Это, должно быть, его молельня, построенная им самим. Видно, что он старался придать ей вид маленького храма, но здание это, разумеется, весьма убого и похоже на развалину. Вход в него не виден, потому что он стоит к нам задом, но заметна от него идущая дорожка прямо в противоположную пещеру, где должно быть его настоящее, убогое жилище. Направо, несколько пониже на повороте в самой скале, заметна какая-то грубая постройка, хотя довольно правильная, насколько я заметила, нечто вроде моста или *aqueduc*¹⁶¹, которого значение никто мне не мог растолковать¹⁶². Мы с Соней все глаза проглядели, ища что-нибудь похожее на фигуру пустытника, и я с истинным горем должна была отказаться от утешения взглянуть на него и принять от него свою долю благословения. Соне показалась какая-то будто бы белая тень при входе в пещеру против молельни. Мне кажется, что я видела то же самое, но мне и в голову не пришло, что это он: я ожидала видеть его стоящего на самом краю скалы и искала его более по краям. Мне казалось, что его отсутствие и лишение его благословения для нас должно служить дурным предзнаменованием... Но не об опасностях я думала. Странно, что они мне ни разу не приходили в голову!

В простоте своей души я воображала, что монашенки будут в такой же печали, как и я сама, и поспешила идти поделиться

¹⁶¹ акведук (*фр.*) — водовод для подачи воды без дополнительных приспособлений.

¹⁶² К л. 29 рукописного путевого дневника В.И. Пельской прикреплен карандашный рисунок автора с изображением корабля и прибрежных гор со строением и храмом пещерного типа, с подписью: “Cap Malée. Habitation de l’Hermite” (Мыс Малее. Жилище отшельника. *фр.*).

с ними. “Hebien, mes bonnes sœurs, nous n'avons pas eu la bénédiction de l'hermite”¹⁶³, — говорила я, подходя к ним, но многие из них улыбались, как бы немножко насмешливо на мои слова. Сначала меня это удивило: они ждали его с таким любопытством и нарасхват брали мой бинокль! Но вдруг я вспомнила, что он ведь грек, а не католик, и поняла, что отзывается на мое горе не будет. Стоящий тут же француз утешал нас, говоря: “Ah dame! C'est qu'il fait sa sieste, autrement il ne nous aurait pas manques, allez!”¹⁶⁴. Но от этого не легче, и я осталась безутешна. Место его жительства называется Cap Malée.

К полуночи мы приближаемся к Пирейскому порту (Pugée). Множество лодок окружает нас с громкими криками на греческом наречии, чудное звездное небо, множество огней, видных издали в городе, — вся эта ночная картина напоминает Венецию. Ужасная суматоха на пароходе. Мы прощаемся с нашими sœurs de Sion¹⁶⁵, которые остаются на корабле и будут плыть до Константинополя. Молодой Максимович поручает нас молодому французу, жителю Афин, где он *comis*¹⁶⁶ в одном из магазинов, очень красивому и учтивому кавалеру.

Нас спускают в лодку, с нами сидит еще какая-то дама с девочкой. Ночь великолепная. Причаливаем к Pugée¹⁶⁷. Долгие переговоры и суматоха на берегу порта, пока выгружают наши вещи. Наконец, мы нанимаем коляску в Афины, до которой 1 ½ часа езды. Дорога эта еще недавно была опасна по причине одного знаменитого разбойника, по имени Киц. Он был убит несколько месяцев тому назад. Хотя ночь лунная и светлая, однако нельзя хорошенько рассмотреть дорогу. Лунный свет придает

¹⁶³ «Итак (фр. *Eh bien*), мои добрые сестры, мы не получили благословения отшельника!» (фр.).

¹⁶⁴ «Ах, дамы! Просто у него сиеста, иначе он бы нас не пропустил, ну полно!» (фр.)

¹⁶⁵ сестрами Сиона (фр.)

¹⁶⁶ *commissionnaire* (фр.) — посредник

¹⁶⁷ Пирей — главный внешнеторговый порт Греции.

всему какой-то фантастический вид. Дорога, покрытая самой тонкой беловатой пылью, похожа ночью на полотно, все тянущееся вперед. По бокам видим гигантские кактусы и алоэсы, которые служат в этих странах вместо заборов. На полдороге ямщики имеют обыкновение останавливаться у известной так называемой *гостиницы*, которая есть не что иное, как небольшое безобразное и бедное строение, внутренность которого вся открыта, и которую мы видим, не выходя из экипажа. Здесь имеют обыкновение подносить путешественникам рахат-лукум (известное греческое лакомство) и так называемое *raki* (раки), которое есть не что иное как водка. Наш вежливый французик платит за нас, вероятно, надеясь *de prendre sa revanche sur nous*¹⁶⁸ в своем афинском магазине, где впоследствии мы действительно принуждены были кое-что купить.

Наконец вступаем в Афины. Странно звучит это имя. Предместье, освещенное лунным светом, кажется нам чем-то восточным и очень необыкновенным. Мне оно кажется населенными развалинами. Усталость и сон, одолевающий меня, придает всему самый фантастический вид. Эти странные здания, эти исполинские кактусы, эти странные люди с их незнакомым языком — все это кажется мне сном. Я так устала, что меня перестает все это интересовать, и я только желаю одного — постели.

Уже третий час ночи, когда мы, наконец, достигаем нашей гостиницы “*Grande Bretagne*”, содержатель которой Сонцев! Русский! Но мне некогда об этом радоваться, такая я заспанная и утомленная. Все спят в гостинице, и мне показалось чуть ли не в таком виде, как Бог создал, так жарко в эту ночь! Но мне и до этого дела нет, я смотрю сквозь пальцы на всевозможные картины, тем более, что первая вхожу в темную комнату, где с трудом можно что-нибудь рассмотреть. Мне дают номер, в котором две кровати, на одной из них кто-то спал и впросонках вскочил. Но и это мне почти все равно, лишь бы лечь, лечь поскорее! Авось этот человек спал не на моей кровати, но все рав-

¹⁶⁸ взять реванш (*фр.*).

но везде грязно и выбирать нечего. Да и недаром же содержатель гостиницы — русский, наш любезный соотечественник! Но где же в Афинах искать немецкой чистоплотности! Наконец, я в желанной постели! При мне переменяли простыни сомнительной чистоты, но я долго не могу заснуть: содержатель, дабы здесь все напоминало Русь, развел в своей гостинице и клопов...

17 августа. Четверг. Афины.

На другой день просыпаюсь при необыкновенных криках и возгласах афинских разносчиков, которых впоследствии выучилась понимать: “*Stafilla avgulata, stafilla!.. Stafilla rodytès!.. Rodiguena orea!*”, то есть: «Виноград белый! Виноград! Виноград красный! Персики хорош!» Слово *stafilla* в особенности преследует везде, потому что винограду здесь многая множество. Кричат же все они таким странным голосом, протягивая последний слог, и как-то жалобно, точно «Караул!..». Поднявшись с постели, первое, что поражает мои взоры, это пальмовое дерево, первое, которое я вижу *en pleine terre*¹⁶⁹... Впоследствии узнаю, что их здесь не было до королевы Амалии¹⁷⁰, которая была большая охотница до ботаники вообще и выписала многие растения из Александрии. Вообще все так ново здесь для меня, что все поражает меня! Кроме пальм, я в полном восхищении от прекрасных перцовых деревьев (*poivriers*), которых насажено длинным рядом против нашей гостиницы, и которые я замечаю только утром при выходе в общую залу. Листья похожи на акацию или рябину, но они тоньше и продолговатее, и все дерево сверху донизу усыпано красными кистями ягод, также вроде рябины, но не такими крупными и не красными, а самого яркого цвета, так называемого и недавно выдуманного

¹⁶⁹ открытый грунт (*фр.*)

¹⁷⁰ Амалия Ольденбургская (1818–1875) — королева Греции, супруга короля Оттона I; после революции 1862 г. королевская чета остаток жизни провела в Баварии.

Solferino¹⁷¹. Мне очень жаль, что я привезла этих ягод так мало: они довольно хорошо сохранились у меня до сих пор, и я бы могла поболее поделиться ими. Я попробовала раскусить одно зерно — они щиплют язык, как обыкновенный перец, и так же желтоваты внутри. Но так как это дерево должно быть одно из привезенных из дальнейших стран, то зерно не созревает в Афинах и не может быть годным к употреблению. Все здания в новом городе, на европейский манер построенные, довольно красивы и составляют контраст с костюмами простого народа. Все греки, без исключения, носят красные фески с большой черной длинной кистью. Они никогда не расстаются с феской и остаются при ней в гостях, дома, на улице, и даже в церкви. Недалеко от нас публичный сад, открытый для всех, и немного далее — дворец нашей великой княжны, будущей греческой королевы Ольги Константиновны¹⁷². При дворце — сад, в который я надеюсь забраться непременно. Мы званы (т. е. Погодины) к русскому посланнику Новикову¹⁷³. Обеды — вообще скучная история, особенно для меня, всюду являвшейся сбоку-припека. Мы бредем к ним на цуфусах в страшнейший жар, большей частью все по солнцу и по дороге, покрытой мельчайшей беловатой пылью. Хозяйка — стройная высокая блондинка, красавица собой; головка ее годилась бы в keepsake¹⁷⁴, и к тому же хорошо одаренная, судя по всему тому, что я замечала про себя. Муж ее какой-то весьма нервный и раздражительный господин, чего он сам не скрывает. Сынок их лет семи — бледный робкий маль-

¹⁷¹ Solferino — город в Северной Италии, близ озера Гарда; после сражения при Сольферино в 1859 г. этим словом стали именовать ярко-алый, кровавый цвет.

¹⁷² Ольга Константиновна (1851–1926) — великая княжна, внучка императора Николая I, жена второго греческого короля Георга I.

¹⁷³ Новиков Евгений Петрович (1826–1903) — русский историк, прозаик, славянофил, дипломат, действительный тайный советник, посол России в Турции, Австро-Венгрии и Греции, член Государственного совета.

¹⁷⁴ сувенир (англ.)

чик, сидит за столом, и еще некто, кого я приняла за его гувернера, брюнета, очень напоминающего нашего друга Левенталю.

Как обыкновенно, жду с нетерпением отделиться от этого визита или обеда. Всех более меня интересовал их нарядный негр Simon, одетый в греческий костюм, с короткой густой юбкой с множеством складок, снежной, безукоризненной белизны и чистоты, шитой золотыми шнурками кофточке с висячими рукавами. Несмотря на его черное лицо, толстейшие губы и нос, у него такое доброе, приятное лицо, он так ловок и грациозен в своих движениях, что мне все хочется на него смотреть.

Вечером приезжает за ними сам Новиков в коляске и увозит нас осматривать достопримечательные места Афин. Прогулка была бы еще интереснее, если б не было уже почти темно. Странная фантазия показывать редкости города ночью. Но в этом семействе вообще многое показалось мне странным. В этих странах, впрочем, надо заметить, ночь настигает как-то вдруг, чрезвычайно скоро темнеет, а не так, как у нас, постепенно. Так что, когда мы выезжали, еще было довольно светло, но вдруг стемнело.

У подошвы великолепного Акрополя, который мы видели еще только издали, нашли и недавно только отрыли (в 1861 г.) весьма хорошо сохранившиеся развалины амфитеатра Бахуса¹⁷⁵; весь он из белого мрамора и пространства довольно обширного. Сидения так хорошо сохранились, что до сих пор можно читать все надписи, сделанные под каждым сиденьем, из коих первые места принадлежали духовным лицам, т. е. жрицам Бахуса. На самой средней возвышается более всех седалище Адриана¹⁷⁶. Многие изображения Бахуса сохранились почти целыми.

¹⁷⁵ Амфитеатр Бахуса (Театр Диониса) — античное театральное здание на холме Акрополя в Афинах, одно из самых древних в мире.

¹⁷⁶ Ложа римского императора Адриана (47–138 гг. н.э.), поклонника греческой культуры, находилась во втором ряду амфитеатра Бахуса.

Немного далее и выше, на скате той самой горы, видны остатки языческого храма, превращенного ныне в часовню в честь Божьей Матери, где постоянно горит лампада.

Прекрасные руины бывшего огромного храма Юпитера. Остатки колонн от бывшей арки, некогда разделявшей одну часть города от другой, насколько я могла понять из слов Новикова. Пятнадцать лет тому назад одна из этих колонн упала от землетрясения, и только рассмотрев ее в лежащем положении, могла понять и оценить эти гигантские древние работы. И не постигаю, какими силами эти громадные мраморные массы могли быть так высоко взгромождены без помощи наших нынешних машин, которые им не были известны.

Однако вечер становится прохладным, и мы принуждены прикрыться потеплее, чтоб не схватить местной лихорадки.

По вечерам здесь есть обыкновение, как почти во всех заграничных городах, чтоб публика собиралась наслаждаться лимонадом под чистым небом. Для этого каждый вечер из нашей гостиницы (где есть и кофейная) выносятся множество столиков и стульев, и все мигом оживляется и наполняется публикой. По некоторым дням три-четыре раза в неделю играет музыка, весьма плохая. Ложась в постель (которую я тщательно обсыпаю известным спасительным порошком), я долго не могу заснуть, слушая некоторые преоригинальные пьесы и произведения греческой музыки, из коих я узнаю песни самой странной мелодии, которые слышу, как поет иногда мимоходом простой народ. Это какое-то завывание без всякого размера, без такта и без всякой мелодии. Я никак не подозревала, что существует такая музыка в странах, так близких от просвещения самого полного.

Вообще бедный народ, который везде бывает жалкий, кажется мне еще более жалким здесь. Проходя через афинские закоулки мимо тесных их жилищ (если только можно назвать эти норы жилищем), у которых они по вечерам также наслаждаются по-своему, сидя на корточках или валяясь в пыли, они, бедные, казались мне более подходящими на животных,

чем на людей! А ведь есть еще хуже их!.. «Господи, — думала я, глядя на них, — какое, однако, великое благо просвещение!»

18 августа. Пятница. Афины.

Не имея обыкновения есть по утрам, я с самого раннего своего часа, т. е. восстав от сна, наслаждаюсь фруктами, которых здесь большое множество. Откуда у них такое изобилие плодов земных, я этому не могу надивиться, потому что везде кажется такая засуха, все так покрыто пылью, что сама зелень, то есть листья деревьев, не зелены, а серы. Притом у них летом никогда дождей не бывает. Сказать ли после этого: блаженный климат! Ах, нет, хороши наши освежающие дождички, после которых все еще более зеленеет и вдвое благоухает. Одни только морозы наши я бы им охотно отдала.

Итак, сошедши к завтраку в залу, где имеют право спрашивать, чего кому угодно, так как кофе подают с козьим молоком и с козьим маслом, а я предпочитаю его с коровьим, то оставляю его для любителей и протягиваю руки к моим друзьям фигам, которых я тем более люблю, что они меня заставляют вспоминать о моем Владимире, для которого я всегда прятала тайком в кармане свою фигу с обеда Бибиковых, где они подавались на самых парадных только, т. е. самых скучных обедах. Кроме фиг, прекрасный крупный сладкий черный и белый Stafil-la, о котором так много кричат на улицах, и огромные персики, и абрикосы, но всегда зеленые и недоспелые. Хоть бы компот лучше из них делали! Жалости достойно (по московскому наречию), что они пропадают даром.

При таком множестве фрукт и разного рода (неизвестных в нашей стране) овощей, какое было мое удивление увидеть в 1-й раз одного грека-разносчика, продающего на лотке моченый горох!!! И точно так же, как у нас в Москве, мерочками, самыми маленькими жестяными баночками. Уж не наш ли мудрый соотечественник Сонцев их научил и познакомил с этими лакомствами!

Утро проведено в афинских магазинах на покупку разных необходимых вещей для нашего путешествия. Говорят, что жар в Палестине такой нестерпимый, что необходимо нужно запастись большими соломенными круглыми шляпами и укутать их как можно более белой кисеей, притом вообще, кроме серого и белого цвета ничего не носить. Солнечные удары в этой стране очень опасны, и для предохранения себя от одного надобно, кроме шляп, запастись большими зонтами, без которых здесь даже никто почти не ходит.

Итак, запасшись огромной афинской мужицкой шляпой, я принимаюсь закутывать ее несколькими аршинами белой кисеи и творю из нее нечто вроде чудовищной чалмы и, надевая ее перед зеркалом, от души смеюсь одна, в нетерпении показать себя Соне в таком странном наряде.

Madame l'Ambassadrice¹⁷⁷ должна приехать за нами вечером (говорят, что здесь иначе как вечером невозможно гулять). Она везет нас в окрестности Афин, в местность, которая считается самой живописной. Но ночь довольно темна, так что едва ли можно удостовериться в точности этой молвы, по крайней мере, видим не одни огромные алоэсы и кактусы, но несколько старых деревьев, по большей части маслин (как мне кажется). М-ме Новикова¹⁷⁸ говорит нам, что эта живописнейшая местность из всех окрестностей гораздо много выигрывает тем, что мы ее осматриваем ночью. Невольно вспомнила я пословицу “la nuit, tous les chats sont gris”¹⁷⁹. Днем же видна только одна засуха, которая мне навевает какую-то грусть, когда я смотрю на здешнюю растительность. Проезжаем мимо простонародного трактира. Новикова велит остановиться, чтоб дать нам полюбоваться этой картиной, которую греки-мужички составляют для нас, сами того не подозревая.

¹⁷⁷ Супруга посла (фр.).

¹⁷⁸ Новикова Мария Николаевна (урожд. Титова; 1842–1901) — жена Е.П. Новикова чрезвычайного посланника и полномочного министра в Греции.

¹⁷⁹ ночью все кошки серы (фр.)

Останавливаемся потом еще у какой-то маленькой церкви (греческой), в которую мы входим, чтоб поклониться чудотворной иконе Божьей Матери. Верный добрый негр, который всюду сопровождает нас, придает еще более оригинальности всем этим местностям своей фантастической черной фигурой и своим белым костюмом.

19 августа. Суббота. Афины.

Опять магазины — еще более утомительное путешествие, потому что с нами М.П., который стоит в раздумии предолго-долго тут, где надо бы спешить, и спешит, где надо нам решать, подумавши. С нами какие-то две русские личности, из коих один, кажется, дьячок архимандрита Петра¹⁸⁰, у которого мы были в гостях. Добрая, но весьма простая личность, по-видимому, не совсем довольная своим житьем-бытьем в Афинах, которые он считает некоторым образом ссылкой, чему весьма легко верю.

Как то будут поживать здесь хорошенькая (и, говорят, умница) Ольга Константиновна с супругом?.. Внуши, Господи, им всякого добра и дай, Боже, чтоб их царствование кончилось благополучнее Оттонова¹⁸¹!

Я отказываюсь от обеда и прогулки с Новиковыми, под предлогом нездоровья. Мигрень не раз спасала меня в моей неизлечимой болезни дикости. От скуки иду любоваться на Mont Numette¹⁸², который всегда так необыкновенно хорош при заходе солнца и покрывается пурпуровым цветом. Должно быть, это происходит от некоторых растений, растущих там в изобилии, из коих афинские пчелки составляют свой необыкновенно вкусный мед. (Каким образом мы его не попробовали

¹⁸⁰ Петр (в миру Платон Алексеевич Троицкий; 1811–1873) — настоятель по-сольской церкви в Афинах (1860–1869), с 1869 г. — епископ Аккерманский, викарий Кишиневской епархии.

¹⁸¹ Оттон I (1815–1867) — первый король Греции, свергнутый в 1862 г.

¹⁸² Имитос — гора к востоку от Афин с богатой флорой и фауной.

и никто нас им не потчевал? Странно, что я, лакомка, только теперь об этом важном для меня обстоятельстве вспомнила!)

Неудача: солнышку угодно сегодня зайти за тучи и тем лишить меня полюбоваться Mont Hymette, который только и хорош, когда его освещает заходящее солнце. С досады иду на другую попытку — погулять в Королевском саду, но я захожу не в надлежащую сторону, и часовой меня не пускает, тарабаря что-то по-своему и показывая в противоположную сторону, в которую я решаюсь направить свой путь.

Навстречу мне идет молодой грек в своей неразлучной феске и заговаривает на хорошем французском языке. Я ему рада как родному (т. е. языку-то, пойми меня). И вот мы, как раз познакомившись, продолжаем вместе путь-дороженьку. Он сам путешествует, и ему самому хочется заглянуть в Королевский сад, и он любитель ботаники и природы. Мы во всем с ним сходимся, тем более что у него глаза не страшны, хоть черны, и не воловыи. Одним словом, преприятный образованный молодой грек из Константинополя, где он обыкновенно живет. Его разговор очень интересен, и, кроме того, он так любезен, что не гнушается моим ребячеством и сам помогает собирать прелестные разноцветные гладкие камушки, похожие на конфетки, которыми усыпаны все аллеи вместо песка, и тайком от страха срывает для меня (как и для себя так же) померанцы, которыми сад изобилует. Растительность самая разнообразная. Чего там нет — по части деревьев в особенности (цветов, напротив, мало)! Здесь высоко. Я в первый раз вижу нечто вроде апельсинового и лимонного леса, которые похожи на наши яблочные, потому что деревья эти не более ростом наших обыкновенных яблонь. Огромные олеандры, мирты и много тому подобных растений, но все это до того покрыто пылью, до того серо, что имеет какой-то страдальческий вид! Если я когда-нибудь познакомлюсь с Ольгой Константиновной, я ей дам свой совет поливать все это хоть пожарной трубой: королевские фантазии так легко исполняются!

Молодой грек вежливо раскланивается со мной, проводивши меня до отеля, и я остаюсь очень довольна своей прогулкой.

Наши еще не возвращались. Любезнейший наш хозяин Илья Егорович Сонцев (придерживающийся рюмочки, как русскому человеку и следует) устраивает меня на крыльце слушать так называемую музыку. Часто слышится в греческих разговорах слово «охи! охи!», которое нам с Соней кажется так оригинальным, а мне напоминает песенку моей родной Марии Дмитриевны, которая говаривала: «Охи, охи, дела наши плохи!». Слово *охи* значит просто *нет*, а *не* — у них, напротив, значит *да*. «Ну, вот на, поди-ж!» — сказала бы Marie Шишмарева, которая имела дар смешить меня, хохотушку, по целым часам одним этим словом. А дела-то действительно плохи, потому что в этот вечер получаю нотацию от М.П. за то, что не поехала с ними.

20 августа. Воскресенье. Афины

Встаем рано, чтоб идти к обедне в греческий собор. Служба, хотя мало разнствует с нашей, но так утомительна своим странным монотонным пением, что я дожидаюсь только конца «Иже Херувимы», чтоб уйти. О духовной музыке, как и всякой прочей, греки, по-видимому, не имеют понятия, если она у них всегда такова, как сегодня, при парадной службе самого митрополита. Вид его самый почтенный. Он сед как лунь, с длинной совершенно белой бородой, и напоминает собой изображения св. Симеона Богоприимца. Вокруг меня много дам-гречанок, все с орлиными носами, черными глазами, резкими чертами лица, ни одной приятной физиономии, хотя некоторые из них недурны собой. Пение церковное самое странное. Голосов с двадцать, из коих несколько, самых юных, тянут унисоном одну и ту же ноту в продолжение более $\frac{1}{4}$ часа, так мне казалось, не выговаривая ни одного слога, ни слова, так что я сначала приняла этот протяжный звук за звук органа или какого-нибудь инструмента. В то же самое время один голос что-то напевает, выговаривая слова и делая руляды, напоминавшие немного еврейское пение в синагоге. Это странное пение с таким странным аккомпанементом до того монотонно и тяжело, что наводит на меня сон, и, не будучи в состоянии выдержать, я выхожу из церкви, не до-

ждавшись конца «Иже Херувимы...» и выхода со Святыми Тайнами. Не похвально!

Я устала и ложусь в постель попробовать заснуть, но прелюбезный наш хозяин (Илья Егорович Сонцев) заходит ко мне на беседу. Я все более и более нахожу его более чем глуповатым и перестаю радоваться этой находке соотечественника в Афинах. Даже немножко делается совестно видеть здесь подобного представителя наших русских. Опять обед у Новиковых. Не знаю, какому чуду приписать, что сам М.П. nous envoie promener¹⁸³ (только без каламбура!) в Королевский сад, тотчас после обеда вдвоем с Соней! То-то мне праздник! Сад этот не слишком нравится Соне, по моим словам, она ожидала от него более. Но все-таки приятно погуляли вдвоем, и моя коллекция разноцветных камушков прибавилась в пользу моих маленьких друзей.

В нашем отеле нет горничных. У меня есть няня — Nicolas, молодой грек, который исполняет все должности горничной и очень желает выучиться французскому языку, который он коверкает самым немилосердным образом; каждый день по несколько раз приходит спрашивать меня: “Voulez-vous apporter de l'eau fruit?”, т. е. «Прикажете принести свежей воды?» А на все мои вопросы отвечает очень поспешно с глуповатым лицом: Oui. — Quelle heure est-il? — Oui, madame! — Vous ne me comprenez pas? — Oui, madame! — Vous pouvez vous en aller, je n'ai plus besoin de vous. — Oui, madame!¹⁸⁴ — Тогда я ему махаю рукой — он поворачивает налево кругом, но у двери непременно останавливается, чтобы сделать свой обыкновенный вопрос: “Voulez-vous apporter de l'eau fruit?..” В ответ опять махаю рукой, и он скрывается. Как бы глуп он ни был, я его люблю более Сонцева, который мне надоедает.

¹⁸³ посылает нас прогуляться (*фр.*)

¹⁸⁴ Да. — Который час? — Да, мадам. — Вы меня не понимаете? — Да, мадам. — Можете идти, вы мне больше не нужны. — Да, мадам. (*фр.*)

Завтра собираемся на раннюю прогулку с нашим хозяином Сонцевым и русским господином (Добротворским¹⁸⁵) осматривать что-то интересное.

21 августа. Понедельник. Афины.

Нас будят в 4 часа. Едем в коляске. На козлах сидит Сонцева сын, мальчик лет тринадцати. Всех нас семеро, с кучером.

Дорога, по которой мы едем, пустынная (как почти все окрестности Афин), несколько месяцев тому назад была очень опасна, потому что здесь между ущельями и песками скрывалась шайка известного разбойника Кица, который наводил страх в этих местах. До Елевзиса (Eleusis)¹⁸⁶, куда мы направляем путь, около двух часов езды. На полдороге останавливаемся осмотреть древнюю и беднейшую церковь (в Daphni)¹⁸⁷, горевшую некогда от турок, которые в этой стране сделали так много опустошений. В ней чудесным образом сохранилась мозаическая икона Спасителя¹⁸⁸, сделанная на сводах посреди церкви под бывшим куполом. Здесь же мы осматриваем множество развалин, из коих некоторые недавно открыты. Множество грязных, оборванных ребятишек окружают нас и просят беспрестанно подаяние, глядя на нас с любопытством. Мой костюм им чрезвычайно нравится: на мне серое платье с черными тесемками, старая кружевная шляпа, шитая стеклярусом, и старая запыленная чалма

¹⁸⁵ Добротворский Иван Михайлович (1832–1883) — ординарный профессор Казанского университета по кафедре церковной истории; член Общества любителей российской словесности, историк раскола. По собственному желанию был уволен от духовно-училищной службы и из духовного звания. В 1865 г. был отправлен в заграничную командировку, во время которой слушал лекции в Тюбингене, Мюнхене, изучал новогреческий язык в Афинах, побывал в Египте, Палестине, Константинополе, в 1868 г. вернулся в Россию.

¹⁸⁶ Элефсис — крупный морской порт в Греции.

¹⁸⁷ Дафни (греч.) — византийский монастырь, основанный в VI в. на месте языческого святилища Аполлона Дафнийского.

¹⁸⁸ Образ Спаса Вседержителя расположен под куполом и датируется, как и вся мозаика храма, XII в.

из шерстяной черной материи, последняя в особенности возбуждает их любопытство. Девчонки по очереди дотрагиваются ее пальцами и все твердят: “Oréa! Oréa!” (C’est beau!¹⁸⁹)

Самая интересная часть нашей прогулки — это наш отдых в Eleusis-e! и завтрак в доме начальника этого местечка, или нечто вроде городничего, но более похожего на то, что называется у нас старостой, потому что он, по-видимому, простой необразованный человек. Сонцев заводит нас к нему. Он, кажется, очень рад гостям и ведет нас в свой дом. Дом — это не что иное как одна-единственная комната вроде малороссийских мазанок, без пола, с одним крошечным окошечком, т. е. отверстием вместо окна, без всякого украшения и почти без всякой мебели. Вместо украшений служат навешанные на стенах какие-то штучки из ячменя или пшеницы, довольно искусно сплетенные в виде коротенькой метелочки. У него, по-видимому, два таких домика, потому что он прежде заводит в другую комнату, почти такую же убогую, где он представляет нам молодую бабенку, которую мы принимаем за его дочку, но потом узнаем, что это его жена. Она чем-то занята, но очень любезно подходит к нам на shake-hands¹⁹⁰, которые у ней мокрехоньки, так что я принуждена после украдкой их вытереть об носовую платок. Она вовсе не красива и похожа на нашего Гаврюнчика как две капли воды, один костюм делает ее интересной для нас, равно как ее добродушное лицо.

Собирают нам в углу стол, несколько стульев и скамеек, и мы располагаемся позавтракать сыром, яйцами и холодным жарким, которые привез с собой Сонцев. (Впоследствии наш соотечественник подал нам аптекарский счет¹⁹¹ этого довольно скудного фриштика¹⁹²). Хозяин, со своей стороны, потчевал нас stafilл ей, которого он принес огромное блюдо. Виноград этот

¹⁸⁹ Красиво! (*фр.*)

¹⁹⁰ рукопожатие (*англ.*)

¹⁹¹ аптекарский счет (*иноск.*) — чрезмерный

¹⁹² фриштик (*нем. Frühstück*) — завтрак, закуска

красноватый и так сладок, что даже приторный. Потом принес и вина своего, в которое здешние жители имеют обыкновение примешивать какой-то смолы, что придает ему горьковатый вкус. Говорят, что к этой горечи скоро привыкают. Я любопытствовала посмотреть, где у них хранится и как готовится это вино, заранее предчувствуя, что это будет нечто не совсем аппетитное. И действительно, но, к счастью, я не пью! Точило в виде каменной беседки с навесом. В нее сваливают виноград и топчут его без церемонии ногами, как дельвалось при нашем прадедушке Ное. Внизу сделано сбоку небольшое отверстие, из которого жидкость выливается в яму, обложенную камнем: там делается брожение, и пена сама собой выбрасывается вон. Тогда вино готово, и его можно и черпать, и кушать на здоровье.

Позавтракав и отдохнув, поблагодарили хозяина и хозяйку, которая в знак памяти и уважения подарила Соне одну из метелочек, украшающих стены, и очень радушно распрощались с ними. Весь этот так называемый городок сидит на развалинах, или лучше сказать, весь этот народ живет в развалинах, как совы. Мальчишки, чтоб позабавить нас, или, верее, надеясь на вознаграждение за свои труды, исчезали вдруг ползком в узкие отверстия и являлись потом за несколько сажен или шагов или же просовывали руки в отверстиях под ногами нашими. Бедный люд! Но мы видели впоследствии еще хуже нищету!

Возвращаясь назад, заходили осматривать храм Тезея¹⁹³, который, как и все эти развалины в этих местах, вмещает в себе музей, состоящий из обломков древних статуй, из коих некоторые хорошо сохранившиеся и довольно искусно сделанные. Храм Тезея красив и хорошо сохранился. Это четвероугольное большое здание, окруженное со всех сторон колоннадой вроде церкви (Madeleine в Париже¹⁹⁴). Пока мы ходили по музею и шли под колоннами, во все время слышали страшно монотон-

¹⁹³ Храм Тезея (Гефеста) в Афинах, построенный в период между 440 и 430 гг. до н. э., во многом был подражанием Парфенону.

¹⁹⁴ Церковь Мадлен (фр. l'église de la Madeleine), или св. Марии Магдалины.

ное и жалобное пение. И вдруг, повернув на одном углу здания, перепугали четверых бедных людей, расположившихся здесь под колоннадой. Это были несчастные кандиоты¹⁹⁵, которые пели свои унылые песни, чтоб позабыть свое горе. Одно слово *кандиоты* располагает к ним сердца, и каждый из нас подал им свою лепту, которая, по-видимому, была не лишняя для них, так казались они бедны!..

Мы никак не выедем из Афин! Предположено было выехать завтра на Смирну, но по случаю холеры, которая свирепствует по местам, пассажиры принуждены выдерживать карантин, поэтому М.П. перемещает свои планы и остается ждать здесь парохода, который является в Пирее по четвергам.

24 августа. Вторник. Афины.

Эти последние дни жар уменьшился. Можно дышать. Сильный ветер. Каково-то на море?.. Скучный обед у Новикова (посланника), зато, авось, последний! Тотчас после обеда, только что проглотив последний кусок, М.П. уводит нас. На наши возражения (что неловко так бесцеремонно поступать с незнакомыми людьми) он отвечает вслух, что нас в пансионе мамзель де Бош учили одним пустым церемониям. На этот раз повинуюсь не без никакого удовольствия. Бежишь за ним смотреть на захождение солнца, которое бывает прекрасно и покрывает окрестные горы, особенно Mont Hymette, самым прекрасным алым цветом, который потом переходит в лиловатый¹⁹⁶. Вероятно, это происходит от растений, которые растут в изобилии на этой горе и из которых здешние пчелки составляют известный греческий мед¹⁹⁷. Очень сожалею, что мне не пришло на мысль попросить кого-нибудь показать мне это растение и высушить. Великолепная картина захождения солнца длится весьма недолго, не более

¹⁹⁵ кандиоты — греческое население острова Крит

¹⁹⁶ Помета на полях: «Заболталась. Повторяюсь, виновата!»

¹⁹⁷ Гору Имитос нередко называют «медоточивой»; с древности известен собираемый местными пчелами тимьяновый мед.

3–4 минут, так что стоит опоздать на 2 минутки, и спектакль этот потеряян.

Идем опять к амфитеатру Бахуса. Негр Симон с нами, он предлагает нам зайти по дороге посмотреть на пещеру Сократа¹⁹⁸, бывшей, как предполагают, тюрьмой его, но уже так темно, что я зажигаю восковые спички, которые, к счастью, случились при мне. И действительно, вдвое счастье, потому что, осветив пещеру своими спичками, мы увидели там такую нечистоту, что поблагодарили судьбу, что вышли оттуда, не наступив ни во что... Конструкция этой пещеры очень странная, и действительно должна была некогда служить тюрьмой. Она высечена в скале в виде воронки с малым отверстием на самом верху, для воздуха. Вероятно, оттуда спускали несчастным и пищу (если она еще давалась им!..), а вход, вероятно, заваливали. Из этой пещеры входили в другую — такую же, но меньше этой. Мало ли ужасов происходило не только здесь, но и по всей Земле нашей многогрешной...

Возвращаясь домой уже почти ночью, видим Афины, освещенные кое-где огоньками. Проходим через узенькие грязенькие улицы, где стоит или сидит на корточках группами бедный люд. Простой народ здешний кажется мне ужасно дик и жалок вообще во всем, начиная от их жилищ до их песен, более похожих на вопль или завывание ветра, и который производит престранное впечатление, очень неприятное.

Проходим через древние ворота рынка, близ которых стоит каменный столп; на них ясно сохранились вырезанные Солоновы законы¹⁹⁹, относящиеся до рыночной таксы!..

¹⁹⁸ Пещера Сократа (Тюрьма Сократа) находится у подножия холма Филоппапу, в ней философ находился в 399 г. до н. э. по обвинению в непочитании богов.

¹⁹⁹ Солон (ок. 639–559 гг. до н. э.) — один из «семи мудрецов Древней Греции», поэт и влиятельный политик; провел ряд реформ начиная с 594 г. до н. э., которые известны как «Законы Солона». Эти законы были написаны особым способом на деревянных досках и выставлены для всеобщего ознакомления в Акрополе под охраной Афины Паллады, они были действительны в течение

Вечером — музыка в кофейне против нашей гостиницы, как и всегда, весьма плохая. Ложась спать, я слышу между прочим греческую песнь, игранную тем же плохим оркестром. Я ее тотчас узнаю, потому что два дня тому назад я слышала, как ее пели в два голоса какие-то работники на дворе. Это не мелодия, не музыка, а что-то дикое, без ритма, без такта, без связи, большей частью вроде гамм, то повышающихся, то понижающихся.

23 августа. Среда. Выезд из Афин.

Предположение ехать сегодня в 7 часов в Пирею, дожидаться там парохода. Хозяин наш хочет нам сопутешествовать. Он по дружбе стягивает с нас 300 fr. ради Отечества и на радостях, наклюкавшись, приходит ко мне с последним визитом, который окончательно запечатлевает на нем его глупость и внушает мне нечто вроде отвращения к его личности. Он едет не в нашем экипаже, а с другим семейством или четой. Александрийская красавица, сопровождающая, или которую сопровождает грек в красной шапке. Они стояли в нашей гостинице, и я несколько раз, проходя мимо, видела мельком какую-то всегда в пух разряженную чернобровую личность, которая издали казалась мне очень красивой, но никогда не могла ее разглядеть.

С нами едет посланный провожатый от Новикова. Дорога в Пиреи уже нам знакомая, с теми же остановками. Опять море. Великолепная ночная картина. М.П. собирается погулять на пристани, но является архимандрит Петр и останавливает его. Он нарочно приехал из Афин, чтобы проститься с ним. В 9 часов возвещают, что пароход уже едет. Великолепное зрелище на море, уже известное нам, но освещенное луной, которая отражается в море.

100 лет. Там были приведены правила прощения долгов, запрещения обращать в рабство за долги, выборности судей, регулярности созыва народного собрания и др.

Embarquation²⁰⁰. Bateau Tibre compagnie de la Messagerie Imperiale²⁰¹, совершенно сходный с Eridan, в котором вы плыли до Афин. С нами едет Добротворский (Иван Михайлович) и будет сопровождать нас до Иерусалима. Будем плыть к Константинополю с помощью Божией.

24 августа. На пароходе "Eridan". 1-й день.

На нашу долю падает та александрийская красавица, которой лицо издали подстрекало мое любопытство, но не все оказывается прекрасно вблизи, как оно кажется издали. К тому же я всегда чувствовала отвращение к намалеванным лицам. В первый раз в жизни случается мне видеть всю эту процедуру намалевания физиономии, которую эта жалкая женщина, без малейшего конфуза, совершает при нас с помощью маленького зеркальца. Сначала меня это так удивляет, что я долго на нее смотрю, следуя движениям ее пальцев и постепенно распространявшихся роз и лилий на ее щеках, пока вдруг наши глаза не встретились как-то случайно в ее крошечном зеркальце. Я думала, что она сконфузится, и хотела скромно отвернуться, но, к моему удивлению, она ласково и весело улыбнулась мне в зеркале. Я сама чуть-чуть не сконфузилась, но ее мина показалась мне так смешна, что я сама рассмеялась. Однако, не желая знакомства, не продолжала более ни улыбок, ни взглядов, как бы любопытно мне это ни казалось.

Между тем качка становится все сильнее и сильнее, и кончается почти всеобщей морской неприятной болезнью. В первый раз своей жизни доходит со мной до одного Friederich heraus²⁰². Соня еще больнее меня, и обе мы принуждены растянуться. Наша жалкая красавица в ужасном положении, стонет, вздыхает и беспрестанно кличет служителя на помощь: "Cavaliero! Cavaliero!" Кроме греческого, ее родного языка, и немного

²⁰⁰ Посадка на борт (фр.)

²⁰¹ Судно «Тибр» компании Messagerie Imperiale (фр.).

²⁰² «Фридрих, пошел вон!» (нем.) — эвфемизм, означающий «стошнить».

итальянского, она ни на каком не говорит. Хотелось бы ей помочь чем-нибудь, тем более что, по-видимому, ее собственный cavaliero не слишком заботится о своей красавице. Между ю.тем не могу преодолеть в себе страх, который всегда возбуждают во мне подобного рода красавицы. Со всем этим, наша кажется таким невинным глупым ребенком, что она возбуждает более жалость, чем другое какое-нибудь чувство.

Качка продолжается целый день и уменьшается только к поздней ночи. В 3 часа проезжаем Дарданеллы.

24 августа. Пятница. Приезд в Константинополь.

Утро великолепно, но прохладно. Море тихо. В пятом часу пополудни приближаемся к Константинополю. С любопытством бежим к борту, от которого более не отходим. То, что мы сначала принимаем за самый город Константинополь, есть не что иное, как предместье или виллы, и, по мере того как мы приближаемся, то, что нам издали казалось сплошной массой, отделяется постепенно одно от другого.

Но вот, наконец, является и сам величественный Константинополь. Действительно, очень величественный вид придают ему его многочисленные минареты между грудями зданий, наставленных одно над другим, и составляющих как бы гору огромного пространства. Мы стараемся угадать, которая из огромных мечетей — Святая София.

Мой приятель, как называет М.П. того молодого магометанина (а не грека), который со мной гулял в Королевском саду в Афинах и который очутился на том же пароходе и ехал с нами до Константинополя, вызывается быть нашим покровителем. Огромное количество гондол окружает наш пароход, как только он остановился. Мы выгружаемся среди всей этой обыкновенной суматохи между лодками, багажом и носильщиками.

Вышедши из лодки, наши проводники ведут нас в гору с добрые $\frac{1}{4}$ часа через узенькие, кривые и грязнейшие улицы! Наконец, после долгого вознесения горé, проникаем в улицу

Péra²⁰³, одну из главных кварталов, называемого тем же именем, и где обыкновенно останавливаются и живут иностранцы. Она не весьма шире тех скверных улочек, через которые мы сейчас прошли, и не весьма чище. Мы идем вдоль этой улицы довольно долго, но уже не в гору; дома в ней на европейский манер, и как бы ни была она некрасива, в ней находятся совершенно европейские магазины *avec étalage*²⁰⁴. Мимоходом видим множество предметов, один другого фантастичнее для наших непривычных взоров, взоров москвичей, перенесенных вдруг в Туретчину...

Видим более греческих красных фесок, однако, чем белых тюрбанов. Впоследствии узнаю, что фески приняты всеми военными людьми.

Многое множество собак, которых почти так же много, как самих людей, поражает меня. Они лежат на каждом шагу по нескольку, не обращая внимания на прохожих, которые должны иногда перескакивать через них. Чтоб покончить с этим предметом, одним из первых поразивших меня, надо сейчас же досказать, что я узнала о нем любопытного. Станный турецкий закон воспрещает истреблять собак (по-видимому, в одном Константинополе, потому что впоследствии мы нигде их такого множества не видали, особенно в *quartier de Péra*). Их даже, кажется, некоторые обязываются кормить. Кроме того, они, вероятно, как шакалы, питаются падалью и всякой гадостью, которой, к их счастью, находится довольно в Константинополе. И также никто им не мешает размножаться и наполнять улицы, тротуары и целые площади, в которых они гуляют себе в виде огромного стада... Мимоходом я заметила, что почти нет ни одной из них без какой-нибудь жалкой раны на боку: одна без уха, другая без глаза, третья без хвоста, четвертая хромая — так что жаль смотреть. И я негодовала в душе на жестокость этих стран-

²⁰³ Пера (в настоящее время — Бейоглу) — квартал в Стамбуле, окружен водами Босфора и бухты Золотой Рог.

²⁰⁴ с витринами (*фр.*)

ных жителей. Но, к удивлению моему, узнала, что не люди тому причиной, а они сами, собаки, ведут между собой жесточайшую междоусобную войну. Горе той отчаянной собаке, которая осмелится задумать показаться, а еще более перейти из своего квартала в чужой! Вмиг бросается на нее вся стая, и счастлива она, если не растерзают в куски и если она поплатится одним ухом или хвостом! «Что город, то норы, — что деревня, то обычай», — можно сказать и при этом случае. На людей же никогда им не приходит на мысль бросаться. По крайней мере, ни разу не случилось, чтоб одна из них при нас лаяла на прохожих. Рассказывают даже, что они ищут их покровительства, когда ими овладевает непреодолимое желание постраниствовать и проникнуть в чужие владения.

Проходя по улице Рега до нашего отеля, видели разного рода заведения на открытом воздухе: цирюльни, кофейни, разная стряпня, разных мастеров своего дела, занимающихся своим делом на улице, сидя по-турецки. Множество всевозможных плодов и овощей, знакомых и незнакомых; чудный виноград, который здесь уже не *стафил*, а *узум*, отчего, может быть, и происходит наше русское *изюм*. Детей здесь обыкновенно носят не на руках, если даже они ничем не заняты, а на спине или же на плече, где они, по-видимому, преудобно торчат, держась обеими ручонками за голову тятеньки, который иногда держит в кулаке за одну ножку, а иногда совсем ни за что не держит. Узнаем турчанок по их закрытым лицам, из коих видны только глаза. Походка их весьма не грациозна. Простые женщины набрасывают на себя нечто вроде одеяла или простыни, одноцветной и четверугольной, которая от движения раздувается сзади пузырем, что нисколько не придает им прелести. У всех, без исключения, надеты на ногах желтые туфли без задков, которыми они шлепают тоже непривлекательно.

Добираемся, наконец, до своего отеля («Hotel de Pétersbourg»), находящийся в этом же Рега. Неопрятность, *wohlgeruch*²⁰⁵ (как

²⁰⁵ благоухание (нем.)

говаривала моя Cath[erine]) и вдобавок ко всем этим приятностям — клопики турецкие... Зато очень хороший обед. У нас с Соней одна комната, а М.П. с нашим казанским профессором (Добротворским) особенно²⁰⁶ вдвоем.

26 августа. Суббота. Константинополь.

М.П. идет с Добротворским к русскому посланнику (Игнатьеву)²⁰⁷. Мы пользуемся его отсутствием, чтоб идти с Соней погулять и ознакомиться с местностью. Встречаем портного (Lene), который ехал с нами на пароходе с женой, и который держит здесь магазин. Обращаемся к нему за советом, куда направить нашу прогулку. Он составляет нам маршрут, и, выслушав его наставления, как дойти до известного обширного кладбища, мы направляем шаги наши в эту сторону вдоль улицы Рега, с любопытством глядя на всех и на все нас окружающее.

Грустно поражает вид этого магометанского кладбища, наполненного длинными и черными, как тени, кипарисами (других деревьев нет) и памятниками в виде стоящих узких камней от 1 ½ и до 2 ½ аршин вышины, верхи которых покрыты тюрбанами, высеченными из камня же, или красными греческими фесками — знак военного звания. Ни одного красивого, искусно сделанного монумента, все они одинаковы и отличаются один от другого одной вышиной. Несколько нищих сидят по-турецки около пыльной дороги — нигде не видно ни кустика, ни травы. Девчонки преследуют нас, крича: “Mandam”, т. е. madame, видя в нас иностранок. Продавцы галеток и баранок, обсыпанных каким-то обжаренным семенем — очень похоже на льняное, но оно белое. Мое любопытство до всего, что касается всевозможных произрастений, превозмогает, и я не могу удержаться подойти рассмотреть, чем обсыпаны эти баранки, и тем же обмануть ожидания бедного турка, который надеялся, что я у него

²⁰⁶ особенно — в значении отдельно.

²⁰⁷ Игнатьев Николай Павлович (1832–1908) — граф, посол в Константинополе (1864–1877), сторонник идей панславизма.

куплю что-нибудь. Что бы мне, в самом деле, купить баранок и раздать тем беднякам, и тем всех осчастливить? Но не в первый раз случается мне жить задним умом... Турка, видя, что я с любопытством и недоумением рассматриваю семя, которым обсыпаны его баранки, добродушно повторял мне: «Сусанна, Сусанна!». Это слово мне казалось смешно и странно, и я недоумевала, что он хочет мне сказать, и мотала ему в ответ головой и рукой, показывая, что я не хочу его баранок. Впоследствии только я узнала, что, хотя я его не понимала, но он меня понял.

Только в Иерусалиме ознакомились я с Сусанной и с растением, называемым этим именем²⁰⁸, и узнала, что из него делают масло довольно вкусное, которое употребляют вместо постного наши богомольцы и странники. Этим же поджаренным семенем обсыпают хлеб, булки, баранки и пр., как мы делаем это с тмином.

Кладбище кончается у самого берега моря, куда мы и дошли с Сонеи. Тут же расположился *кафеджи*, как называют людей, продающих кофе, для которого у них есть особенный целый аппарат с маленьким камином, где они его варят и жарят, а разливают с гущей и уже подслащенный, и подают его в крошечных чашечках с подставками вместо блюдец. Говорят, что турецкий кофе самый наилучший, и что скоро привыкнешь пить его с гущей на турецкий манер. Действительно, впоследствии мне несколько раз случалось пить его таким образом, и я находила его вкусным, хотя до тех пор никогда не пила его без сливок. Тут же сидят несколько турок (разумеется, по-турецки) и курят свой *narghile*²⁰⁹ (или кальян), который доставляет им тот же *cafedgi*;

²⁰⁸ Кунжут — стручковое масличное растение рода Сезам, широко распространенное и культивируемое с древнейших времен; в греческое огласовке — сесамон, в латинской — сезама.

²⁰⁹ Кальян (или наргиле) — трубка для курения, позволяющая фильтровать и охлаждать вдыхаемый дым, в ней роль фильтра играет сосуд с водой, вином или иной жидкостью.

такого рода трубки мы впервые увидели в Пиреях, где курят их ямщики на берегу моря.

На противоположном берегу моря против кладбища, где мы стоим, должен быть Скутари²¹⁰. Налюбовавшись прелестным этим видом, возвращаемся домой тем же путем, боясь заблудиться, если отступим от него. На улицах встречаем несколько нарядных позолоченных карет, наполненных женщинами, покрытых вуалями, но вуали эти так тонки и прозрачны, что через них совершенно хорошо можно рассмотреть черты лица. Почти все, без исключения, поражают своей молодостью (от 14 до 17 лет). У всех у них чудные черные глаза с длинными черными ресницами и бровями, нарисованными дугами. И подлинно, не нарисованы ли? Не смею доверять также их чрезвычайной свежести и белизне — натуральны ли они? Но все-таки личики почти все миловидные, только все на один и тот же тип. Всем им, по-видимому, кажется очень приятно, когда на них смотрят, и иные сами с улыбкой и любопытством провожали нас глазами, узнавая в нас иностранок. Бедненькие! Единственное почти их развлечение, когда им позволят покататься в тесных этих улицах и поглазеть на людей сквозь кисейные и тюлевые вуали! Самые молоденькие разодеты в яркие цвета, особенно розовый и голубой. Кроме карет, есть еще экипаж, напоминающий древние времена во Франции. Это носильщики, т. е. *chaise à porteur*²¹¹. Несколько раз нам кричат слово *arabà* (*voiture*²¹²), первое, с которым мы знакомимся на турецком языке, который должен быть вовсе не сходен с греческим. Но для меня оно почти все одно, так как я не имею понятия ни о том, ни о другом. Однако я научилась распознавать один от другого по частичке *bir*, которую вставляют беспрестанно в турецком языке и которое долж-

²¹⁰ Скутари (Уксюдар) — район в азиатской части Константинополя, напротив бухты Золотой Рог, где сходились все дороги Малой Азии.

²¹¹ портшез (*фр.*) — легкое переносное кресло.

²¹² повозка (*фр.*)

но быть вроде *article le* или *la*. *Bir* значит *один*. *Bir* — 1. *Ики* — 2. *Уч* — 3. Всем этим познаниям я научилась в *Guide de l'Orient*.

С любопытством опять видим заведения циркулень, которых видна вся внутренность, как и кофейн, где посетители курят кальян, сидя с поджатыми ногами, и играют в шахматы с глубоко-мысленным видом, как и все, впрочем, игроки. Много различных костюмов, но вообще чувствуется мало поэзии. Здесь так же пронзительно кричат на улицах: “*Stafila-a-a!*” Но Афины в сравнении с Константинополем совершенно мертвый, монотонный город, зато улицы чище и не видно там жалких нищих, ни бесчисленного множества голодных собак, из которых некоторые до того жалки и отвратительны, что невольно отворачиваешься! Завтракаем вдвоем и дожидаемся услужливого нашего Теодора, грека. Он вроде фактора²¹³, и говорит порядочно по-русски, к нашему счастью.

Когда спадает немного жара, отправляемся с ним в *Bellevue*. Там находим жалкий *café restaurant*. Против нас, на противоположном азиатском берегу, Скутари. Налево от возвышенного места, где мы стоим, внизу у самого берега моря, сераль султана и его гарем — прелестное строение с тонкими резными украшениями, как кружева. Этот сераль назван Дольма-Бахче²¹⁴. Бахче — значит сад. Дольма — некоторого известного рода пирожки, любимые турками. Напротив, на берегу Скутари, другой сераль, совершенно разного стиля, легкий и стройный. Присутствуем при великолепном зрелище захождения солнца. Скутари в это время представляет волшебную картину, как весьма справедливо говорит *Guide de l'Orient*. Отражения и отблески красных лучей заходящего солнца в стекла окон всех строений, разбросанных на возвышении в Скутари, выступают подобно ярким красным огням на черном фоне кипарисов и походят

²¹³ фактор (*устар.*) — посредник

²¹⁴ Долмабахче (тур. *насыпной сад*) — дворец османских султанов на европейской стороне Босфора в Стамбуле, строился в 1842–1853 гг. для султана Абдул-Меджида I.

на фантастическую иллюминацию, которая постепенно зажигается по всему пространству города и потом потихоньку угасает. Это было так хорошо, что я бы желала вернуть солнышко назад, тем более что неизвестно, вернемся ли мы сами и увидим ли еще раз что-нибудь подобное.

Подле café restaurant на склоне горы большие казармы; мы подошли к ним, чтоб поближе посмотреть на сераль, но вокруг нас понемногу стали собираться турки-солдаты в своих красных фесках и, несмотря на присутствие нашего проводника, на нас обеих стал находить страх какой-то, и мы удалились. Вообще у турок неприятные, жесткие физиономии, мало внушающие симпатии.

В 7 часов обед. Мы одни за столом. Обед очень вкусный и порядочно сервирован. Весь вечер сидят гости, из коих два очень порядочных молодых людей, болгар.

27 августа. Воскресенье. Константинополь.

Очень интересное путешествие по Константинополю. Нанимаем две коляски на целый день, чтоб ехать кругом города и осмотреть все, что есть интересного.²¹⁵ Соня, один из молодых болгар (Косяков) и я — в одной коляске. М.П. с Добротворским и другим молодым болгарским доктором (Каракановским²¹⁶) — в другой. Мы должны прежде всего ехать к обедне в болгарскую церковь²¹⁷, которая находится по ту сторону Золотого Рога

²¹⁵ В рукописный путевой дневник В.И. Пельской вложена литография (л. 57) с изображением храма св. Софии в Константинополе с подписью: «Северный вид Софийской церкви в Константинополе. Лит[ография] Шелковникова в Москве».

²¹⁶ Каракановский Василий Константинович — доктор российского посольства в Константинополе.

²¹⁷ Болгарская церковь — православный храм в честь первомученика Стефана, принадлежавший болгарской общине и находившийся в юрисдикции Константинопольского Патриархата. Церковь располагалась на берегу Золотого Рога и была полностью изготовлена из чугуна. В 1849 г. на нужды болгарской общины в Константинополе молдавским фанариотом болгарского

(La Côte d'Or) в квартале, собственно называемом Константинополь (наш — называется Пера). Не застав уже обедни, заходим в гости к болгарскому епископу (или архимандриту). Его покои чрезвычайно просты; гостиная, в которой он принимает, очень невелика и окаймлена турецким диваном. После взаимных приветствий он вдруг самым неожиданным образом (для нас с Соней) вскакивает на диван во весь свой маленький рост и, проворно поджав ножки, садится лепешкой по-турецки! Этот маневр поражает с непривычки, и особенно показался мне странным и неприличным его сану (хотя в сущности неприличного ничего нет). Прочие садятся просто, по-нашему, вдоль дивана. М.П. везде принимают как важного человека, с большим почтением; его холодный вид и глубокое молчание, по-видимому, внушают к его особе еще более уважения. Беседа нейдет, как ни стараются молодые люди. М.П., глубокомысленно помолчав и послушав с $\frac{1}{4}$ часа, которые мне показались целым часом, встает, и у меня сваливается гора с плеч. Едем далее. Осматриваем огромный водоем (la grande citerne²¹⁸), замечательный своей конструкцией и огромностью. В древние времена это водохранилище поило целый Константинополь круглый год. Молодой болгарин ведет нас в дом своей сестры, хорошенькой молоденькой женщины лет семнадцати-восемнадцати, недавно вышедшей замуж. Знакомимся немножко с болгарским бытом. Удобный хорошенький домик в восточном вкусе, из которого любуемся прекрасным видом со всех сторон на море и на Константинополь. Прекрасная гробница Султана Махмуда²¹⁹, в которую не иначе впускают нас,

происхождения, князем Стефаном Богориди было пожертвовано для церкви деревянное здание между площадями Фанар и Балат, недалеко от резиденции Вселенского Патриарха, была освящена 9 октября 1849 г. и стала одним из очагов болгарского национального возрождения.

²¹⁸ большая цистерна (*фр.*).

²¹⁹ Мавзолей Махмуда II — последняя семейная усыпальница османских султанов, построенная в 1840 г. османскими архитекторами-армянами Богосом и Оганесом Дадянами по приказу султана Абдул-Меджида I, сына Махмуда II.

как надев нам на ноги пресмешные красные туфли. Оттуда ведут нас к какой-то знаменитой маленькой греческой церкви или часовне²²⁰, внутри которой находится источник, чтимый всеми христианами и мусульманами. К этому источнику относится какая-то баснословная легенда о жареных рыбках, которые со сковородки прыгнули в этот источник и которые должны когда-то опять явиться. Это появление ждут магометане как сигнал чего-то.²²¹

Часовня эта называется Живоносным источником. Близ этого места я сделала находку, которая считается почти везде большим благополучием: нашла подковку с маленького копытца ослика. До сих пор никакого особенного благополучия она мне не приносит — опасаясь, что ожидание мое равняется ожиданию магометан, которые до сих пор не дождутся возвращения

²²⁰ Церковь Пресвятой Богородицы Марии, построенная в V в. над священным целебным Влахернским источником, наполненным, по легенде, слезами Богородицы; в 1867 г. возле источника была построена маленькая греческая часовня.

²²¹ На полях л. 57 об. приписка автора на фр. яз.: «Краткая выписка из Guide de l'Orient: "Monastere de Balouklu où l'on montre, dans une chapelle souterraine, le bassin qui contient les poissons miraculeux de la légend grecque suivante. Pendt l'assau suprême de Constantinople on vint annoncer le triomphe des Turcs a un moine occupé a faire frire des poissons, qui témoigna son incrédulité disant: 'je croirais plutôt que ces poissons vont réssusciter — sortir de ce poele et nager'; prodige qui eut lieu en effet. La descendance de ces poissons miraculeux frétille dans la citerne du monastère de Balouklu. Ils rouges d'un cote et bruns de l'autre en mémoire du tour de poêle qu'avaient supporté les aïeux à moitié cuits (Extrait du récit de Théophil Gautier)» [Монастырь Балуклу, где в подземной часовне показывают бассейн с плавающими в нем чудесными рыбками из следующей греческой легенды. Во время решающего штурма Константинополя пришли сообщить о триумфе турок монаху, жарившему рыбу, который выразил свое недоверие, говоря: «Я бы скорее поверил, что эти рыбы воскреснут, спрыгнут с этой сковороды, и поплывут», — и это чудо действительно произошло. Потомки этих чудо-рыб плещутся в цистерне монастыря Балуклу. Они красные с одной стороны и коричневые с другой — в память о том, что их предки успели поджариться только с одной стороны (Отрывок из описания Теофиля Готье)]. (См.: [Itinéraire descriptif, pp. 381–382].

жареных рыбок, которые со сковороды спрыгнули и исчезли в источнике.

Здесь отдыхаем немного под сенью больших деревьев, близ расположившихся в этих местах кафедржи. Здесь в первый раз Соня решает попробовать турецкий кофе. Я же предпочитаю фиги, которыми потчуют нас молодые люди, и морю червячка сухариками, которыми запаслась на всякий случай, — поелику путь предстоит велик, а фрюштюка²²² не предвидится. Наконец подъезжаем к знаменитой Софийской мечети²²³. Вся компания принуждена снять обувь и оставаться в чулках, весьма неприятное положение для тех, у кого, как, например, у моей почтенной особы, является наружу махонькая дырочка на кончике носка! Но я утешаю себя мыслью: “*en voyage comme en voyage*”²²⁴, и стараюсь делать самые маленькие шаги, дабы дырочка не выглядывала нескромным образом из-под юбки. Притом осматриваемое нами здание до того интересно, что некогда думать о другом. Мечеть, бывшая некогда христианского нашего закона церковью, поражает своей огромностью и красотой, несмотря на неправильность, которую ввели глупые турки с намерением, и исказили все, насколько могли, для того только будто бы (как толковали нам), чтобы доказать, т. е. заставить думать, что христиане не знают толку в архитектуре. (Говорят, что они внутренне чрезвычайно самолюбивы, и жестоко страдают завистью и ревностью, чувствуя, как далеко они во всем отстали от христиан.)

²²² завтрак (нем. Frühstück)

²²³ Собор Святой Софии Премудрости Божией — бывший патриарший православный собор, находящийся в историческом центре Константинополя, является всемирно известным памятником зодчества, символом «золотого века» Византии. На правом поле л. 58 приписка рукой В.И. Пельской: «Соруженная Константином <в> 325 г. не Св. Софии, как можно было бы полагать, — Премудрости Божьей (Sophia). Сожжена в 404 и вторично в 532. Перестроена Юстинианом, самым великолепным образом»]

²²⁴ в путешествии как в путешествии (*фр.*); ср.: “à la guerre comme à la guerre” — на войне как на войне.

Под куполом, разделенном арками, видны четыре огромного размера шестокрылатых херувима из мозаики, как и весь купол. Вместо лиц магометане вlepили звезды. Во многих местах еще виднеются слегка изображения икон, как бы тщательно они ни были замазаны. Везде, где были высечены в мраморе изображения креста, магометане постарались справа и слева уничтожить перекладины, которые составляют крест, так что везде, где были кресты, оставлены одни только вертикальные линии. Всюду заметны внимательному взору остатки христианства. В некоторых углах стоят магометане на молитве и качают корпусами наподобие жидов. Султану сделано особенное место для молитвы в виде павильона, решетчатого и позолоченного. С купола часто падают камушки мозаики, составленные большей частью из стеклушек, так что посетители всегда уносят с собой что-нибудь на память.

Последнее, что мы видели, по-моему, венец всего восточного. Взошедши наверх высочайшей башни, называемой «tour de Galata»²²⁵, мы очутились в довольно просторной круглой комнате, кругом которой ряд окошек числом, по крайней мере, с 10. Оттуда любовались мы долго на великолепную панораму всего Константинополя со всеми окрестностями, Золотым Рогом, Босфором, Скутари и пр. Лучшей панорамы я в жизни не видала и, вероятно, уже не увижу. Несмотря на голод и ужасное утомление, которые не я одна чувствовала, с трудом расстались мы с этой картиной. Когда случалось мне любоваться литографическими видами Константинополя, думала ли я, что я некогда буду стоять над настоящим Константинополем на такой вышине и любоваться им *à vol d'oiseau*²²⁶. Константинополь имеет с Москвою то сходство, что оба города хороши издали или с высоты, с тою разницею, что наша Белокаменная внутри все-таки почище, и что Константинополь так живописно расположен

²²⁵ Галатская башня — один из символов города, расположена в европейской его части, на высоком холме района Галаты (высота 67 м, диаметр 9 м).

²²⁶ с птичьего полета (*фр.*).

на берегу моря, которое пересекает его в разные направления несколькими рукавами или заливам.

Видели еще многое, но, признаюсь, что многое вылетело из памяти. Ничто не может сравниться с пыткой ехать в ужасно тряском экипаже по ужаснейшей константинопольской мостовой. Не понимаю, как выдержала Соня, тогда как у меня решительно разболелась грудь! Самая приятная прогулка для меня была вокруг стен города. Стены полуразваленные, представляют собой самые живописные картины, тем более что они обросли зеленью, и вокруг них растут великолепные деревья, так что все это представляет как бы длинейший ряд на несколько верст самых великолепных руин. Я не могла наглядеться и налюбоваться. Мне только было досадно, что я любовалась одна, потому что Соня, считая долгом занимать разговорами молодого болгарина, мало смотрела на эти прелестные места, каких нигде более не встречали! Сквернейшие константинопольские улицы чрезвычайно интересны своей оригинальностью во многих отношениях. Одна из оригинальностей состоит в том, что почти на каждом шагу встречаются маленькие кладбища между домами. Магометане, по-видимому, любят иметь своих усопших поближе к себе и любят, чтобы хоронили их самих около своих жилищ. Самое малое пространство, в 2,3 аршин между домами, когда оно где случается, всегда и везде занимается могилами самыми тесными.

По мере того как мы проезжали в тесных лабиринтах, мимо зданий, всюду в окнах являлись молодые женские, по большей части хорошенькие, личики, которые изображали сильное любопытство. Должно быть, появление двух колясок, заполненных европейцами, великое событие в этих грязных, тесных, искривленных улицах. Турецкие дома отличаются от прочих (греческих, армянских и европейских своими решетчатыми окошками (moucharabies)²²⁷. Решетки эти чрезвычайно мелки, дабы отнюдь

²²⁷ мушараби — архитектурный арабский элемент в виде узорной решетки на балконах и окнах, а также ширмы или перегородки в интерьере.

не различать и не примечать женских лиц, что считается для женщины-магометанки позором. Иногда замечала я нечто вроде тени за решетками, и то весьма редко. Странная скромность турчанок, которая предписывает им прятать свои лица от мужчин, но не голую грудь. Ибо часто мы видели этих дам, кормящих грудью своих малюток, близ кофейни и на улицах, сидя на самом видном проходном месте, где снует всякий народ мимо них. Все они покрыты тонким вуалем, все молоды и хороши, но тип так однообразен, что скоро приглядываешься к ним.

28 августа. Понедельник. Константинополь.

Поездка весьма приятная и интересная по Босфору в Буюк-Дере²²⁸, где живет летом русский посланник (Игнатъев)²²⁹. Обедня в русской церкви. Мы плывем в маленьком пароходе мимо многих летних резиденций всевозможных посланников. У каждого из них чудный живописный дворец, окруженный прелестным садом на самом берегу Босфора. Но дворцы султана великолепнее всего. Они все из белого мрамора, с золотой резбой, очень мелкой, и разными украшениями, с большим вкусом (кажется, итальянской работы). Особенно хороши ворота и решетки, по большей части позолоченные.

Чай и завтрак у архимандрита Леонида²³⁰ — приятной наружности и очень умного человека. Прогулка с ним к замечательным по своей толщине деревьям (platanes — по-русски

²²⁸ Буюкдере — местечко на европейском берегу Босфора, вблизи выхода в Черное море, любимое место летнего отдыха дипломатического корпуса европейских государств в Константинополе, где, в числе других, находился летний дом русского посольства. На поле л. 60 путевого дневника примечание В.И. Пельской: “Bouyouk-Dere, grande Valee” [Буюкдере — большая долина] (*фр.*).

²²⁹ Игнатъев Николай Павлович (1832–1908), граф — русский посол в Константинополе в 1864–1877 гг., позднее министр внутренних дел (1881–1882).

²³⁰ Леонид (Кавелин; 1822–1891) — архимандрит, историк, археограф, библиограф, переводчик, почетный член ИППО; в 1865–1869 гг. — настоятель русской посольской церкви свт. Николая Чудотворца в Константинополе.

явор — *чинар*, гласит лексикон Райфа). Два из них, сросшись вместе, составляют нечто гигантское по объему. Сохранилось предание будто бы эти деревья были посажены во время Крестовых походов Готфридом Бульонским²³¹ (Godefroi de Bouillon). После того Леонид ведет нас в армянский Публичный сад, очень порядочный, и в котором множество прекрасных цветов с предписанием: «Глазками смотреть, а ручками не трогать», — как говаривала няня маленькой Соне П[огодиной]. Умалчиваю о том, как подействовало на меня такое предписание... Несчастливая страсть!

29 август. Вторник. Константинополь.

В этот день самый необыкновенный случай сводит меня с отцом Дорофеем, бывшим нашим Иванушкой. Я чувствую неописанную радость при свидании с ним. Он постарел, но сохранил свое кроткое, ясное выражение глаз. Этому свиданию я обязана Ивану Михайловичу Добротворскому, который, взявшись хлопотать по нашим паспортам, встретил в этой конторе Иванушку, который, услышав мое имя, подошел к нему и, расспросив, удостоверился, что Пельская действительно его знакомая. Вид его заставил меня воротиться за много лет назад и живо напомнил мне милого ангела Модеста и все тогдашнее время. Было и грустно, и приятно, но более грустно.

29 августа. Вторник. Константинополь.

Бессонница и нездоровье — завтра садимся на пароход и будем плыть до Яффы целых 11 дней, что меня заранее всегда ужасает. Я помирилась с морем, но не преодолела свою ненависть к пароходам.

²³¹ Готфрид IV Бульонский (ок. 1060–1100) — граф Бульонский (1076–1096), один из предводителей первого крестового похода 1096–1099 на Восток, после захвата Иерусалима был провозглашен правителем Иерусалимского королевства (с 1099), вместо королевского титула принял титул барона и «Защитника Гроба Господня».

Визит отца Дорофея, за которого я опасаюсь Михаила Петровича, который, не знаю почему, предубежден против него. Но, благодаря его скромному виду и простому, нехитрому разговору, все обходится благополучно, и он приглашает его сесть с нами за стол.

Завтра проводит нас на пароход.

30 августа. Среда. 1 день на море. Пароход «Дон»

В 5 часов садимся на русский пароход «Дон»²³². Я совершенно разнемогаюсь. Несколько лиц провожают Погодина. Наш Иванушка (мне все хочется так звать его по старой памяти) остается с нами до последней минуты и, благословив нас на путь, садится в лодку и удаляется от нас. Я смотрю и стараюсь различить его черную рясу, насколько позволяют глаза и яркое солнце, отражающееся так великолепно в волнах.

Вероятно, я видела в последний раз светлое лицо нашего Иванушки. Подобные случаи два раза не случаются в жизни. Он таким ясным взором смотрит на жизнь, что, повидавшись с ним, яснее чувствуешь, что «едино есть на потребу и что блажен, кто избрал благу часть»²³³.

Проводив глазами отца Дорофея, иду в свою каюту, из которой уже не в состоянии более выйти. Тоска смертельная. Боли прекратились, но остается волнение, которое для меня хуже всего.

У нас с Соней каюта на шестерых. Нам просторно и удобно, пока еще не прибавляется пассажиров, чего можно ожидать в Смирне, куда мы пристанем ночью. Качка.

²³² В феврале 1857 г. Русское общество пароходства и торговли приобрело английский товарный винтовой пароход “Collingwood”, построенный в 1857 г. на судовой верфи “T & W. Smith” в Ньюкасле; судно было переименовано в «Дон» и приписано к порту Одесса.

²³³ Лк. 10: 38-42.

31 авг. Четверг. На море. Пароход «Дон». 2-й день.

Я совсем больна, но не морской болезнью. Море спокойно, погода прекрасна, но я не способна им пользоваться.

1 сентября. Пятница. На море. Пароход «Дон». Смирна. 3-й день.

Мой Владимир незабвенный и моя вечно добрая и снисходительная ко мне Мария Дмитриевна часто предстают моему воображению. Сегодня 12 лет, как я лишилась моего Владимира. Долго ли еще судил мне Господь переживать его? За все благодарение и слава Ему.

Пристаем к Смирне ночью. Просыпаюсь с болью, которая усиливается при малейшем движении. Я начинаю опасаться воспаления, но добрая ложка рицинского масла²³⁴ (ибо на каждом пароходе бывает аптека) облегчает меня, однако Соня так напугана моим положением, что просит послать в Смирну за доктором. Я должна повиноваться и принять его, совершенно более ненужный визит. На нашем пароходе есть и доктор, но если можно судить по наружности, он нисколько не может внушить доверия. Бедная Соня отказывает себе в удовольствии ехать с прочими в Смирну и совершенно напрасно обрекает себя на роль сиделки, тогда как я уверена, что мне гораздо лучше, и что наша горничная Marie для меня все сделает, если что нужно.

Все уезжают, и пароход остался совсем пуст, и мы на нем почти одни с Соней. Пароход должен стоять почти сутки.

Показывается к вечеру величественная луна из-за гор, окружающих Смирну, и отражение ее в море представляет обыкновенную, но вечно живую картину. В Смирне всюду возжигаются огоньки, на берегу моря из кофейни долетают до нас звуки музыки, но несносный беспрестанный шум и сумятица, происходившие обыкновенно на пароходах, мешают вслушаться в эти отдаленные звуки. М.П. и Иван Михайлович возвращаются в восхищении от Смирны и от поездки за город, что заставляет

²³⁴ касторовое масло.

меня еще более досадовать за самоотвержение великодушной моей Сони, тем более что я чувствую себя все лучше.

2 сент. Суббота. На море. У Смирны. 4-й день плавания.

Я утешена, ибо Соня поедет в Смирну и возвращается оттуда поздно в восхищении от всего, что она видела. Оттуда же является старинный знакомый М.П. грек Ангелопуло, редкое явление, как называет его Соня, по любви к русским. Всех детей своих он назвал именами наших великих князей. У него добродушное лицо, которое мне нравится.

Являются к нам спутницы, но, слава Богу, ненадолго, только до Хиоса (7 часов вечера). Как только отчаливаем, начинается качка и делается все более чувствительна. Все спутницы (три дамы) заболевают крепко.

Хиос в 7 часов вечера.

Издали город кажется очень порядочным. Шум, гам, крик гондолиэров; как обыкновенно. Я лежу враспяжку, чтоб не дойти до Фридерика²³⁵. Ночью делается страшная качка, какой еще не бывало. Некоторые вещи летят на пол, между прочим — стул с моим дорожным мешком. Соня зажигает свечку, и ставим ее на пол, чтоб осмотреть, что такое приключилось. Я встаю с койки, чтоб поднять стул, но качание до того сильное, что я лечу стремглав через стул с расprostертыми руками, причем на Соню и на свечку, но имею довольно сил и присутствия духа, чтоб сделать последнее усилие и своротить в сторону; падаю на колена, ударяясь довольно сильно грудью об доску соседней пустой койки и осадив себе колено до крови. Боль скоро проходит, и, несмотря на страх такой сильной качки, после того как я с трудом добралась до своей койки и улеглась, нельзя было не посмеяться от души моей кувырколегии (Теодорово словечко).

²³⁵ чтобы не стошнило (ср.: Friederich herauss)

Качка продолжается целую ночь и утихает только на следующее утро.

3 сентября. Воскресенье. На море. Пароход «Дон». Родос. 5-й день.

Чудное утро! Чудесное море! Во 2-м часу видим какой-то город Кос, издали кажущийся очень красивым. Каждый дом отдельно стоит, весь беленький, окруженный садами. К вечеру подъезжаем к Родосу и стоим на месте целую ночь.

4 сентября. Понедельник. На море. Против Родоса. 6-й день.

Проснувшись и взглянув в окошко, я с удивлением вижу, что Родос хоть рукой достать — так близко стоим от него. Старый-престарый город, который считают допотопным. Он живописно рисуется перед нашим пароходом.

Отправляемся осматривать город, так как с нами капитан с женой. Я решаюсь ехать с прочими, зная, что с ними можно будет останавливаться, чтоб вздохнуть. Родос, кроме улиц, где базары, совершенно пуст, как будто в нем люди вымерли. La Rue des Chevaliers²³⁶ очень замечательна своими гербами над каждым домом и воротами, сохранившимися совершенно целыми с XV века. Совершенно пустая мертвая улица, хотя в ней преимущественно живут турки. Мостовая составлена из мозаики, совершенно круглых седых, черных и белых камушков; очень красиво, но немножко бестолково, потому что ужасно больно по ней ходить, так как они не вбиты и не сглажены.

Странно, что никто не может наверное нам указать то место, где издревле стояло одно из семи чудес мира — известный Колосс Родосский. Указано было одно место, где, полагают, он родился, по всем вероятностям. Место, где лодки причаливают, похоже на пролив, по множеству раздробленных скал, которые

²³⁶ Улица Рыцарей — находится в Старом городе на Родосе; была создана во времена правления рыцарей Ордена св. Иоанна, на ней до сих пор сохранились средневековые здания, она вымощена морской галькой.

составляют нечто вроде маленьких островов, на одном из них стоял будто бы одной ногой этот Колосс, а другой ногой упирался на другую скалу, которая примыкает к городу. Судя по расстоянию, не удивительно, если между ног его могли проходить судна. Помнится, что я читала, что он был низвергнут в море от сильного землетрясения, и что глупые турки продали его по кускам, кажется, англичанам за...²³⁷

Тотчас по возвращении с Родоса капитан велит сниматься с якоря. Видим в первый раз летучих рыбок, они величиной с пескарей, и прелюбопытно видеть эти стаи серебристых рыбок, штук от десяти-пятнадцати, летящих все к одному направлению, как стая воробьев, на расстоянии нескольких сажень и потом, своротивши всегда в сторону, скрывающихся все в одно мгновение в волны. Летят они не слишком высоко — аршина на два, не более. Каких чудес ни видишь на море!

Начинается опять несносная качка, и я опять должна лечь из одной боязни морской болезни. Вечер прекрасен. Часу в седьмом проезжаем мимо Мира Ликийского²³⁸, где жил святой Николай Чудотворец. Внутренне творю молитву покровителю нашего Отечества. «Ничего не осталось от этого города, кроме одной небольшой развалины», — говорит капитан. Да и ту не успела я хорошенько рассмотреть в бинокль, так скоро мы проехали.

5 сентября. Вторник. На море. Пароход «Дон». 7-й день.

Обещают, что мы будем в Яффе в воскресенье. Еще 6 дней плыть! Как бы море ни было красиво, а тоска одолевает на этой непривычной стихии. Чудесный, хоть и жаркий день. Капитан (Ризниченко) приятный человек, жена его (Ольга Ильинична), красавица, премилая женщина, простая, без всяких претензий. Красавица четырехлетняя дочка их Саша служит всем развле-

²³⁷ В рукописи многоточие и карандашом поставлен в скобках знак вопроса.

²³⁸ Мира, Миры Ликийские — древний средиземноморский город на юге Малой Азии, где протекало священное служение архиепископа, святителя и Чудотворца Николая.

чением, со всеми знакомится и всех забавляет. Особенно привязалась к тете Соне и бегает всюду за ней. Вечер чудный, капитан рассказывает о разных морских чудесах, о миражах, которые я так жажду видеть где-нибудь и которые особенно часто показываются близ Александретты²³⁹; о метеорах и тифонах²⁴⁰ (*trombes marines*²⁴¹). Время незаметно проходит в этих рассказах, все бы слушала. Но на море я делаюсь особенно дика и боюсь ветра, и дичусь всех, и все хочется забиться в уголок, найти такой уголок, где бы меня никто не нашел, но на пароходах все на юру, как говорится, и такого уголка нигде нема.

6 сентября. Среда на море. В виду Мерсины. 8-й день.

Проснувшись рано и выглянув в окошко, вижу город Мерсину и картину в азиатском вкусе. Вокруг этого города, который очень невелик, тянутся несколько рядов (*des caravans*²⁴²) верблюдов, идущих тихо и плавно один за другим — и кто же ими руководит? Миньятюрный ослик!

Эти ослики кажутся маленькими собачками в сравнении с огромными верблюдами. Вероятно, на ослах сидят люди, но издали не разберешь, видны только длинные ряды, которые чуть-чуть двигаются, но можно разобрать верблюдов по их длинным шеям, что издали придает им сходство со страусами. Должно быть, их дрессируют и приучают их идти за осликами, потому что видно, как весь ряд сворачивает иногда и идет назад. Доброе это животное, про которое много раз читала, внушает мне к себе не менее уважения, как и лошадь, по удивительной смысленности и особенно терпеливости умирительной!

Мерсина — город, не представляющий ничего интересного, и мы не намерены его осмотреть. Якорь снимают в 12-м часу.

²³⁹ Александретта (ныне Искендеруне) — портовый город на берегу Аданского залива.

²⁴⁰ тифон (*устар.*) — тайфун, смерч

²⁴¹ водяные смерчи (*фр.*)

²⁴² караваны (*фр.*)

«Пора тебе спать идти!» — говорит капитан своей малютке Саше. — «А ты, папаша, когда пойдешь?» — «Когда будем сыматься (т. е. quand on levèra l'ancre²⁴³)» — «Ну и я тогда сымусь», — говорит милая крошка. Вероятно, она разумела под словом *сыматься* — «раздеваться».

У нас новая спутница — старая гречанка, с грудью, покрытой чем-то вроде газовой modestie²⁴⁴, не совсем скромною. Она заговаривает с нами, но так как она умеет сказать только одно понятное слово madame, а мои познания в греческом недалеко простираются, то нам познакомиться трудно. Вскоре она, бедная, в изнеможении от Фридриха, что заставляет Соню переправиться на ночь в другую пустую каюту.

7 сентября. Четверг. На море. В виду Александретты. 9-й день.

В ночь останавливаемся в виду Александретты (Alexandrette). Проснувшись рано поутру и выглянув в окошко, я вижу чудесные горы, увенчанные облаками. Из-за них всходит лучезарное солнце и придает им волшебное ощущение. Город Александретта, расположенный у подошвы гор, состоит всего на все из 15–20 домиков. Говорят, что в высоких горах живут разбойники кругом этого города. Не совсем приятное соседство для жителей. Здесь живет русский агент.

Перед завтраком садимся в лодку с женой капитана и ее милой малюткой Сашей, Соней и нашей горничной Maria, русской, замужем за итальянцем и выучившейся всем языкам. Едем купаться в море в палатке агента. В первый раз жизни купаюсь в море, которое на этот раз спокойно и гладко, как зеркало. Я не большая охотница до купанья, и мне стоит много труда решиться войти в холодную морскую струю, которая всем прочим доставляет так много наслаждения, особенно малютке, которую купает Marie, держа ее на руках, и ловит ей рыбок. Насладившись морским купаньем, надо идти с визитом к агенту, кото-

²⁴³ когда поднимем якорь (фр.)

²⁴⁴ легкая накидка на плечи (от фр. modestie — скромность, стыдливость)

рый живет в этом городке, как ссыльный, со своей молоденькой хорошенькой женой-француженкой и смертельно скучают. Она нам показывает хорошенькие преоригинальные разные работы, которые она выдумывает от скуки, как то: корзины и столики из камыша или прутьев, украшенные еловыми шишками, круглый ящик из вылущенной тыквы, убранный кожаными цветами. Коллекция разнообразных прекрасных раковин привлекает особенно мое внимание. Рассказ ее мужа о ночном нападении разбойников, в отсутствии его жены, которая в это время, к счастью, уехала в Смирну, и как он один одолевает нескольких таких молодцов и отделяется от них несколькими выстрелами, потому что они трусливы, хотя и разбойники, и боятся огнестрельных оружий. Не могу понять, как можно согласиться на жизнь в этих местах образованным людям, каким кажется особенно сам муж. Кроме таких приятностей, здесь по несколько раз одолевали их местные лихорадки. Вероятно, за такую приятную жизнь платят хорошие деньги, но мне кажется надобно весьма нуждаться в них, чтоб согласиться на такую каторгу.

После нашего морского купания жар для нас еще чувствительнее. Цвет здешнего неба весьма прекрасного цвета, но не голубого, а *vert de gris*²⁴⁵.

8 сентября. Пятница. На море в виду Латакии²⁴⁶. Тир²⁴⁷ и Сидон²⁴⁸. Триполи. 10-й день.

Бросают якорь, стоим несколько часов против Латакии (Laosonie). Нет сравнения между этим городом и Александреттой. Горы не так красивы, но зато здесь прекрасная растительность в изобилии. Город, по-видимому, довольно пространный и веселого вида.

²⁴⁵ зелено-серого оттенка (*фр.*)

²⁴⁶ Латакия — город-порт на побережье Средиземного моря.

²⁴⁷ Тир (ныне Сур) — древний город на юге Ливана.

²⁴⁸ Сидон (ныне Сайда) — древний город в Ливане на побережье Средиземного моря.

Тир и Сидон представляются в виде груды камней. Невольно вспоминается латинская известная поговорка: “Sic transit gloria mundi!”²⁴⁹

Триполи (Tripoli), имя которого означает три города. Я вижу только две части отдельные, третью не могу рассмотреть.

В ночи сильная качка. Мне беспрестанно кажется, что меня выбросит из койки, но я не ощущаю страха, а, напротив, какое-то приятное чувство. Но лишь хочу приподняться — голова кружится. Соня моя трусит. М.П. также, и является несколько раз в нашу каюту, держась обеими руками, чтобы не упасть, и советует нам молиться Богу.

Я лежу в совершенной апатии, не помышляя об опасности, ни даже о молитве — такое странное расположение духа нашло на меня. Мария убирает в каюте все, что может разбиться, а мне все думается: «Что это в сравнении с настоящей бурей!» — точно как будто я уже ее испытала когда-нибудь; и, странно сказать, мне внутренне как бы хотелось испытать действительную бурю.

Но Бог милует, хотя сильнейшее качанье это продолжается всю ночь.

9 сентября. Суббота. На море. Бейрут. 11-й день.

К утру что-то ломается в нашем пароходе и требует поправки, но, должно быть, случай незначительный, ибо капитан спокоен. Качка все еще продолжается довольно сильная, к вечеру все более и более усиливается. Бейрут в виду, но пристать к берегу в лодке невозможно, потому что море сильно разбушевалось.

На борту у нас мертвец — бедный молоденький турок, рекрут, которого взяли на пароход уже больного. Другой какой-то пропал без вести — ночью, вероятно, бросился в море. Бедный люд, состоящий из всевозможных наций, как-то: русских богомолок и богомольцев, одной или двух полек, евреев, арабов, греков, турок — все это валяется как попало на палубе, как бессло-

²⁴⁹ Так проходит мирская слава. (лат.)

весные животные²⁵⁰. Не мудрено, что дневной жар (от которого там у нас нельзя прикрыться), ночная серость, теснота, духота, дурная пища, а может быть, и голод утомили бедняка!.. Все это взятое вместе, с несносным постоянным качанием и высоко поднимающимися волнами и бьющимися об борт, далеко не располагает к развеселению грустного настроения души. Мне вообще так нездоровится, и голова в таком ужасном состоянии, что я боюсь бреда.

Между тем мы видим иногда разнообразные преинтересные сцены, и никогда я не сожалела так, как в настоящее время, что я не живописец, чтобы набросать на бумагу преоригинальные картины. С нашей палубы, похожей на большую террасу или балкон, возвышающийся посреди парохода выше всего остального (кроме мачты, разумеется), с двух сторон над морем; а с двух остальных мы видим под собой на обоих концах экипажа все, что делается внизу под нашей палубой. Видим, как наши русские бабули стряпают себе скудный свой обед, состоящий из сухарей и простой водицы (за неимением кваску, столь нужного для русских людей как почти черный хлеб). Налив водицы в большую деревянную чашку, крошат туда сухариков, которыми они запасаются обыкновенно вдоволь, несколькими пудами, так что капитан уверял, что в случае если бы мы сели где-нибудь на мель и должны бы были просидеть несколько недель, не имея возможности посылать за провизией, то старушки-богомолки прокормили бы сухарями весь экипаж, так как при каждой из них всегда находится по 5-ти – 6-ти пудов этого запаса. Наполнив чашку сухарями, приправляют этот незатейливый суп какой-то зеленцой, вероятно, лучком — лакомство, без которого русскому человеку не живется, как еврею без чесноку. Покончив свою стряпню в уголке, старушка несет обед и торжественно ставит его посреди кружка товаров своих, сидящих на полу, и начинается трапеза, разумеется, перекрестясь

²⁵⁰ К л. 68 рукописного путевого дневника В.И. Пельской прикреплен рисунок автора с изображением корабельной палубы (перо, чернила).

сперва. Как люблю я этот святой крест, который кладет на себя наш русский мужичок, без которого он никогда не съест ни кусочка черствого хлеба! Съевши же его, никогда наш мужичок не забудет благоговейно опять перекреститься. Какой урок для всех нас, пресыщенных разными вкусными сытными яствами...

Другая интересная, совершенно в другом роде сцена. Сидит араб в пестрой одежде, с чалмой на голове, молодец лет двадцати пяти, с преглупой апатичной физиономией. Держит нечто вроде балалайки, которая издает дребезжащий звук, состоящий из двух нот. Повторив одну ноту до двадцати раз, он переходит на другую, а сам припевает по-своему скороговоркой фразы, похожие на: *беле, меле, кана, мана*. Последний слог очень протяжно. После чего длинный интервал. Каждую фразу, вроде такой, он повторяет с наслаждением и тупой физиономией, по нескольку раз, глядя на своих людей, сидящих в тесном кружке около него и смотрящих прямо ему в глаза с большим вниманием, и при каждом новом стихе они радостным наклоном головы одобряют артиста; и артист, сидя и бряпча, подобно автомату, сонливо улыбаясь, посматривает вправо и влево и продолжая бесконечное дрын-дрын-дрын! Я спрашивала окружающих, могут ли они понять, что поет этот артист. Мне отвечали, что обыкновенно это бессмысленная импровизация, какая-нибудь галиматья. При этом капитан рассказал, что ему раз случилось провести вечер в арабском ли, греческом ли доме, не помню; для увеселения гостей был подобный импровизатор-поэт, который весь вечер повторял одну фразу или, пожалуй, куплет: «Я видел розу... Не сорвал и не понюхал!..» И многие, говорил он, чуть не плакали от умиления. — Я вспомнила тут же анекдот, рассказанный мне милым моим Алекс[андром?] Егор[овичем].

Но это еще не все: к дополнению этой сцены молодой грек, которого подстрекает музыка, встает и пускается в пляс в пространстве не более двух шагов, потому что все там помещены не лучше сельдей в бочонке. Каких и каких рас²⁵¹ не выделявает

²⁵¹ танцевальный шаг (*фр.*)

этот красивый молодец, особенно видя, что мы сверху смотрим все с любопытством. Смотря на него, и другой молодец пускается за ним и старается перещеголять, задирает ноги, выпячивает руки, так что страшно, чтоб не задел кого-нибудь из публики. Но пляску вдвоем трудно исполнять в таком тесном пространстве, неудобно выказать свою грацию, которой, видимо, они оба хотят пощеголять, не уступая друг другу.

Нельзя было без смеха смотреть на этих двух молодцов и на их артиста-музыканта. Это продолжалось, кажется, более часа. В продолжение чего святые старушки-богомолки, отворотившись спиной, чтобы не видеть, как бес потешается, негодовали на нехристей... Старичок читал все время псалтирь.

Еще картина. Молодая арабка, с совершенно открытой грудью (и лицом, потому что она из христиан), занималась чем-то, сидя против своего мужа, и маленький ребеночек ее, которому было, по-видимому, с лишком год, подползал по временам к матери и, когда чувствовал голод, брался сосать грудь матери. Она же нисколько не обращала на это внимания, походя в этом отношении на корову, более чем на разумное существо. Я бросила ей сверху крымское яблоко для ее мальчонки, к счастью, так метко, что не ушибла никого. Она подняла голову, подняла яблоко, даже не улыбнувшись на мою любезность, не испугавшись и немало не конфузясь своего *decolté* туалета.

10 сент. Воскресенье. Бейрут. 12 день.

Качка утихает ночью. Я просыпаюсь с кружением головы. Мне все кажется, как будто еще качает, я как пьяная. Мы как будто приблизились к Бейруту, который является нам во всей красе. Большой город, весь в садах, с несколькими очень красивыми строениями. Собираются в Бейрут, который меня очень интересует, но я чувствую такую слабость, что с трудом спускаюсь в лодку и, входя в нее, чуть не падаю, и совсем бы растянулась, если бы меня кто-то не поддержал мощной рукой. Едва тащусь за нашим обществом. Но, к счастью, заходим в бедную христианскую арабскую церковь. Какой-то мальчик подает мне

стул, и я отдыхаю немного, молясь сидя. Я замечаю, что арабские дети почти все, без исключения, красивы собой, с умными, привлекательными, короткими физиономиями.

Заходим к арабскому епископу в странное сквозное жилище, расписанное разными красками, немного в мавританском вкусе. Комната епископа пестрит арабскими рисунками или арабесками. Проходим через базар, который везде почти в одном роде: узкие улицы с навесом от жары, над одними только лавками, по большей части заполненными овощами и плодами.

По самому странному случаю М.П. встречает здесь старого знакомого, своего бывшего, кажется, ученика, араба ли, грека ли, не знаю — в высшем сословии их не различаю, так как все преимущественно носят греческую красную феску.

Этот добрый господин предлагает прогулку в экипаже. Таким образом, я сберегаю свои силы. Много труда стоит нам достать экипаж и сговориться ценой за прогулку по Дамасской дороге. Экипаж преоригинальный, вроде *char-a-bancs*²⁵², над которым возвышается что-то похожее на балдахин, вместо стекол — занавески из парусины, которые по воле можно задерживать или отдергивать, смотря с какой стороны печет солнце.

Наш возничий плут. Подвезши нас к какому-то кафеджи (кофейня), объявляет, что ехать далее ему воспрещено. Поспорив с ним с помощью толмача (нового, т. е. старого знакомого Погодина), мы принуждены ехать назад той же дорогой. Мимоездом видим лес из ливанских кедров, но малорослых. Жилища в совершенно восточном вкусе, с террасами наверху домов — вместо крыш. Богатая растительность: кактусы, финиковые пальмы и разные неизвестные кусты и деревья. Если бы не ужасная пыль, все покрывающая, то для нас были бы еще привлекательнее разные совершенно новые для нас растения; лимонные деревья, покрытые плодами, бананы, харубы²⁵³ и пр.

²⁵² коляска со скамейками (*фр.*) — шарабан, транспортное средство, появившееся во Франции в начале XIX в.

²⁵³ рожковое дерево.

Мне стало стыдно этой куклы, которую я, как дитя, рассматривала: так она мило сделана; но, прочитав надпись, не смела более взглянуть на нее, как будто на живое существо. Мне хотелось положить ей что-нибудь в ее красивый кошелек, но ложный стыд удержал меня подать прочим добрый пример, тем более что я не знала, можно ли дать милость, да и что бы сказал мне на это наш беспокойный М.П. Кукла эта преследовала и приковывала мой взгляд и так меня переконфузила, что я стала свободнее, когда мы вышли из этой гостиной, где мне казалось, что Соня никогда не кончит любезные и приветливые свои речи к настоятельнице.

Визит русскому консулу²⁵⁴ (вечер). У него прелестное жилище в восточном вкусе, богато и удобно убрано. Везде в стенах высоких комнат фигурные сквозные окошечки, которые пропускают отовсюду легкий приятный освежающий ветерок. Сам хозяин привлекательной наружности лет пятидесяти. По восточному обыкновению он предлагает всем своим гостям по ложке варенья (какого-то непостижимого моему вкусу, но очень вкусному) и стакан воды.

Когда мы садимся в лодку на обратный путь, погода стихла, море спокойно, нас качает очень мягко и приятно. Мы с Соней в восторге от Бейрута, который она находит еще лучше Смирны.

11 сент. Понедельник. Последний день на море. 13-й.

Просыпаемся против Каифы²⁵⁵. Издали между хребтами показывают нам круглую гору, которая скоро между ними исчезает от нашего взора. Это гора Фавор! Гора, где преобразился Господь! Не верится, что мы плывем по Святой Земле — и уже так близко от нее!

²⁵⁴ Бегер Александр Федорович (1823–1895) — российский дипломат, в 1861–1869 гг. генеральный консул в Бейруте, тайный советник.

²⁵⁵ Каифа (совр. Хайфа) — порт на восточном берегу Средиземного моря, рядом с горой Кармель.

Проезжаем мимо mont Carmel, прославленной пророком Ильей (Carme — *виноград*. Кармелиты, или братия без чулок)²⁵⁶. В Guide d'Orient сказано, что на Кармеле много орлов, и что гора покрыта прекрасными лесами. Я этого не замечала, впрочем, они плыли в довольно большом пространстве от нас.

Часу во втором монах-грек, который должен сопровождать нас, докладывает, что начинает виднеться Яффа. (До этого времени плыли мимо St. Jean d'Acre²⁵⁷, не помню, сколько часов до Яффы).

Яффа показывается нам в виде большой груды камней белых и старых, очень грустным городом со стороны моря. Но, возвращаясь и увидев его по ту сторону, он представляет совсем иной вид, и я очень удивилась открытию множества зелени и пальмовых садов. Заметки из Guide d'Orient: «Арабы называют его Яффа или Jaffa, а греки Иоппией. Этот город считается таким древним, что полагают, что он существовал еще до Потопа». Между прочим, выписываю из Guide d'Orient одно обстоятельство, не делающее чести великому Наполеону: “L'expédition française en Egypte lui a donné (à Jaffa) une triste célébrité. Le 6 Mars 1799 elle fut prise d'assaut par l'armée française et livrée au pillage. Par une de ces cruelles nécessités, que les rigueurs de la guerre excusent à peine, 4 000 soldats albanais prisonniers furent sacrifiés; on ne pouvait ni les laisser en arrière, ni les renvoyer en Egypte à travers le désert. Pour la première fois de sa vie, Bonaparte se montra cruel... L'armée executa cet ordre en frémissant... (Thiers)”²⁵⁸.

²⁵⁶ Кармелиты (лат. Carmelitae) — общее название католических нищенствующих монашеских орденов и конгрегаций, исторически связанных с традициями монастыря отшельников на горе Кармель, основанного в кон. XII – нач. XIII в. В XVI в. орден разделился на две ветви: «обутых», носивших сандалии зимой, летом ходивших босыми, и «босых», не носивших обувь совсем.

²⁵⁷ Сент-Жан д'Акр (Акко) — древний город на берегу Средиземного моря, севернее Каифы, который осаждали крестоносцы во время трех крестовых походов.

²⁵⁸ «Французская экспедиция в Египет принесла ей (Яффе) печальную известность. 6 марта 1799 года она была взята штурмом французской армией

В Иоппии св. Петру послано было известное его видение, описанное в Деяниях апостолов (10, 10). Исцеление Тавифы (9, 36) и прочие чудеса, были совершены им в этом городе.

Выгружаемся в 4 часа. С сожалением расстаемся с семейством капитана, с которым даже я, дикарка, почти сроднилась. Жаль милую крошку Сашу, которую я более не увижу, как и красавицу мать ее.

Близ Яффы море всегда беспокойно шумит и бурлит. Часто случается, что ждут несколько дней напрасно, чтобы выбрать удобную минуту, ибо волны тут до того сильны, что опасно причаливать на лодках.

С ужасом и соболезованием смотрела я, как бесцеремонно перебрасывали бедных богомольцев, точъ в точъ как баранов, которых перебрасывали столько раз при нас через борт на колыхающиеся лодки, с какой храброй терпимостью они все переносили!..

Наконец пришел и наш черед. Чтоб спуститься в лодку с сквозной железной лестницы, которая для этого спускается с борта, надо ловить минуту, когда волна подымает лодку кверху, — не то лодка идет книзу, по мере того как опускаешь в нее ногу, и как раз можно потерять равновесие, и хорошо еще, если упадешь на дно лодки, а не в море. — Все мы спустились, хотя с трудом, но благополучно. Мы плывем. Волны так и сияются поглотить нас. Лодка наша то быстро и глубоко опускается, то вдруг выступает на вершину высокой волны. На Соне лица нет. Погодин сидит ни жив ни мертв. Одни мы двое с Иваном Михайловичем бесстрашны. Хотела было оглянуться еще раз на наш пароход, посмотреть на семейство капитана, которое с борта следит за нами до тех пор, пока мы совершенно скрыва-

и отдана на разграбление. В результате одной из тех жестоких потребностей, которые едва ли оправданы тяготами войны, были принесены в жертву 4000 пленных албанских солдат; их нельзя было ни оставить позади, ни отправить обратно в Египет через пустыню. Впервые в жизни Бонапарт показал свою жестокость... Армия выполнила этот приказ с содроганием... (Тьер)».

емя из виду, но в ту самую минуту нашла прямо на меня волна и всю меня спрыснула; нет возможности сидеть иначе как смирненько.

²⁵⁹Проплыв таким образом между грозными волнами с $\frac{1}{4}$ часа, мы пристаем к Яффе, но не к самому берегу, потому что вода на этом месте мелка.

Начинается страшный спор между монахом (греком), который плыл с нами и нашими гребцами. Он не хочет платить — они не хотят выпускать его из лодки. Мы боимся, что дело дойдет до драки. М.П. просит Ивана Михайловича, знающего греческий язык, объяснить им, что заплатит и за монаха, только чтоб не было драки или истории. Они обращаются к нам с ласковой улыбкой, но на монаха озлоблены до крайности. Мы сидим и ждем, чем все это кончится. Нам нельзя достигнуть берега, иначе как предоставить себя арабам, которые, привыкшие к этой операции, ловко, по два человека зараз, поднимают нас, вроде того как носят маленьких детей, сделавши из четырех рук подобие кресла. Мы обхватываем шею несущих и таким образом достигаем берега, несомые бродом мощными руками чрезвычайно ловко и проворно. Не знаю, каким образом донесли упрямого монаха. Эта неприятная сцена оставила мне неприятное впечатление. Все они, не исключая монаха, похожи были на ярых разбойников. Все лица пылали такой яростью, что мне казалось, что монаха разорвут на клочки, но он один защищался против всех — поднялся такой ужасный шум, рев и крик, что я не помню, как меня подняли и потащили, и поставили на ноги на сухом месте так бережно, как сокровище какое. Но помню, что мне было внутренне смешно видеть, как несли передо мной таким же способом нашего Михаила Петровича. На берегу его

²⁵⁹ К л. 74 рукописного путевого дневника В.И. Пельской приложены две торцевые ксилографии с изображением Яффы и Кесарии с подписями: «Јорра», «Caesarea» на листе декоративной бумаги с конгревным тиснением известного издателя С. Адлера из Гамбурга. Рукой В.И. Пельской к первой подписи добавлено: «Jaffa. Яффа».

встречают агенты и разные люди, которые ведут нас на его квартиру отдохнуть. Но отдыхать нам дается немного времени, потому что нужно приготовиться в дорогу в 8 часов, когда спадет жар, и ехать на ослах всю ночь. Нам дают комнату с двумя кроватями, на которые нам некогда прилечь. Из нашей комнаты дверь открывается на нечто вроде террасы, которая составляет кровлю дома, как и везде в этой стране.

Я теперь только поняла то, что часто в Писании говорится о кровле дома; как, например, о св. Петре, который *«взошел на верх дома помолиться»*²⁶⁰. С этой террасы видно море, которое теперь уже спокойно, но нашего парохода не видать за поворотом.

Приставлена к нам миловидная служанка — женщина маронитка-христианка, с прекрасными черными глазами, всегда приветливо улыбающаяся. Я заметила на кисти ее руки какой-то узор в виде цветка. Это значит, что она была в Иерусалиме. Таков у них обычай: кто идет молиться ко Гробу Господню, тот подвергается добровольно операции татуировкой, большей частью на руках. Наша Melanie готовит нам очень порядочный обед и угощает арбузом.

В 9-м часу снимаем с Соней кринолины и наряжаемся в наш вполне шутовской наряд. После чего восседаем на жребяти-осле, на которого с непривычки я с трудом вскарабкалась, но сижу крепко и удобно. Нам дают конвой, провожатых, и сам агент хочет нас проводить до первой станции Рамли. Всех нас с провожатыми десять человек.

Я так устала, голова так кружится, что я заранее опасуюсь не выдержать этого путешествия. Однако свежесть ночного воздуха освежает меня и придает сил, и новость такого шествия возбуждает меня, и я чувствую необыкновенное наслаждение, несмотря на усталость. Мы выезжаем в темнейшую ночь и несколько минут пробираемся сквозь самые узкие переулки, похожие на коридоры, переступая через людей и верблюдов, которые

²⁶⁰ Деян. 10: 10.

лежат тут *pêle-mêle*²⁶¹ и которые обыкновенно таким образом проводят ночи. В этих переулках нам светят кое-как фонарем, чтоб не задавить кого-нибудь из них. Иногда приходится сходить вниз по ступенькам каких-то лестниц. Ослики (люди к тому привычные) сходят тихо и осторожно (хотя очень смело), как бы вполне сознавая, что на спинах их драгоценные ноши.

Вышедши на простор, на Божий свет, сказала бы я, если б не тьма кромешная, не темная ночь, — ехали иногда мимо садов и фонтанов, которые по случаю этой тьмы не могли рассмотреть, потом очутились в чистом поле, в пустыне, которая ночью казалась огромного пространства.

Чудное небо, все покрытое звездами, вой шакалов, слышный по временам издали; черные тени нашей кавалькады; наши молодцы-кавасы (проводники), из коих один, с огромной пикой, напоминал собой картинки, изображавшие арабов, скакавших на своих ретивых конях в своих особенных костюмах; глухой топот нашего ночного шествия, присутствие самих проводников, защитников наших в случае какого нападения, возбуждавшее нечто вроде маленького панического страха, — все это казалось каким-то необыкновенным фантастическим сном, не лишенным приятности. Кавасы наши ехали на своих лошадях вперед, показывая нам дорогу и служа нам арьергардом. Мой ретивый ослик спешил вперед за ними, оставляя назади остальную кавалькаду, и я чувствовала, как бывало в детстве, особенное наслаждение, несмотря на страх. Когда меня сначала одолевало нечто вроде страха, увидевши себя вдаль от всех, между арабами со своим вожатым (тоже арабом), который бежал за мной рысцой вместе с осликом. Хотя лица его впотьмах не могла разглядеть, но я скоро с ним познакомилась и полюбила не менее своего ослика, который так же с первой минуты возбудил во мне симпатию, так как я вообще охотница до всевозможных животных (кроме крыс!). Моего вожатого зовут Мустафа, который по-русски знает одно слово «корош». Это единственное понятное для него

²⁶¹ как попало, вперемешку (*фр.*).

слово. Мы изворачивали всевозможным образом интонацию голоса и разными жестами, и таким образом вели между собой разговор, как птички Божии, которые, хотя иногда чирикают все одно и то же, однако понимают друг друга. Так, например, он по временам говорил вопросительно: «Корош?» Я понимала, что он спрашивает, ловко ли сидеть. Я отвечала наклонением головы: «корош, корош», — и успокаивала его. Когда он слишком сильно бил по спинке моего бедного ослика, я придавала голосу своему сердитую интонацию, мотала головой и кричала ему: «Мустафа, не корош!!!» Тогда он, чтоб дать мне понять, что он не со злости бьет бедное животное, возьмет его за шею и поцелует его в морду. Тогда с довольным видом приговариваю: «Мустафа, корош!» Спустя несколько времени, мой Мустафа вынимает что-то из кармана ли, из-за пазухи, не ведаю, начинает есть и, отломив кусок, сует мне в руку, приговаривая: «Корош, корош!» Я начинаю чувствовать сильный аппетит, но не такой сильный, однако, чтоб не призадуматься над этим куском: есть или не есть? быть или не быть? Но мой добрый Мустафа как будто опечаливается моему недоумению и так одобрительно повторяет «корош, корош», таким добрым манером кивает мне головой, что мне становится совестно его обидеть и я решаюсь — была не была! — положить кусочек в рот. Аппетит ли мой был хорош или лепешка действительно оказалась вкусна, но проглотивши кусок, мне захотелось еще другого и, благодаря темной ночи, не видя, что я кладу себе в рот, а чувствуя только, что оно как-то смачно, заглушая брезгливость, я *подумала — и стала кушать*²⁶², к величайшему удовольствию Мустафы, не забывая приговаривать: «Корош, корош!» Добрый Мустафа полез было опять за пазуху и вынул еще кусок и предобродушно хотел меня попотчевать: кушай, дескать, еще, если корош! Но я отклонила и в знак благодарности вынула из собственного кармана свежих грецких орехов, чтоб, в свою очередь, попотчевать Мустафу.

²⁶² Строка из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Так-то коротали мы с Мустафой путь-дороженьку ночную, и весело было, и ни одного вожатого я после так не полюбила, как Мустафу...

В 12 часов ночи подъезжаем к единственной настоящей станции — деревне Ramli, в так называемом Русском доме²⁶³. Слезши с осла с помощью Мустафы, который принимает меня в свои объятия, после трехчасовой езды, хотя я сидела удобно, с непривычки чувствую вместо ног какие-то деревянные, на которых я не могу держаться. Все подо мной ходит, словно на пароходе при сильной качке. Не помню, как меня кто-то втащил наверх по каменной лестнице. Престранный дом, особенной восточной архитектуры! Взойдя по довольно высокой лестнице, вместо комнат увидела довольно обширный двор без крыши, а по сторонам постройки и двери, ведущие прямо: иные — в спальню, другие — в комнату со столом для обеда, где нам готовят чай. Заморив червячка дорогой лепешкой Мустафы, мне только нужна подушка. Отдыхать нам дано два или полтора часа. У нас с Соней маленькая чистенькая комнатка с двумя чистенькими кроватями с занавесями, нам прислуживает русская женщина, поселившаяся в этом месте и вышедшая замуж за араба. Я сплю мертвым сном, тем более что мало спала прошлую ночь.

12 сентября, вторник, из Ramli.

В половине четвертого восседаем опять. Надо пользоваться ранним утром во избежание жара, который, говорят, опасен, потому что солнце так сильно печет в этих странах, что можно получить солнечный удар, от которого внезапно умирают, особенно летом. Ночь очень прохладна. Понемножку занимается заря и восходит солнце, но я теперь менее способна наслаждаться картиной природы, потому что сильно устала. Разговор с Мустафой, которого незаметно я могу теперь лицезреть, не так оживлен. М.П. очень страдает, сидя на своем крошечном осли-

²⁶³ В городе Рамле (Рамли, Рамла с 1859 г. попечением русского правительства был устроен приют для ночлега паломников, следовавших в Иерусалим.

ке, которого, так и кажется, он задавит под своей тяжестью. Бедный М.П. беспрестанно останавливает шествие, чувствуя боль в сломанной ноге. Ему беспрестанно поправляют седло, и всякий раз, как ему слезать и влезать, все суетятся долго около него. Путешествие это для него истинная пытка. По прошествии нескольких часов, когда уже становится очень жарко, останавливаемся в кафеджи, т. е. под палаткой против нее, где мы спим с пол часа, позавтракав тем, чем запасася для нас господин Фотий (или кирие Фотий, как его называет по-гречески Иван Михайлович). Это предобрый человек, родом араб, одетый по-европейски, чрезвычайно смуглого лица, с добрым выражением и чрезвычайно кроткого нрава, как впоследствии он нам оказался, когда мы с ним покороче познакомились. Одним провожатым меньше. Агент (Marabuti²⁶⁴) остался в Ramli. По-видимому, он человек образованный, если можно судить человека по его важным приемам, прекрасному французскому выговору, порядочному костюму и красивой лошади. Кирие Фотию предписано им проводить нас до самого Иерусалима.

Мне делается все труднее садиться на моего ослика без ступень или подпоры, так что в следующую остановку в масличной роще, когда М.П. объявляет, что halte²⁶⁵ будет всего на 10 минут, я решаюсь не слезать с осла. Итак, все слезают, кроме меня. Но ослик мой *корош*, умный малый, решает в своем уме иначе и, видя, что другие товарищи отдыхают, а ему одному так несправедливо суждено в это время нести ношу, начинает мяться на месте, кружиться со мной то вправо, то влево и, наконец, видя, что я не понимаю его маневров, преспокойно, без дальнейших церемоний подгибает ножки и ложится с моей особой

²⁶⁴ Марабути Николай Степанович — бывший греческий консул; в 1846 г. по ходатайству К.М. Базили и А.П. Бутенева получил российское подданство и был принят на императорскую консульскую службу; российский вице-консул в Яффе, в его обязанности входила отправка русских паломников в Иерусалим.

²⁶⁵ Остановка, привал (*фр.*)

на землю. Но как умный и вместе с тем добрый малый, он делает эту эволюцию, как бы щадя меня, опускаясь навзничь без ушиба, прямо насупротив супругов Погодиных, которые только что расположились под развесистой маслиной. Беда только в том, что при падении обе ноги мои запутаны и вздернуты на спину ослика, которому и горя мало до меня! Так что мало одного моего Мустафы, чтобы выпутать мои ноги и приподнять меня — один он бы не совладал — нужен был ему и мне еще другой араб, да, кроме того, кажется, еще самого Кирие Фотия. Эта кувырколегия служит приятным развлечением для обоих Погодиных, у самых ног которых распростерлись мы с осликом. Иван Михайлович же прогулял это зрелище к моему счастью, хотя кувырколегия произошла самым скромно-приличным образом. Соня моя, сначала испугавшись за меня и прокричав несколько раз «Ах-ах-ах!» во время моего падения, заливается хохотом, я за ней, серьезный М.П. за нами, Мустафа за всеми, и все мы хохочем, так что, благодаря мне и моему умному ослу, это была самая веселая минута всего нашего путешествия!..

Отсюда начинается самая страшная утомительная дорога, какой мы и во сне не видывали. Камень на камне всяких величин, взваленные один на другого, — кругом огромнейшие исполинские горы, точно проклятые места. Кое-где изредка тощие фиговые деревья и харубы, и то изредка. Иногда встречаются караваны навьюченных верблюдов, люди на ослах и верблюдах. Проезжаем мимо деревни турецкой или арабской, похожей на грудку камней самых огромных. Изредка останавливаемся поить ослов близ фонтанов в виде четвероугольных строений. Приближаясь к последней станции, дорога становится все ужаснее, если можно только ее назвать дорогой, ибо, вернее, ее вовсе нет, одни камнищи, камни и камешки, между которыми пробились тропинку ослики и верблюды. Ловко пробираются копытца наших осликов, уже так привычные к этим местам. Ловко спрыгивают с уступов, к чему и я понемногу привыкаю и делаюсь так бесстрашна, что в одном самом ужасном месте, где все слезают с ослов, чтоб пройти его пешком, я храбро отправляюсь вперед

с своим Мустафой, не слезая, и переезжаю благополучно скалистые ущелья, пока остальная наша компания переходит пешком, и внутренне горжусь своей храбростью.

Если встречаешься с кавалькадой европейцев, то их узнаешь не по одному только костюму, но и по их обыкновению приветствовать поклонами, которые радушно отдаем им и мы. Вдруг вижу: летит навстречу ко мне старушка на прекрасном осле в сопровождении нарядного негра. На старушке монашеский костюм, но, по здешнему обыкновению носить белый цвет в дороге, на ней накинута белая мантия, которая раздувается от ветра. С поспешностью слезши с осла, она летит прямо ко мне. Я тотчас узнаю мать Магдалину²⁶⁶, начальницу странноприимного русского дома в Иерусалиме, которую я видела несколько лет тому назад у Сони, когда она приезжала к М.П. хлопотать об этом месте. Она знавала моего Владимира в его молодости и всех Трубецких. Она в нетерпении видется с Погодинами, которые остались далеко позади меня. Приветствовав друг друга и узнав, что я принадлежу к их компании, она бросается к ним навстречу с характеризующей ее живостью. Я же спешу на место отдыха, где располагают остановиться, не имея более сил ни сидеть на осле, ни стоять на ногах. До Иерусалима, говорят, еще 10 или 11 верст — его ниоткуда еще не видно. Место, где сестра Магдалина вместе с каким-то агентом ждала нас, довольно красиво: кофейная в виде мазанки, зеленый двор, окруженный масличными деревьями, под которыми раскинут ковер, а на ковре приготовлен *un déjeuner frugal*²⁶⁷, состоявший из курицы, вина, винограда и крошечных, но превкусных фиг, до которых я большая лакомка. Консул ли, Магдалина ли, не знаю, кто наш добрый гений в этом случае, но завтрак предлагается

²⁶⁶ Магдалина (в миру Александра Иосифовна Эберн; 1806–1870), с 1863 г. смотрительница Русского женского приюта в Иерусалиме; в 1867 г. пострижена в малую схиму; хорошо знала супругов Погодиных и состояла с ними в переписке.

²⁶⁷ скромный завтрак (*фр.*).

как нельзя более вовремя, потому что мы все томимы жаждой и голодом. Позавтракав и поотдохнув, садимся храбро на ослов и отправляемся на последнюю пытку. Все еще горы да скалы; чем более приближаемся к Иерусалиму, тем более замирает сердце. При каждом восхождении на гору думаем, что Иерусалим сейчас нам покажется, но его все еще не видно! Солнце уже село, начинает темнеть; боимся приехать тогда, когда уже ничего не разглядишь в темноте. Вместо 9 или 12 часов езды, как обыкновенно делают путешественники, мы ехали 22 часа, потому что наш М.П., несмотря на свое нетерпение быть на месте, останавливался беспрестанно по причине своей ноги.

Наконец, последняя гора — и нам можно разглядеть, несмотря на то, что уже темнеет, красивое белое строение, первое, что представляется взорам путешественников, — это новый русский странноприимный дом. Немного далее едва виднеется Старый Иерусалим и в темноте кажется мне серой грудой камней. С каким нетерпением ни ждала я этой минуты, но сильная усталость уничтожает все чувства. Но какой-то внутренний голос как будто говорил во мне: «Ныне отпускаеши рабу Твою с миром, яко видеста очи мои спасение Твое, Господи!»²⁶⁸. Соня моя заливается слезами при виде Святого Града. Мне почти завидно и совестно, что нет у меня чувства к Богу Спасителю, пострадавшему здесь за нас, грешных; мне стало страшно за себя, до того я была бесчувственна; точно так случается со мной во все самые важные минуты моей жизни...²⁶⁹

Не знаю, каким образом я очутилась опять одна впереди и первая въехала во двор Русского дома²⁷⁰, где уже дожидаются

²⁶⁸ Лк. 2: 29-32.

²⁶⁹ К л. 83 рукописного путевого дневника В.И. Пельской приложены две торцевые ксилографии с видами Иерусалима: "Jerusalem from the North East" («Иерусалим с северо-востока») и "Valley of Jehoshaphat" («Иосафатова долина») — на листе декоративной бумаги с конгревным тиснением известного издателя С. Адлера из Гамбурга.

²⁷⁰ Русские постройки, или Русское подворье — один из старейших районов в центре Иерусалима недалеко от Старого города, часть Русской Палестины,

Погодиных. Покидаю своего Мустафу, который не менее меня, бедный, устал, прошедши верст 70 или 80. У него дорогой разболелись еще на беду глаза. Бедный, добрый мой Мустафа — я его после уже не встречала и слишком поздно сожалею, что сама от себя не прибавила ему что-нибудь за его труды в буквальном смысле в поте лица своего!

Нашедши какую-то женщину, знакомую Погодиных, и которая также ждала их с нетерпением, я, в ожидании их, спросила ее, откуда можно было видеть с этого места Иерусалим. Она повела меня через обширный двор к какой-то калитке, откуда я поклонилась Святому Граду, молясь за всех своих близких сердцу — и живых, и усопших. После чего, желая только отдохнуть, просила, ради Бога, скорее отвести мне уголок и отправилась в другую сторону от Погодиных, в номера, где принимают путешественников; Погодиным же отведен целый апартамент, состоящий из трех-четырёх комнат.

13 сентября. Среда. Иерусалим.

М.П. так измучился дорогой, что чувствует себя неспособным двигаться; для него готовится баня, и мы целый день поэтому не трогаемся с места. Я сама чувствую сильную усталость; подо мной все ходит — я вполне постигаю чувство пьяного человека. Соня также в изнеможении, но, несмотря на то, она идет ко Гробу Господню с матушкой Магдалиной. Услышав, что будет всенощная в домовой церкви Миссии, в том самом доме, где мы остановились, я отправляюсь туда. Каждое слово, прочтенное или сказанное священнослужителем, и каждое выражение в молитвах и песнопениях чувствуется живее на этом святом месте и получает как бы сугубое значение в Иерусалиме.

Церковь очень красива, недавно выстроена, служба порядочна. В церковь ведут широкие коридоры или галерея, во всех уголках разбиты садики, насаженные цветами, и прекрасно со-

были построены в 1860–1872 гг. для размещения и нужд русских православных паломников.

держаны. Здесь я знакомлюсь в первый раз с благоуханными желтенькими цветочками в виде шариков, цветущих на больших кустарниках, похожих на очень мелкую акацию или еще более на тимоса (не-тронь-меня). Этими цветочками имеют обыкновение обсыпать Гроб Господень и католические алтари и далеко распространяют они свое чудное благоухание. Те, которые я привезла с собой, до сих пор еще благоухают (третий месяц).

14 сентября. Четверг. Иерусалим.

Мы же вовремя приехали в Иерусалим, прямо на один из самых великих здешних праздников, считающихся почти наравне с Святой Пасхой, а именно Воздвижение Живоносного Креста.

Рано утром отправляемся ко Гробу Господню в Иерусалим, который отстоит от Русского дома на расстоянии какой-нибудь $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ версты. На дороге встречает и сопровождает нас русский консул (Кожевников)²⁷¹ с женой. Четыре каваса идут церемониальным маршем впереди нас, мерным шагом. У каждого из них в руке длинная палка с железным концом, которой они все разом, под такт, мерно звучат по каменной мостовой, производя какой-то торжественный звук. Сначала, не обращая на них внимания и не видя за народом кавасов и не помышляя, что они принадлежат к нашей компании, слыша один мерный звук, я не могла понять, откуда он происходит, и только через несколько времени узнала, что таков здешний обычай: чем важнее особа, тем более должна по мере состояния своего содержать кавасов, которые обязаны сопровождать особу всюду, куда она ни двинется. Без кавасов особе неприлично являться: этикет того требует. Я узнала, что этот церемониал необходим ради магометан, дабы внушить им уважение к высшим европейским чиновникам и напустить им пыль в глаза, чтобы они не забылись, это единственное средство держать их на благородной

²⁷¹ Кожевников Василий Федорович (1829–1885) — консул в Иерусалиме в 1867–1876 гг.

дистанции. Во-вторых, будет какое возмущение — кавасы служат защитниками своих господ. Костюм их довольно красивый: они вооружены, как военные люди, и носят красную греческую феску.

Наше торжественное шествие напоминает мне читанное мною о китайских церемониях и кажется мне не подходящим к настоящему случаю; *mais — à la guerre comme à la guerre*²⁷². Нельзя не снисходить обычаям страны, в которой мы заметные птицы. Но все это шествие и окружающие меня лица мешают мне предаться всем мыслям, которые должны возбуждать вид Иерусалима и места, где, вероятно, проходил так смиренно наш Спаситель, Кроткий до последнего Своего издыхания за нас, грешных!..

Прошедши несколько узких, кривых улиц, мощенных угловатыми камнями, по которым больно ходить, мы вдруг, спустившись по косогору, очутились на небольшом плацу, и храм явился влево от нас²⁷³. Несколько отсеченных колонн при входе на этот плац свидетельствуют о том, что в древние времена на этом самом месте, т. е. гораздо ближе, был вход во Храм, и что, следовательно, он был обширнее, чем в настоящем времени. Обо всем *ensemble* нельзя судить — так тесны строения в Иерусалиме. Весь город имеет вид одной груды камней. Вход, т. е. *le frontispice*²⁷⁴ не величествен. Видно, что в прежние времена было несколько входов в виде арок; в настоящее время вход в храм только с одной (левой) стороны. Справа заметна еще арка, служившая входом, ныне заделанная. При ней сделан придел, или часовня, в честь Марии Египетской (как впоследствии нам рассказали), которая в этом самом месте, бывши еще грешни-

²⁷² Но — на войне как на войне (*фр.*).

²⁷³ К л. 86 рукописного путевого дневника В.И. Пельской приложена литография известного гравера Альфреда Гусмана (1821–1905) с изображением богослужение в храме Гроба Господня: «А. Gusmand. Путешествие в Иерусалим. Внутренность церкви Святого Гроба Господня».

²⁷⁴ фасад (*фр.*).

цей великой, была отторгаема от врат храма и уносима толпой народа всякий раз, как хотела войти, до тех пор, пока совесть не пробудилась. И она вдруг почувствовала себя недостойной, взглянула на образ Божьей Матери над вратами и дала обет принадлежать отныне одной Ей и Богу. Тогда беспрепятственно могла взойти на поклонение Кресту, после чего, покаявшись в своей греховности, предалась Богу, удалилась в пустыню и, получив благодать от Господа, из грешницы великой сделалась святой, равноапостольной, ублажаемой нами грешными. Иннокентий²⁷⁵ так прекрасно повествует об этом событии в своих беседах Великого Поста.

При входе в Храм первое, что представляется взорам, это камень, или скорее гранитная, или красная мраморная плита, лежащая на полу под навесом вроде балдахина. Предание говорит, что на этой плите, или камне, омывали тело Господа нашего, когда Его сняли со Креста, но потом я слышала, что настоящий лежит под ним во избежание усердия богомольцев, которые не преминули бы отламывать кусочки и уносить с собой. После того нас ведут ко Гробу, над которым сделана часовня, разделенная на две части. Посреди первого придела нечто вроде маленького алтаря, в котором вделан кусок того камня, который был поставлен при входе в пещеру и был отвален Ангелом при Воскресении Христа. Чтобы взойти в пещеру, нужно низко поклониться, потому что вход в нее очень низок. Я была странно поражена, узнав, что настоящий Гроб Господень скрыт под той белой мраморной плитой, к которой прикладываются, так что посетители-богомольцы его нигде не видят. Впоследствии я узнала, что это так сделано все по той же причине, т. е., чтоб сохранить святыню от усердия молящихся. Идем дальше, где совершается греческое богослужение в обширном приделе Воскресения Христова. Многое здесь поражает самым непри-

²⁷⁵ Иннокентий (Борисов; 1800–1857) — архиепископ Русской Православной Церкви, знаменитый проповедник; с 1848 г. архиепископ Херсонский и Таврический.

ятным образом. Шум, гам, крик, происходящий наверху в галерее, где находится обыкновенно простой народ всех христианских наций. Ужаснейший запах, всюду проникающий, томящий душу до тошноты, даже у Самого Гроба!!! Ужаснейшее крикливое пение греческих монахов, с которым мы уже ознакомились в Афинах. Странные, безвкусные украшения, висящие над иконостасом и пр. Я никак не могу прийти в себя, не могу вообразить себя в таком святом месте, не могу собрать мыслей. Консул подносит Соне букетик странного вида: палочка, вокруг которой накручены лиловые цветы, похожие на цветы белой акации с прекрасным запахом, очень сильным. Эта внимательность оказана им, чтоб сколько-нибудь заменить eau de Cologne²⁷⁶ и заглушить сквернейшее зловоние. Соня делится со мной, но, к несчастью, это тщетно — ничто не в силах заглушить такой сильный смрад! *Мерзость запустения*²⁷⁷, о которой говорится в Евангелии и о которой вспоминает М.П. в своем рассказе в «Русской»²⁷⁸, невольно всем должно приходить на ум.

Богослужение совершает сам Патриарх²⁷⁹ — маститый старец, почтенной, величественной наружности, напоминающий изображения Авраама, Мельхиседека и тому подобных. Нам раздают свечи (особенной формы), и начинается крестный ход, которого церемония до того умиротворительна, что я никогда не забуду. Все направляются к месту, где был обретен Животворящий Крест Спасителя. Все нижеописанные места, как и предыдущие, находятся под одной крышей Святого Храма, который все соединяет вместе по своей огромной величине.

Сходим ступеней двадцать довольно широкой каменной лестницы и входим в придел, кажется, Армянский. Здесь указывают всем на часть стены очень древней, в котором проделано

²⁷⁶ одеколон (*фр.*).

²⁷⁷ Мф. 24: 15-16; Мк. 13: 4.

²⁷⁸ Газета «Русский», издававшаяся М.П. Погодиным.

²⁷⁹ Кирилл II (1795–1877) — епископ Иерусалимской Православной Церкви, Патриарх Иерусалимский и вся Палестины (1845–1872).

небольшое окно. Здесь находилась святая Елена и смотрела в это самое окно, когда вынимали из земли Святой Крест. На этом месте находился языческий храм, впоследствии разрушенный, и понятно поэтому, что окно, в которое она смотрела, могло быть остаток этого здания. Всем известно, каким образом был обретен Животворящий Крест вместе с двумя другими, на которых были распяты, вместе со Спасителем, разбойники. Направо, против вышесказанного окна святой Елены, находится пещера. На том месте, где был обретен Крест, вделана мраморная плита на полу с изображением Креста, к которому прикладываются, стоя на коленях. Здесь была совершена Патриархом та церемония, которую мы много раз видали в Вильне 14-го сентября — возвышение и понижение Креста с той разницей, что Крест, весь усыпанный бриллиантами, Патриарх нес не на голове, а на золотом подносе, покрытый душистой травкой базилики. Эту траву употребляют в воспоминание предания об этом месте, что будто бы Крест Господень после Распятия на нем Господа был брошен в ров неподалеку от Голгофы (как оно и есть действительно), был завален сором и всякой нечистотой; и на этом месте всегда росла базилика, которая, когда ее исторгали, вырастала вновь, так что ее не могли уничтожить, несмотря ни на какие усилия. Вместо простой святой воды здесь имеют обыкновение употреблять розовую воду и окропляют ею в Храме и при Гробе Господнем так же, как и при всяких церемониях, в память ароматов, которыми было помазано Тело Христа Иосифом во время погребения Его.

Стены пещеры были все унижены арабскими женщинами, покрытыми с ног до головы белыми полотнами, точно саванами. Их костюм, напоминающий картины Священного Писания, придавал еще более живости воображению нашему, которое переносило нас в эти древние времена. С какими непритворными слезами молились почти все эти женщины! С каким святым восторгом бросились они на колени целовать изображение Креста! Мы с Соней смотрели на них, воображая видеть в них жен-мироносиц, которых они собою невольно напоминали! Оттуда процессия направлена была ко Гробу Господню и, обошед-

ши три раза вокруг, повернула вверх по лестнице на Голгофу, находящуюся тут же в Храме, — обстоятельство, которое меня поразило, потому что я не была приготовлена увидеть Голгофу внутри Храма и воображала ее где-нибудь вне Иерусалима, как оно было *во время оно*. Еще мне воображение мое рисовало ее в виде церкви. В простоте своей я воображала, что место это осталось, как и было, небольшой горой или высоким местом; как маленькие дети, которые все представляют себе точь-в-точь как оно есть на картинке. И признаюсь, в душе не могла не пожалеть, зачем оно действительно не осталось в прежнем виде, потому что так, как оно есть теперь, оно никаким образом не может перенести в былые времена, и воображение мое лучше бы представить могло событие. На месте, где был распят Христос, сделано деревянное Распятие в рост человека над алтарем (не помню, греческим или католическим). Под самым алтарем в скале — круглое отверстие, где был водружен Крест Спасителя. Это творение (диаметром с тарелку) обделано серебром и, чтоб приложиться, нужно стать на колена и нагнуться под самый алтарь. Тут совершена была опять та же церемония с Крестом, с припевом «Kyrie Eleison»²⁸⁰ вовсе не умильным, как наш славянский простой, но гармоничный «Господи помилуй».

По окончании богослужения следует раздача антидора, после чего направляемся с визитом к Патриарху. Все удивляются такой бодрости 80-летнего старца. Служивши 8 часов сряду, он еще имеет силы принимать и угощать гостей. Входим в большую длинную гостиную, кругом которой поставлены турецкие диваны. По обычаю (к которому я никак не привыкну, когда оно касается до христиан, особенно духовных лиц), Патриарх, точно так же, как и архимандрит в Константинополе, складывает ноги и садится по-турецки. Все прочие архиереи, архимандриты, священники, монахи садятся кругом комнаты по диванам, против дам, из которых несколько незнакомых, и начинается обычное угощение. В какой бы ни было час, оно начинается не иначе как

²⁸⁰ *Господи помилуй* (греч.).

с варенья. Одного или двух сортов, большей частью айвового. Возьмут в рот ложку варенья — и кладут ее после того особенно, в вазу, на подносе стоявшую. После варенья — чай жиденький, безвкусный, а после чая — благословение Патриарха всем до единого гостям.

Идем домой. М.П. — своей дорогой, так что мы с Соней можем исполнить убедительную просьбу сестры Магдалины и зайти в ее келью, находящуюся в странноприимном доме. Келья эта — настоящий раск: чистенькая, светленькая, опрятненькая. В углу большое Распятие, с частицей Животворящего Креста, в прободенном боку Христа Спасителя. Подножие Креста убрано очень красиво камешками и песком. Угостив нас айвовым превосходным вареньем и кофеем, мать Магдалина ведет нас осматривать свое заведение, т. е. странноприимный дом для русских богомольцев, который состоит под ее ведением. Порядок всего дома доходит до совершенства и, если б она была истинно мать для всех этих бедных людей, можно было бы ей позавидовать! Она ведет нас в свой садик, недавно разведенный, и в маленький сарай, где стоит ее красивый черный холеный ослик, красивее которого во всем Иерусалиме не видала. Но что меня приводит в восторг и заставляет вспомнить об Alex (о тебе), это прекрасная дикая козочка, которую мать Магдалина называет газелькой. Однако это не та порода, которую мы видели в зоологическом саду в Москве (так несчастно окончившая свое существование). Эта вдвое больше, но не менее того, чудное маленькое рогатое созданище. Не всегда *сердце сердцу весть подает*, ибо какое влечение я к ней ни чувствовала, прелестная газель не возлюбила меня и всячески старалась меня забодать. Почувствовав свободу, она поскакала по коридорам, но, проходя мимо меня, всякий раз бросалась за мной бодаться — такая задорная козочка! Странно, что она почувствовала эту внезапную антипатию именно ко мне одной, потому что Соню она щадила, и рожки ее были направлены всегда на одну меня, до того, что я должна была искать защиты у матушки Магдалины, которая с обыкновенной своей живостью топала на нее ногами и брани-

ла ее неприличными словами. Эта козочка — настоящая балованная маленькая капризница, живая, как рыбка, и неукротимая, как дикий зверек. Она так распрыгалась по коридорам, что мать Магдалина боясь, чтоб она не пустилась по горам за Иерусалим, принуждена была опять запереть ее с осликом, и мы более ее не видели.

Отдохнувши дома, мне предстоит идти с Погодиными на обед к консулу без приглашения, что меня ставит в затруднительное положение: идти может показаться неделикатным, не идти может казаться претензией на особенное приглашение; но он казался мне таким добрым, простым, умным человеком, что это мне придает храбрости. Но оба принимают так радушно, жена консула (Любовь Емельяновна)²⁸¹ так проста в обращении, так внимательна и добра, что я чувствую себя у них, как будто их знаю давно. Дом их, убранство, обстановка — со всевозможным комфортом. Обед постный, по случаю праздника 14 сентября, превкусный. В первый раз знакомимся с бананами, и, по странному стечению обстоятельств, я узнала, что эти бананы те самые, на которые я острила зубы, сидя во время нашего плаванья, и даже со свойственным мне медным лбом (до всего, касающегося вообще растений) пыталась даже выпросить один банан на пробу. Но не успела в этом, und mit großem Skandal²⁸² мне было объявлено, что, дескать, нельзя, потому что они все сочтены, что их везут в Иерусалим консулу, как гостинец, и если одной не дочтутся, то что же скажет консул? «Притом, — прибавили мне, — ведь они еще не спелы, и их нельзя есть прежде недели, покуда в дороге на солнце они созреют». Невольно вспомнила я Кумушку-Лису, которая

²⁸¹ Супруги Кожевниковы Василий Федорович (1828–1885) и Любовь Емельяновна († 1884) похоронены в Иерусалиме на Сионском кладбище. В рукописный путевой дневник В.И. Пельской вложены две фотографии супругов Кожевниковых, которые, по всей вероятности, были подарены ей во время их встреч в Иерусалиме. Фотографии были сделаны в 1867 г. в Вене известным немецким фотографом Фрицем Лукгардтом.

²⁸² с большим скандалом (нем.).

Пробившись попусту час целый,
 Пошла и говорит с досадою: «Ну что ж!
 На взгляд-то он хорош,
 Да зелен — ягодки нет зрелой!
 Тотчас оскомину набьешь!»²⁸³

За это мое долготерпение судьба меня и наградила; с наслаждением изволила я скушать целых два банана, особенно когда я попробовала по приглашению консула облить ромом и подсластить сахаром.

После обеда Любовь Емельяновна уводит нас в свой прекрасный кабинет, угощает нас кофеем и папиросками и рассказывает нам очень много интересного о ее путешествии по Балканским горам. Жаль только, что все эти приятности оканчиваются преглупой сценой, которая уничтожает бедную Соню и заставляют ее отказаться от шествия по Страстному пути — планам, неожиданно для нас импровизированным Погодиным во время обеда. Грустно возвращаться домой вдвоем с Соней, ибо без нее, разумеется, нет мне охоты идти. Проект идти на Страстной путь на другой день.

15 сентября. Пятница. Иерусалим.

Бужу Соню в 5 ½, потому что решено идти в 7. Но при вставании начинается длинная проповедь, от которой Соня изнемогает. Сильная головная боль заставляет ее и во второй раз отказаться от Страстного пути; притом же и сам М.П. советует ей остаться дома на размышление... а сам отправляется на Страстной путь. Соня ложится в постель отдохнуть от всех тревожностей, а я, покамест, принимаю ее гостей, которые, узнав о ее нездоровье, пришли навестить ее. Другая длинная проповедь следует по возвращении М.П. со Страстного пути, который, по-видимому, не успокоил его возмущившегося духа. Между тем все это и мой дух до того возмутило, что я не имею сил идти обедать

²⁸³ Басня И.А. Крылова «Лисица и виноград».

и остаюсь в своей комнате. Так как день для нас потерян, я иду с матерью Магдалиной в Иерусалим за покупками крестов, четок, коленкора на рубашки и пр. Здесь по обыкновению шьют особенные рубашки, в которых купаются в Иордане и берегут их потом на смерть, как говорят простые люди. Мне захотелось иметь такую рубашку, и я попросила мать Магдалину помочь мне в этом; она повела меня к одному своему знакомому греку, торгующему этими вещами²⁸⁴. Он, должно быть, предобрый человек, принял нас с радостью и даже угостил нас турецким кофеем. Лавки во всех этих восточных странах не похожи на наши. Они сделаны вроде большого широкого окна, выходящего на улицу; в лавку нет лестницы, а покупатели, если желают, могут сесть так, точно садятся на окно.

Вечером приходит с визитом консул и приносит с собой дурные вести о бедуинах, которые волнуются за Иорданом, так что опасно ехать туда. Это обстоятельство заставляет М.П. решительно отказаться от этой поездки, что меня чрезвычайно внутренне огорчает. Мне кажется, в этом краю все должны бы давно привыкнуть к этого рода волнению, которое проходит само собою и никогда долго не продолжается. Обождали бы немного, и все бы успокоилось, но М.П. разговаривать не охотник, да и консул здесь еще новый человек и сам трусит. Чрезвычайно больно мне расставаться с мыслью ехать на Иордан. По-видимому, это обстоятельство заставит М.П. бежать и из Иерусалима, не осмотрев всего. Но завтрашний день назначен для поездки в Вифлеем, в который, слава Богу, ехать безопасно.

16 сентября. Суббота. Иерусалим.

Встаем в 5 часов. Соня объявляет лишь, что ее М.П. так напуган вчерашними новостями, что решительно струсил и хо-

²⁸⁴ К л. 95 путевого дневника В.И. Пельской приложен рисунок автора с изображением торговца в лавке, покупателя и прохожего (перо, тушь черная, карандаш красный и синий); с подписью: «boutique grecque» [греческий магазин (*фр.*)].

чет уезжать из Иерусалима. Когда же? Послезавтра!? У меня так и опустились руки при такой новости! «Ехать в Иерусалим на поклонение через моря за тридевять земель и на третий день струсить и бежать от мнимой опасности, как будто здесь Бога не было! Живут же люди и здесь, среди этих всех опасностей! А наш народ, и богомолки?! — стало быть, он храбрее нас или лучше нас умеет предаться воле Божией!» Так роптала в душе своей, не смея никому прекословить, удивляясь только трусости всех этих благоразумных людей, не понимая, куда же нам так спешить, точно от бедуинов загорится и распадется Град Божий! Неужели уедем, ничего не увидевши?.. Жаль было Парижскую выставку, на которой мы ноги себе отбили и все-таки самого интересного не видали, а уж куда как жаль уезжать из Иерусалима, не выдавши всего, что было бы грех не видеть! Давно я не была так огорчена! Но ведь мы — бабы дуры, надо повиноваться благоразумным мужчинам. Недаром М.П. так часто повторяет, что у женщины *волос долог, да ум короток*... Утешаю себя мыслью, что, по крайней мере, не убежим от Вифлеема, и что там нет волнующих бедуинов...²⁸⁵

Отправляемся, но невпопад! Нам с Соней приспособили ужасных ослов. Кроме тряски невыносимой, мой осел подгибает ножки и непременно желает лечь, хотя я этого скандалу в другой раз вовсе не желаю. Притом он ли, провожатый ли, но кто-то из них носит с собой, как Петрушка Гоголя, ужасный аромат. Соня вся больная: не выносит тряски; я решительным образом слезаю и убеждаю М.П. отложить поездку. После долгих переговоров решено ехать назад домой, проехавши только до Иерусалимских ворот, и заказать других ослов после обеда, часу в 4-м, когда спадет жара. В 4-м часу приведены ослы для нас, а для Сони лошадь, которая против осликов кажется слоном. Дол-

²⁸⁵ К л. 97 приложены две торцевые ксилографии с изображением монастыря Саввы Освященного и гробницы Рахили возле Вифлеема, подписанные: "Convent of Santa Saba", "Rachel's Tomb nea Bethlehem" и выполненные на декоративной бумаге с конгревным тиснением издателя С. Адлера из Гамбурга.

го не можем усесться. Михаил Петрович требует другого осла: седло, которое дано собственно для его больной ноги, сделанное креслом, чтоб покойнее ему было сидеть, оказывается страшным, он боится слететь с него. Соня садится в кресло, я беру ее лошадь и сажу, взгроможденная выше самого Кирие Фотия! Наконец, шествие начинается.

Вифлеем.

Проезжаем мимо Рамы, о которой сказано в Писании: «И слышен в Раме плач велий»²⁸⁶ и пр., и мимо Рахили²⁸⁷.

Нашему воображению представляется то звезда, сопутствующая волхвам, то Матерь Божия, сидящая на осле со Святым Младенцем на руках. Сам Вифлеем, как и все окружающее, вполне соответствует воображаемому и сказанному в Писании. Город тесный, улицы кривые и узкие, но вид не так мрачен, как вид Иерусалима. Михаила Петровича встречает греческий митрополит²⁸⁸ у самого Вертепа, в который мы тотчас и входим. Все описанное в Евангелии перед нашими глазами. Алтарь (греческий) сооружен на месте, где родился Иисус, на котором вделана серебряная звезда на полу. Чтоб приложиться к ней, надобно, как на Голгофе, стать на колена и нагнуться под самый алтарь. В несколько шагов расстояния стоит изображение яслей каменных (ибо все здесь делается из камня, гранита и мрамора), к которым прикладываются, равно как и к колонне из розового мрамора, за которую, по преданию верят, будто бы держалась Божья Матерь при муках рождения. Верующие обвязывают лентами и тесемками эту святую колонну и берут с собой для помощи в родах. Митрополит, молодец собой, величественной

²⁸⁶ Мф. 2: 18; Иерем. 31: 15.

²⁸⁷ Гробница праматери Рахили находится севернее Вифлеема, в нескольких сотнях метров от южной части современного Иерусалима.

²⁸⁸ Мелетий (1768–1868) — митрополит Петры Аравийской, наместник Патриарха Иерусалимского, в течение полувека окормлял русских паломников в Иерусалиме.

осанки и немного саркастического выражения лица, вовсе неожиданно для нас начинается молебен на русском языке (которым он владеет очень изрядно), что поражает нас очень приятно. После чего приглашает нас к себе на обед. М.П. отказывается, говоря, что теперь не до разговоров. После всего, что мы только что видели, тщетно уговаривают его, уверяя, что этот отказ будет принят митрополитом весьма нехорошо, что никто никогда не должен отказываться от гостеприимства. Но что не могут другие, может Погодин, который запирается, погруженный в святую думу, а нас благословляет на все четыре стороны. Обед, которым угощает нас митрополит, роскошен и оживляет. Все чувствуют себя как-то свободно, даже я, дикарка; Кирие Фотий, мать Магдалина и еще кое-какие с нами. Митрополит ко всем ласков и разговаривает со всеми, хотя и держит себя очень величественно, но не важно, что привлекает к нему мое сердце. После обеда, который совершен у нас очень поздно, чуть ли не в 9 часов, я так устала, что с радостью иду спать в комнатку, отведенную нам с матерью Магдалиной. Все в ней на восточный манер: каменный пол устлан тонкими циновками из камыша, две кровати с белыми занавесями и рукомойник какого-то странного устройства. Соне с супругом приготовлена также особенного устройства двуспальная кровать вроде дивана на возвышении. Ничего не позабыто гостеприимным митрополитом. Завтра обедня будет на заре в Вертепе. Надо спать, не теряя времени, но матушка Магдалина храпит во весь Вифлеем — беда, не могу спать!..

17 сентября. Воскресенье. Вифлеем.

Соня сегодня именинница²⁸⁹. По особенной благодати приходится ей слушать в этот день обедню на заре (по здешнему обыкновению в воспоминание Рождества Спасителя) в Вертепе. Нельзя не чувствовать при этом душевного умиления. Окружа-

²⁸⁹ 17 (30 н. ст.) сентября — день памяти святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

ющий нас бедный народ в арабском костюме живо напоминает нам пастырей, пришедших по указанию Ангелов поклониться на этом самом месте Святому Младенцу, в яслях лежащему. Умилительна служба полугреческая-полурусская в честь М.П. — любезность митрополита, так радушно его принимающего.

Напрасно упрашивала я вчера М.П. принять предложение митрополита и съездить посмотреть на Долину Ангелов. Он остался непреклонен, кратко и твердо объяснив, что для нас более здесь нечего смотреть, никакой надобности чего бы то ни было видеть, потому что других мест выше Вертепа не может быть здесь. Тогда, видя, что Соня должна будет остаться, я не в силах отказаться и решительно объявляю, что для меня малейшая подробность дорога и что, если мать Магдалина будет так добра проводить меня, я поеду одна с ней. Иван Михайлович присоединяется к нам.

Но надо выбирать одно из двух: или Долину Ангелов, или источник Божьей Матери. Я предоставляю решить матери Магдалине, которая, желая воспользоваться случаем, чтобы повидаться с начальницей школы, находящейся недалеко от источника, решает ехать к последнему, прямо к начальнице школы, в место, называемое Беджало. Отправляемся и, прежде всего, заходим в арабскую церковь, и потом еще в другую, беднейшую, которой самое скудное пожертвование дорого, как говорит мать Магдалина. Покуда Иван Михайлович отлучается осмотреть что-нибудь или переговорить с кем-то мне неинтересным, мы с Магдалиной отправляемся в арабскую школу, где, к удивлению моему, встречает меня добрый митрополит! Он, вероятно, вообразил, что М.П. образумится и приедет также, тем более что распространение просвещения должно его интересовать, а в школе в Беджале учат детей по-русски! Во всяком случае, не мило ли и не любезно ли такое внимание митрополита! Начальницу этой школы он очень хвалит, и мать Магдалина также много хорошего говорила мне о ней. Я только гораздо позднее

узнала, что она и есть та самая Бегрова²⁹⁰, о которой мне рассказывали в Москве, про ее благотворительность и попечение о всех бедных и прокаженных. Но, даже не зная этого, я была готова ее полюбить за ее откровенный взгляд, доброе, простое, кроткое обращение с детьми, которых она заставила читать «Верую» и «Отче наш». Я удивлялась, что арабки могут так порядочно произносить по-русски. Митрополит был ласков с детьми и приветлив с начальницей, которая одета как самая простая женщина. Как мне жаль было, что я не запаслась побольше орехами и лакомством для бедных детей. У меня было в кармане только несколько миндалей и фиников и два куска сахара, которые были розданы мною малолетним и приняты с радостью. Добрый Иван Михайлович оставил несколько денег начальнице для угощения и раздачи бедным детям.

Осмотрев бедную школу, которая вся состояла из двух комнат, выпив по чашке чаю, я стала спешить к источнику. Но мать Магдалина стала отнекиваться, говоря, что далеко и жарко. Я впала в уныние и говорила, что, если б я знала это, не оставила Соню в день именин и что ехала только с тем, чтоб побывать на источнике Божьей Матери. Опять добрый митрополит доказал свое милостивое внимание и доброту сердца, объявив, что он сам меня проводит, если уже так мне хочется. Я была вне себя от радости и с умилением целовала его руку. Разумеется, после того и все прочие согласились и, несмотря на палящее солнце, пустились в путь²⁹¹.

²⁹⁰ Имеется в виду Е.Ф. Бодрова, которую архимандрит Антонин (Капустин) в своем дневнике называет «Бетджалской наставницей», «Бетджалской схиархиней», «Бетджалской институтриссой», «Бетджалской директриссой» и, наконец, вполне по-библейски, «Елизаветой Еффрафской». Ее школа была открыта в Палестине в 1858 г.

²⁹¹ К л. 99 рукописного путевого дневника В.И. Пельской прикреплены две торцевые ксилографии с изображением Овечьего источника и Стены плача, с подписями на англ. яз.: "Pool of Bethesda", "Jews Place of Wailing", выполненные на декоративной бумаге с конгревным тиснением издателя С. Адлера из Гамбурга.

Итак, благодаря митрополиту одному я имела счастье видеть источник, т. е. колодец, куда, по преданию, говорят, что хаживала за водой Матерь Божия, и где она полоскала белье Святого Младенца. Напрасно только показывают при этом два углубления, будто бы от ног Пресвятой Девы; я не могла не усомниться, и сам митрополит покачал головой, сказав, что расстояние этих отпечатков даже не соблюдено. Зачем люди все портят?.. Разве не довольно одного вероятия, что Матерь Божия поблизости Вифлеема здесь бывала, отдыхала, утоляла жажду. К чему же эти знаки, будто оставшиеся от Ее колен?..

С благодарностью в душе распростилась я с приветливым митрополитом и, попросивши его благословения, поспешила домой. Всенощная в Миссии. Завтра предполагаем приобщиться Святых Таин.

В 12 часов ночи шествие ко Гробу с фонарями, в сопровождении кавасов. Второпях читает нам правило мать Магдалина, как истый дьячок. Исповедь на Голгофе у архимандрита Антонина²⁹². Да даст мне Господь как можно чаще вспоминать и о принятии Святых Таин у Святого Гроба Господня, и да будет оно всем нам во спасение души и в жизнь вечную!..

18 сентября. Понедельник. Иерусалим.

Когда возвращаемся домой, еще совсем темно, заря чуть-чуть занимается.

После обеда, наконец, нам с Соней удается пройти по Страстному пути, мирно и тихо, с умилением душевным. Но я не могла, как и в первый раз, бывши в Храме, довольно сосредоточить свое внимание и хорошенько прочувствовать до глубины сердца всю святость этих мест. Нас сопровождает мать Магдалина и до-

²⁹² Антонин (в миру Андрей Иванович Капустин; 1817–1894) — архимандрит, ученый-византист, в 1865–1894 гг. начальник Русской духовной миссии на Святой Земле, создатель «Русской Палестины».

брый отец Вениамин²⁹³, который более всех здешних духовных лиц подействовал на мою душу. Никто не казался таким истинным духовным человеком, как этот монах. Был с нами и добрый Кирие Фотий, которого я научилась звать Фотием Яковлевичем.

Для более удобного шествия или сокращения времени начинаем шествие *à rebours*²⁹⁴ до Ессе Номо²⁹⁵ — место, на котором строится католический монастырь, откуда наша знакомая сестра, ехавшая с нами на корабле из Марселя (*les Soeurs de Sion*).

Вифезда. Овечья купель, так называемая, где произошло исцеление расслабленного. Она закрыта со всех сторон стенами; мы ее могли видеть только сквозь щель. На месте водоема довольно глубокая пустая яма, заросшая травой и кустарником [*см. приложенную карту*].

Проходили через арки или ворота, чрез которые шел Спаситель наш, неся Свой Крест. Показывали места, где он, Пресвятой Мученик, пал под тяжестью его; место, где положили Крест Спасителя на мимо шедшего Симона Киринейского, возвращавшегося с поля. Указывали на дом св. Вероники, откуда она вынесла, по преданию, убрус отереть пот с лица изнемогавшего Спасителя. Указывают даже на ту дверь, у порога которого стоял «вечный жид», мимо которого прошел Иисус. (Вечно Кроткий до последнего Своего избиения, молившийся за распинателей Своих, «ибо они не ведают, что творят»²⁹⁶ — не хочется верить последнему преданию, будто он изрек такой ужасный приговор: «Ты сам вечно будешь идти!» Один Жуковский мирит меня

²⁹³ Вениамин (в миру Василий Иванович Лукьянов) — иеромонах, находился в составе Русской духовной миссии в 1861–1864, 1871–1896 гг., скончался 10 сентября 1897 г. в возрасте 82 лет, погребен на Сионском кладбище в Иерусалиме.

²⁹⁴ назад (*фр.*).

²⁹⁵ «Се Человек» (*лат.*) — католическая базилика в монастыре Сестер Сиона, расположенном на Виа Долороса в Иерусалиме. В основании базилики помещается лифостротон — каменный помост, на котором Христос предстал на суд Понтия Пилата.

²⁹⁶ Лк. 23: 34.

с этой мыслью, из которой он извлекает так много прекрасного нравоучения²⁹⁷.)

Дом Пилата. Католический монастырь, строящийся на месте, где был дом Иоакима и Анны. Нас впускают в пещеру, где показывают в углублении место рождения Пресвятой Девы и, по нашей просьбе, откалывают камешки от скалы.

Вышедши из стен города, идем в Гефсиманию и проходим мимо места убиения св. Стефана Первомученика. Войдя в самую Гефсиманию, из которой сделан сад в воспоминание бывшего во время оно сада, нам указывают место, откуда молилась за Стефана Пресвятая Матерь Божья, в то время как его побивали камнями. Маслины самые древние покрывают это место, идущее в гору²⁹⁸. Одна из них, как говорит предание, была свидетельницей муки и тоски смертельной Спасителя нашего и предания Иуды, и поэтому она окружена стеной для предохранения ее от разрушения. Говорят, что масличное дерево живет несколько 1000 лет; если так, то очень вероятно, что, если не те самые маслины были свидетелями события, то, по крайней мере, теперешние, оставшиеся суть не что иное как отрасли от первых. Место, где молился Господь «о чаше», составляет углубление из огромнейших камней и находилось в старину под этой маслиной, вероятно, в то время развесистый. Тут же явился Ангел, который утешал Христа, как написано в Евангелии. Место, где спали ученики, в расстоянии «на вержение камня»²⁹⁹ от места, где в то самое время Спаситель проливал за них кровавый пот. Немного далее — пещера, где укрывались в эту ужасную ночь ученики Христовы, превращенная в церковь (греческую).

²⁹⁷ Имеется в виду поэма В.А. Жуковского «Странствующий жид».

²⁹⁸ К л. 103 приложены две торцевые ксилографии с изображением горы Сион в Иерусалиме и Гробницы царя Давида: “Mount Zion, Jerusalem”, “Mosque of David”, изготовленные на листе декоративной бумаги с конгревным тиснением издателя С. Адлера из Гамбурга.

²⁹⁹ Лк. 22: 41-42. Во времена земной жизни Иисуса Христа под «вержением камня» понимали расстояние, которое пролетает брошенный камень.

В другом приделе показывают Гроб Божьей Матери³⁰⁰, откуда восходим на гору Сионскую через поток Кедрон, в котором в летнее время совершенно без воды. Начинает темнеть — чудный вид на Иерусалим. — Дом Каиафы (место отречения Петра), где теперь армянский монастырь; в нем хранится глава св. Иакова, обезглавленного. Воздвигнут алтарь на том месте, где Иисус сидел на столбе в багрянице и терновом венце, откуда видел небольшой обнесенный двор, где грелся вместе с другими Петр и три раза отрекся от Христа, Божественного своего Учителя. Дом, где, полагают, происходила Тайная Вечеря, длинная зала. Но с тех времен все это было разрушено и перестроено, так что это одно предположение. Возвращаемся мимо дома Давидова.

19 сентября. Вторник. Иерусалим. Вифания.

Встаем с рассветом и отправляемся на ослах в Вифанию, превращенную в груду камней и не похожую на селение; однако здесь живут несколько семейств. Зажигают маленькие свечки, и мы сходим вниз несколько ступень по узкой лестнице. В очень малом пространстве в этой пещере находятся три гроба в виде каменного ложа. Одно из них Лазарево, а другие два принадлежали сестрам его — все три без крыши, не успели нам рассказать, наверное, об этих гробах³⁰¹. Но в Guide d'Orient о них сказано, что во время крестовых походов здесь была сооружена часовня, при постройке которой все было переменено; сказано даже более: “Un revêtement de pierres appareillées et une voûte ogi-

³⁰⁰ К л. 104 приложены две торцевые ксилографии с изображениями и подписями на англ. яз.: “Enclosure of the Temple” («В ограде храма») и “Tomb of the Virgin” («Гробница Богородицы»), выполненные на декоративной бумаге с конгревным тиснением издателя С. Адлера из Гамбурга

³⁰¹ К л. 106 прикреплены две торцевые ксилографии с изображением общего вида Вифании и Гробницы Лазаря в Вифании с подписями: “Bethany” и “Tomb of Lazarus. Bethany”, выполненные на декоративной бумаге с конгревным тиснением издателя С. Адлера из Гамбурга.

vale ont fait disparaître la banquette sépulcrale et caché la surface du rocher»³⁰².

Как бы то ни было, но тут была Вифания, любимая Христом. Здесь он любил отдохнуть в семействе возлюбленного Своего Лазаря, отсюда Он отправился на торжественное Свое вшествие в Иерусалим.

Мать Магдалина ведет нас смотреть камень, где встретила Иисуса Мария со словами: «Господи, если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой!»³⁰³ и где Иисус, видя ее плач, Сам прослезился. Михаила Петровича с нами нет. Он взволновался духом, как он сам выражается, на бедную старуху Магдалину, которая сбилась с дороги и не могла тотчас сообразить, в каком направлении находится вышеупомянутый камень. Как я ни упрашивала его ехать, он остался непреклонен. Тогда я решаюсь идти с Магдалиной, не знаю, каким образом очутилась с нами и Соня. Вообще бедный наш М.П. в ужасном расположении духа все эти дни, так что подчас и я сама падаю и возмущаюсь духом.

Чрезвычайно жаль, что М.П. не угодно было взглянуть, и нас лишил увидеть иссохшую смоковницу. Положили, что она не та именно, которую проклинал Господь в пример нераскаянным грешникам; но ведь иногда, в Германии (где так много самых бестолковых легенд, которых называют поэзией) идешь за несколько верст, только чтоб увидеть какой-нибудь замок или место, прославленное каким-нибудь самым нелепым преданием, легендой или, вернее, сказкой.

Но меня утешает, что мы, по крайней мере, направляем путь к Силоамскому источнику. Он находится довольно низко в нише, в которую спускаются по узкой мокрой лестнице. Давно я не чувствовала такой теплой веры, как в эту минуту. Я живо представляла себе, как бедный слепец, полный веры и нетерпе-

³⁰² Покрытие из подогнанных друг к другу камней и стрельчатый свод уничтожили могильную скамью и скрыли поверхность скалы. (*фр.*)

³⁰³ Рече же Марфа ко Иисусу: Господи, аще бы еси zde был, не бы брат мой умерл. (Ин. 11: 21).

ния, ощупью сходил по этому месту, чтоб омыть темные глаза свои в этой воде по велению Иисуса Спасителя. Несмотря на то что вода в темноте показалась мне грязной и мутной, я усердно омылась ею с молитвой и за нашего М.П., как и за себя: «Господи, просвети очи наши слепые и очисти наши согрешения». Вышедши оттуда, я с жадностью напилась этой самой воды, которой женщина только что наполнила баранью кожу. Здесь вообще не иначе ходят за водой, как с таким сосудом, если можно так назвать то, что она держала в руках и так радушно подносила мне ко рту. Вместо ведра берут целую шкуру барана, сшитую крепко всюду, кроме одного отверстия (именно горла), которое оставляют открытым, через которое наполняют и выливают вмещаемое. Довольно неприятный вид составляет такой сосуд, когда он весь полный, раздутый, а 4 ноги животного торчат по бокам. Не такие ли были *«мехи новые и мехи старые»*³⁰⁴, о которых говорится в евангельской притче?

Не смею надеяться, что мои грешные молитвы скоро доходят до Господа, однако Сам Христос повелел верить, что просимое с верою дастся. Поэтому я была весьма приятно поражена, когда, возвратившись домой, М.П. вдруг, совершенно неожиданно для меня, стал больно-больно трепать меня по голове, по плечам, по щекам, по чем попало — в знак дружбы и примирения. Я ответила ему поцелуем и, признаюсь, никогда я его так нежно не обняла в жизнь свою! Как гора с плеч свалилась! Особенно при мысли, что Соня немного отдохнет! Продли, Господи, это доброе расположение душевное, отпечатлевшееся не только на нас, но и на мягком сердце Ивана Михайловича, который также прослезился, видя эту трогательную сцену между мной и М.П. Слава и благодарность Господу Милосердому! Никогда я не была так расположена полюбить М.П., как в ту минуту, когда он меня так больно колотил своей медвежьей лапой! (“Donna

³⁰⁴ Мф. 9: 17.

è mobile!»³⁰⁵ — припоминается мне в эту минуту, но авось он меня когда-нибудь опять побьет!)

Завтра на заре покидаем Иерусалим. Идем во Храм в последний раз поклониться святыне и приложиться к ней, потом осмотреть в церкви все то, что мы еще не видали. Добрый, кроткий, смиренный и симпатичный отец Вениамин показывает и рассказывает нам обо всем; между прочим, трещину в скале Голгофы, произошедшую от землетрясения в том время, когда Господь испустил дух. Посреди Храма в некотором расстоянии от Гроба стоит камень в память жен-мироносиц, которые, пришедши до рассвета с благовониями, намеренные помазать тело Иисусово, говорили: «Кто нам отвалит камень от Гроба?»³⁰⁶, не могли в полусвете рассмотреть, что он уже был отвален. Столп, к которому был привязан Господь наш при бичевании, в католическом приделе. Этот столп покрыт как бы футляром, и до него верующие дотрогиваются палочкой через малое отверстие и пр.

Прощальный визит к Патриарху. Взаимные приветствия, которые передаются переводчиком (Фотием), так как Патриарх не говорит по-русски, а М.П. по-гречески. Прощальный визит консулу и жене его. Долгое укладывание — а надо вставать на заре.

20 сентября. Среда. Выезд из Иерусалима.

Чрезвычайно жаль покидать Иерусалим Святый!.. Выезжаем в то самое время, когда солнце во всем своем величии в последний раз для нас озаряет Святой Град Божий. Прощание с доброй Катериной Николаевной (Грановской), о которой я позабыла сказать слово, а теперь уже и некстати. Она нечто вроде смотрительницы в Русском доме, т. е. гостиницы, где находятся номера, в которых я останавливалась; по-видимому, кроткая терпе-

³⁰⁵ Женщина непостоянна! (*итал.*) «La donna è mobile» — ария герцога Мантуанского из начала 3-го акта оперы Джузеппе Верди «Риголетто» (1851).

³⁰⁶ Мк. 15: 16.

ливая молодая женщина, но не в ладах с Магдалиной, которую не очень вообще долюбивают за ее сварливый живой характер. Муж Катерины Николаевны, архитектор, молодой человек, болезненный и желчный, но, говорят, честный и добрый человек³⁰⁷. Они очень небогаты, терпят нужду и разного рода неприятности от людей, как то часто бывает при бедности...

Собираются нас провожать до первой станции архимандрит Антонин, драгоман консула (агент), а до самой Рамли отец Вениамин и мать Магдалина. Кроткий, терпеливый Фотий Яковлевич до самой Яффы не расстанется с нами до последней минуты, оказывая нам свои услуги до самого конца.

Усаживаясь на ослах наших, мы заранее приготавливаемся к той же пытке, которую мы переживали, ехавши в Иерусалим. Но мы сильно ошибаемся. Совершенная правда заключения общего, что, едуци ко Святым местам, злой дух как бы старается заградить всячески дорогу богомольцам. Но, преодолев все трудности и побывав в Граде Божьем, на возвратном пути Божия благодать сопровождает путешественников. Путь менее труден и утомителен, и его совершаешь вдвое быстрее. Самые трудные места, приводившие нас в страх, теперь кажутся нам шуткой. Ослы наши весело скачут. Ивана Михайловича осел даже умеет говорить; и мой также по временам что-то мычит про себя. Мы весело перегоняем друг друга; мать Магдалина своей живостью (удивительной для 70 лет) и восклицаниями к своему негру Рамазану: «Савà-савà!» — заставляет нас хохотать как дети. Савà-савà (вместе) — почти единственное арабское слово, которому она выучилась, но употребляет его при всяком случае, обращаясь к своему негру. «Рамазан! савà-савà мадам!» — кри-

³⁰⁷ Грановский Михаил Феофанович (1833–1906) — известный архитектор и художник, приглашенный в Иерусалим для внутреннего оформления Свято-Гроицкого собора, построенного по проекту известного архитектора М.И. Эпингера. После окончания этой работы остался на Святой Земле еще на два года, чтобы создать пять картин с изображением Храма Гроба Господня и его внутреннее убранство, Гробницы Божьей Матери в Вифлееме; выставка этих работ состоялась в Москве в 1874 г. и прошла с большим успехом.

чит она с живостью, указывая на кого-нибудь из нас, попрыгивая на седле, словно амазонка. Но Рамазан немного тупоумен, не сейчас понимает, что это значит: «Поезжай за этой дамой». Тогда матушка входит в иступление, кричит, размахивает руками, бранит Рамазан по-русски и повторяет в иступлении: «Савà-савà!!» Такие сцены не раз случались во время наших путешествий, в которых она от нас не отставала.

Только в продолжение трех или четырех верст иногда с высоты виднелся Иерусалим, и то не постоянно. Подъехав к одному месту, где мы должны круто поворотить, сопровождающие нас предупреждают, чтоб мы на этом месте в последний раз взглянули на Иерусалим и послали ему прощальное свое приветствие. Часто припоминали мы слова кроткого Спасителя нашего: «Иерусалим, Иерусалим! Сколько раз хотел Я собрать тебя, как кокош собирает птенцы своя — но вы не восхотели!...»³⁰⁸ Как много рассказывают в этих местах прекрасных нравоучительных легенд! Как много мест любопытных для всех верующих, которых мы не видали!.. Скрепя сердце думаю об этом и с жалостью отрываюсь от последнего места, где еще виднеется Иерусалим, с такой любовью воспеваемый Давидом в псалмах его. Хочется повторить с ним: «Если я забуду тебя, Иерусалим! забудь меня, правая рука моя!»³⁰⁹. Духовник наш, архимандрит Антонин, которому я каялась во время исповеди своей в тоске и унынии, которые часто одолевают меня, сказал мне: «В такие минуты вспоминайте о Голгофе, на которой мы теперь стоим при Кресте Спасителя вашего!...»³¹⁰ Да поможет мне в этом Господь!

Ночь немного душна, и даже на заре прохлады не очень чувствительна. Мы останавливаемся на тех же местах, где останавли-

³⁰⁸ Мф. 23: 37.

³⁰⁹ Пс. 136: 5.

³¹⁰ К л. 109 приложена торцевая ксилография с видом Иерусалима с Елеонской горы, ниже — подпись: “Hamburgh, from C. Adler’s Printing Publishing Offices. Jerusalem, from the Mount of Olives. Jerusalem, vom Oelberge Gesehen” [Гамбург, издательство С. Адлера. Иерусалим, вид с Елеонской горы].

ливались мы утомленные, ехавши из Яффы. Под развесистыми маслинами, где совершилась моя кувырколегия вместе с ослом, мы завтракаем. Архимандрит вынимает приготовленную бутыл шампанского, чтоб выпить за здоровье Михаила Петровича. В довершение всех благ и наслаждения душевного Михаил Петрович в самом чувствительном и умилительном расположении духа повторял: «Сладкие минуты!» Да продлит Господь это состояние. Здесь прощаемся с архимандритом и принимаем его последнее благословение. Драгоман едет с ним назад. Здесь же, отойдя несколько шагов от места отдохновения, мы бросаем последний взгляд на Град Божий, который тотчас скрывается из виду и более не виден ниоткуда. Вместо 22 часов езды, как в прошедший раз, мы до Рамли (Рамли считается родиной Иосифа Аримафейского и называлась в старину Аримафеей) едем всего 11 часов. Там нас встречает уже известный нам агент *Русского парохода* (г-н Марабути) и консул. Мы все порядочно устали; но время отдыха весьма мало; в 3 ч. опять в дорогу; мы занимаем те же комнаты, как и прежде. Прощаемся с матушкой Магдалиной и отцом Вениамином.

От Рамли проезжаем опять мимо Latrun, о котором сказано в Guide de l'Orient, что, по всем вероятиям, имя это происходит от vicus Latronum, bourg des voleurs³¹¹ и древнего предания, будто бы из этого места происходил «добрый разбойник», который спасся на кресте, исповедавши Христа Спасителя. До Латруна проезжают мимо развалин арабского села Emmaos, которое многие принимают за тот Эммаус, где Христос явился двум Своим ученикам и сопровождал их во всю дорогу, не быв узнан ими. Но расстояние (60 стадий от Иерусалима), о котором говорится в Евангелии, не соответствует местности.

Abou-Goch — бедное арабское селение, близ которого стоят развалины церкви, довольно хорошо сохранившиеся, но превращенные в хлев или конюшню, и полные нечистотой. Говорили,

³¹¹ Vicus Latronum — деревня грабителей (*лат.*), bourg des voleurs — город воров (*фр.*).

будто здесь место рождения Иуды Искаротского. В Guide de l'Orient сказано, что в древности Абу-Гош назывался Кириат, откуда и происходит имя Искарот. На еврейском языке Ишь-Кириат значит: муж Кириата, т. е. житель Кириата. Таков был обычай называть некоторых по имени города или селения, откуда они происходили или где жили. Так называли Христа, Иисус Назарянин.

21 сентября. Четверг. Из Рамли в Яффу.

Подъезжая к Яффе, я с удивлением вижу, что она окружена садами, и что вид города далеко не так угрюм, как со стороны моря.

Компания наша значительно уменьшилась. Один верный наш Фотий, который так настрадался в Иерусалиме, не покидает нас. У меня преоригинальный ослик, упрямый и своевольный; и пренесносный проводник Али, которого я гоню от себя, потому что он понапрасну и жестоко бьет моего ослика; но никак не могу отделаться от него. Раз даже, вышедши из терпения, я его самого ударила зонтиком и раздражила его муштайбом. Слову этому я научилась от одного из наших проводников-жандармов, который так назвал М.П.-ча, не помню за что, сказав самой Соне, что муж ее муштаиб. Я тотчас, как любознательная женщина, обратилась к Кирие Фотию, чтоб узнать кесеке-сея³¹² муштаиб. Фотий запнулся немножко, том отвечал, что это значит злой человек. Я тотчас намотала себе на ус это слово и при каждом случае твердила: «Али муштаиб», и на свой лад сочиняла ему фразы из всех арабских слов, выученных мной в дороге: «Элла! (пошел) не хочу с тобой Савà-савà! (вместе) ты муштаиб!» Ослик мой, чувствуя далеко от себя своего тирана, задавал себе в таких случаях праздники и, нимало не обращая внимания на мое понукание, брал разные вольности: завидя репейник, свое любимое кушанье, направлялся в эту сторону, завертывая в поля, и, накушавшись, пускался рысцой догонять

³¹² От фр.: Qu'est-ce que c'est là? [Что это такое?]

кавалькаду, но такой рысцой, что мне казалось, что вся внутренность моя перевернется, и я должна была всеми силами тянуть поводья, чтоб остановить и укротить его. В другой раз моему хмару (ослу) вздумается повернуться спиной ко всей честной компании и кавалькаде и постоять так минуты две, в раздумье глядя в даль, как будто он вспоминает о чем или забыл что-то дома, или размышляет: уж не воротиться ли лучше домой?.. В таких экстренных случаях я принуждена была прибегать к помощи Али и сама просила: *esmi* (возьми). Али торжествовал, от удовольствия колотил бедного хмарика, покуда, опять не вышедши из терпения, я его снова не прогоню от себя, назвав муштайбом. Сам жандарм, от которого я научилась этому слову, оказался муштайб вот по какому случаю: когда приближались к какому-нибудь селению, дорога обыкновенно окаймлена преогромнейшими кактусами особенного рода, из коих каждый лист совершенно плоский, круглый, в величину тарелки, а иногда и блюда, весьма колючий. На нем бывает много плода, так же покрытого колючками, так что трудно его срывать. Жители до него не большие охотники, и смотрят на него с подозрением, как на самый простой плод. В Париже на выставке продавала его какая-то индианка, называя это *figues de Barbarie*³¹³. Я купила для курьеза, и действительно, оно не то что очень дурно, но и не очень вкусно. Но не так привлекали меня на этот раз плоды, как самое растение. Не раз я сожалела, что не запаслась им из Иерусалима, где его также довольно; так как кактус вообще легко принимается и не скоро вянет, мне хотелось привезти его с собой в Москву. Не успевши запастись им в Иерусалиме, я старалась достать его во время дороги, но как нарочно мы проезжали мимо, не останавливаясь, а где отдыхали, там кактусов не было. Наконец, воспользовавшись удобной минутой, пока поправляли М.П-чу седло, я направилась к кактусу, но мой Али не то что Мустафа, бестолков до невероятности, я никак не могла растолковать ему, что я хотела; он только тарасил на меня

³¹³ опунция (*фр.*).

свои глаза. Фотий Яковлевич был нашим общим толмачом, но он был занят в эту минуту с М.П. Тогда я, обвязав руку платками, стала кое-как сама срывать молоденький листок. Но он до того больно кололся, колючки эти так глубоко всюду вонзались, что я, вскрикнув от боли, вынуждена была отложить попечение. Но как же я этим рассмешила муштайба-жандарма! Как от души хохотал он, посматривая на меня со своей лошади! Несмотря на боль, я сама рассмеялась, глядя на него. Казалось, он говорил: «Поди ж ты, как глупы европейские-то бабы! Невидалящина им кактус! Поделом ей, не трогай всякую дрянь!» Долго нянчилась я с больными пальцами: колючки так тонки, что их не разглядишь простым глазом; то тут, то там колет, как иголками. Напрасно совала в рот то один палец, то другой, как делают маленькие дети, и со вниманием рассматривала каждого из них. Всякий раз, как я углублюсь в это занятие, слышу мексиканский хохот нашего жандарма с пикой. Ничто его так не забавляло, как мои страдания, так что я, воспользовавшись удобным повторить выученное и крикнула ему, что он муштаиб, что его еще более развеселило.

21 сентября. Яффа.

Наконец, в 9-м часу благополучно достигаем Яффы и расстаемся навсегда с нашими пегасами. Я разбита, но все же не до такой степени, как в первый раз. À force de forger on devient forgeron³¹⁴! Добрый Фотий Яковлевич до самого парохода оказывает нам свои услуги, несмотря на то, что он отец большого семейства, о котором он сильно скучал и был в нетерпении воротиться домой. Мы будем плыть на том же самом Eridan, на котором плыли из Марселя. В нашей каюте молодая девушка, нечто вроде монашки, по-видимому, une novice³¹⁵, очень молчаливая с нами, но болтливая с одним сигé католиком, находящемся на том же пароходе, но болтливость которого не совсем соответствует его сану. Жду с нетерпением обеда, чтоб улечься и выспаться. Море

³¹⁴ Тот, кто кует, становится кузнецом (*фр.*).

³¹⁵ послушница (*фр.*).

тихо и спокойно, но чтоб идти полюбоваться им, нужно пройти нечто вроде Фермопил³¹⁶ через множество несчастных баранов, которых таскают, как попало, на палубу, пока разместят их куда следует. Зрелище самое неприятное. Так жестоко с ними обходятся, что вспомнить об этом больно и тошно!

Направляемся в бывший Суэзский перешеек, превращаемый французами в канал³¹⁷, работы которого М.П-чу любопытно осмотреть.

22 сентября. Пятница. Port-Said.

Часов в 6 пристаем к Port-Said. Городок во младенчестве, существующий только лет 5–6. Удивительно, до чего может прийти ум человеческий с помощью Бога и Энергии! Гостиница наша — настоящий карточный домик, т. к. зимы здесь не знают. Везде предупредительные, вежливые люди встречают М.П-ча, заранее предупрежденные консулами и агентами о его приезде. Предлагают нам прогулку по бассейну, прорытому недавно. Осматривали ateliers³¹⁸ и разные машины чрезвычайно интересные, с помощью которых вырыли бассейны, называющиеся des dragues³¹⁹ и действующие посредством паров, как по волшебству. Как ни интересно все это, но я по свойственному своему enfantillage³²⁰ (несмотря на свои почтенные лета), заглядываюсь иногда на ракушки, которых такое множество в этих местах, покрытых тонким морским песком, и набиваю ими карманы, как для своих маленьких друзей, так и для себя самой, не совсем еще вышедшей из младенчества, и, как младенец, делаю глупости и оплошности, не слушаю с должным уважением господина, так

³¹⁶ Фермопилы — узкий проход, в древности единственная дорога между горой Этой и южным берегом залива Малиакоса из Фессалии в Локриду, в Центральную Грецию.

³¹⁷ Сооружение Суэцкого канала было завершено в 1869 г.

³¹⁸ мастерские (*фр.*).

³¹⁹ драга (*фр.*) — землечерпательный снаряд.

³²⁰ ребячество (*фр.*).

услужливо и занимательно рассказывающего и показывающего разные ученые вещи, чем и заслуживаю справедливое на этот раз нравоучение мудрого М.П-ча, который говорит, что для меня нужны только птички, цветочки, раковинки и пр. дрянь. Но как быть? *Chassez le naturel — il revient au galop*³²¹! Хозяйка магазина, который находится в нашем доме, очень милая женщина, у которой три милые также попугая, из которых один — так называемый *pougi*³²², красного *solferino* цвета, болтающий и делающий разные *gentillesse*s³²³, к которым я никак не могу остаться равнодушна! *Decidement j'ai un caractere indompsable*³²⁴, но я утешаюсь, что я нашла себе под пару человека в нашем Добротворском. Он не менее меня охотник до всех животных, даже до кошек! Обед очень порядочный и... свежие финики, на которых я острою зубы, начиная с первого дебюта — супа. Добродушный официант (француз) позволяет мне по окончании обеда унести с собой все оставшиеся финики, за что я ему сказала *grand merci*³²⁵.

22 сентября. Суббота. Отъезд из Порт-Саида.

Встаем в 4 часа, чтоб быть готовым сесть на маленький пароход, который дается нарочно для нас, чтоб осмотреть Суэзские работы. Но парохода мы ждем до 8 часов, и его все еще нет. Море шумит и блестит при восходе солнца. Дельфин быстро плавает, но слишком далеко — не рассмотришь хорошенько.

Отплываем только в 9 часов. В канале особенных машин не видим, кроме *des dragues*, выгребаящих песок со дна канала. Видим, наконец, в первый раз мираж (или марево), показываю-

³²¹ Прогони естественное, и оно возвратится галопом. (*фр.*). Ср.: «Гони природу в дверь, она влетит в окно» (Н.М. Карамзин).

³²² Древесный попугай малого и среднего размера, имеющий очень яркое оперение.

³²³ любезности (*фр.*).

³²⁴ У меня определенно неукротимый характер (*фр.*).

³²⁵ большое спасибо (*фр.*).

ший небольшие длинные плоские острова, но так как они перемешаны с настоящими, то трудно разобрать, которые из них мираж, которые настоящие. Я никак не могла добиться этого от господина, который нас сопровождает, но не так занимательно рассказывает, как первый (поляк Яницкий), преприятнейший человек. Так что я плохо верю господину Chaseley Menetreux, который указывает нам на эти земли как на мираж. А мне так хочется видеть непременно настоящий мираж!

Зато моему удивленному взору представляется другое невиданное и неслыханное зрелище. Видим отдаленные берега, совершенно унизанные de flamands³²⁶ (не знаю имени этой птицы по-русски), точно нитками розового жемчуга. Их бесчисленное множество, сидящих рядами, одни близ другого у самых берегов. Они необыкновенной белизны, но с нежно-розовым отливом, блестящим на солнце, около озера, которое само покрыто блестками, как бы все усыпано бриллиантами. Это так чудно хорошо, что похоже на фантастический сон. Такой картины не описать никакому живописцу!

Озеро отделено от канала, по которому мы плывем, насыпью (par une berge³²⁷, как они это называют). Между тем мы все голодны, а станции, где мы должны обедать, все еще не видно нигде. Моему воображению с голоду показывается мираж, соответствующий обстоятельствам. Воображаю, что я вижу на пароходе самовар с чашками на подносе. «Какое милое внимание! — думаю себе. — Очень, очень мило!» И бегу с доброй вестью к тоже голодному Ивану Михайловичу. Соня с М.П., с голоду заморив червячка винными ягодами, заснули благодатным сном. Но вдруг... о горе, приблизившись, чтоб рассмотреть отрадное видение, — следует горькое разочарование. Самовар с чашками не что иное, как мираж! Т. е. какой-то медный клапан, окруженный огромными (в чашку) медными гвоздями, которые я и приняла за фарфоровые чашки. Добродушно от души

³²⁶ На полях рукописи более поздняя помета: Фламинго, красный гусь.

³²⁷ берег (фр.).

посмеявшись с Добротворским собственной мистификации, мы вооружаемся терпением и ждем желанной станции Кантары, где, благодаря любезности господ порт-саидских чиновников, нас ожидает завтрак.

Кантара. Между 1–2 часами выходим на берег Кантары. Канал дивно уже идет по песчаной африканской степи, среди которой Кантара истинный oasis для бедных путешественников. Как степной — наш обед превкусный, вкуснее даже порт-саидского. Приятно видеть несколько зелени и ползучих растений, которых мы давно не видали. Но со временем в Порт-Саиде разведутся сады, огороды и все удобства жизни, а порт будет один из главнейших. Городок быстро распространяется, строятся хорошенькие европейские домики, расписанные яркими красками. Вместо мостовой глубокий песок; но нас уверяли, что стоит его поливать поболее пресной водой, и песок делается плодородным. При нашем карточном домике было нечто вроде маленького садика, где уже растут кое-какие цветы и кустики, несмотря на то, что песок так разгорячен жарким солнцем, что я чувствовала его теплоту сквозь ботинки.

Картины на берегу канала представляются совершенно африканские. Получерные, египетские, бронзового цвета лица с их живописной драпировкой, другие полунагие, а третьи — и совсем, как Бог их создал; все крепко трудятся, как муравьи; роют песок, носят ноши. В расстоянии версты или более расставлены машины, называемые *des dragues*, роющие под водой, сами выбрасывающие вырытый песок по ту сторону канала, и сами постепеннодвигающиеся вперед. Не надивисья всем этим машинам, изобретенным умом человека! Я не ожидала, что все это будет интересовать даже и меня, невежду во всем. Между тем не могу не признаться, меня не менее интересуют и рыбки, весело прыгающие из воды и играющие на солнце; причем М.П., который, слава Богу, в милостивом расположении духа, объявляет мне, что он с наслаждением будет бить меня, когда возвратимся на Девичье поле.

Измаилия.

В 9-м часу уже темнеет, кода мы подъезжаем к Измаилии. Въезжают в нее через шлюз; вода с шумом падает, наподобие водопада, и пароход наш постепенно поднимается по мере того, как наполняется шлюз, покуда мы находимся наравне с высшим. При лунном свете, который освещает брызги, это производит прекрасный эффект. Я не совсем понимаю, где мы находимся и куда мы теперь направляемся; слышу только, что теперь будем плыть по пресной воде — *par le canal d'eau douce*³²⁸.

Как и везде, принимают М.П. весьма любезно. Никто не бывает так любезен, как французы, когда они того захотят, как никто не бывает так груб, когда они не хотят быть вежливыми. М.П. не желает принять их предложение ночевать в Измаиле, боясь чего-то, для меня непонятного; тогда ему очень любезно предлагают шлюпку, чтоб продолжить ночью путь до Суэза. Шлюпка эта хотя невелика, но снабжена всем возможным комфортом для нас четверых. Каюта с большим столом и двумя большими диванами, которые могут служить удобной постелью для М.П. и Ивана Михайловича. На каждой стороне по 2 окна; а возле — особая маленькая каюта с двумя кроватями для нас с Соней, разделена от соседней каюты одной занавеской. Далее крошечный уголок с *lavabo*³²⁹ и пр. Одним словом, ничто не позабыто. Другая меньшая половина — непокрытая, для матросов и людей, правящих шлюпкой. Хозяин шлюпки до того любезен, что не позабыл даже и съестных припасов, вина, сыру, пирожного, которое мы находим в особенного рода корзине. Ночь проходит благополучно, и мы бы спали как нельзя лучше, если б чего-то не мерещилось М.П-чу, который, под влиянием какого-то панического страха, часто входит в нашу каюту и будит Соню.

24 сентября. Suez.

Причаливаем к Суэзу в 12-м часу. Город довольно простран- ный в сравнении с Port-Said, которому он со временем будет

³²⁸ по каналу с пресной водой (*фр.*).

³²⁹ туалетная комната (*фр.*).

одолжен своему благоденствию. Пруско-русский агент, брат порт-саидского чиновника, принимает нас в гостинице Hôtel de Suez, прекрасно организованной и служащей прибежищем или клубом — rendez-vous³³⁰ всего города и единственным развлечением для всех и всяких сословий. Слуги все индейцы, в белых чалмах и белых одеждах. У всех у них добрые и умные физиономии бронзового цвета, почти черные, с чертами лица типа европейского. Их хвалят как спокойных, по возможности и честных людей, по крайней мере, так говорили о служащих в отеле. Большое пространное место, половина которого крытая, полу-сад, полу-двор, полу-зала, полу-терраса — трудно определить, с фонтаном посреди и украшенная цветами и вазами, смесь мавританского и европейского вкуса. Комнаты мы не получим до 3-х часов, все полно в отеле; но мы очень удобно расположились до завтрака в этой зале. Завтрак в 1 час. Мы идем за всеми в пребоольшую, длинную-предлинную залу. Завтрак совершенно à l'Anglaise³³¹, не совсем по моему вкусу, но множество блюд, из коих превосходна одна только ветчина.

После завтрака, как по щучьему велению и по моему хотению, является для нас барка для прогулки по бассейну и Чермному морю?!.. (не верится, как вздумаешь, куда мы залетели!) и потом для осмотра уже оконченных в этом месте работ, и еще дока, где чинят огромный английский пароход, такой величины, какой в первый раз мне случается видеть. Солнце страшно печет, но дует прохладный освежающий ветерок; азиатские жители говорят, что уже холодно. По возвращении с прогулки, где мы плыли и по Чермному морю, которое, как и пустыня, сами собой говорят о Моисее и израильтянах, отправляемся в свои комнаты на кейф³³² до самого обеда, который совершается по-английски, в 7 час.

³³⁰ место встречи (*фр.*).

³³¹ в английском вкусе (*фр.*).

³³² кейф — отдых, приятное безделье (от араб. *kajf* — хорошее расположение духа).

Обед этот до того приправлен перцем, что жжет рот и горло. В мясе недостает соли. Варенье из померанцев, вареных без сахара, — чистый обман, потому что вопреки закону природы своей оно до того горько, что я ничем не могу его запить, ни заесть. Финики — одно из моих любимых лакомств — незрелы. Но со всем этим миришься при мысли о том, сколько труда стоило завезти или привезти малейшую из всех вещей и удобств в этом отеле, вполне роскошном. Комната наша с Соней большая, удобная, чистая, нарядная. Вообще молодцы англичане до всего, касающегося комфорта жизни. Один перец их мне не нравится, да горькое-прегорькое померанцевое варенье.

25 сентября. Понедельник. Из Суэза по железной дороге в Каир.

Спим благодатным сном, как вдруг в 6 часов утра я вздрагиваю, испуганная энергичными ударами в дверь и сердитым голосом М.П., который кричит через дверь, что, дескать, «стыдно»! Впросонках я никак не пойму, что такое случилось. What is the matter³³³? Чему это надо стыдиться?.. Одеваемся второпях и летим вниз. Но все спокойно, торопиться сломя голову было нечего, завтракаем, в 8 часов отправляемся на железную дорогу, где еще приходится ждать довольно времени; садимся в вагоны в 9 ч. и катим из Суэза по песчаной унылой пустыне. Бросаем последний взгляд на Чермное море, которое вчера при блеске солнца действительно по местам казалось черным.

Унылая картина. Пески, пески, пески. Расположение духа М.П. не менее приводящее в уныние. Посреди этой ужасной степи находится также одна станция, похожая на крошечный oasis: какой-то итальянец, содержащий эту кофейную (и вместе станцию) и продающий вино и закуску, завел от скуки, должно быть, нечто вроде маленького музеума. Комната для отдохновения пассажиров, довольно мило устроенная, сколько я могла судить по беглому взгляду, брошенному в нее через решетку. Чего там

³³³ *Что случилось?* (англ.).

нет? Кораллы и раковины всех сортов и величин, вазы, цветы, попугаи, канарейки и птицы разного рода. Едем дальше. Глаза устают смотреть на бесконечное пространство песку справа и слева... Один М.П. без утомления любит молча и приказывает Соне бросить интересную книгу и так же, как и он, глядеть на картину, не спуская с нее глаз, «дабы она впечатлилась в памяти ее навсегда». Нельзя не повиноваться, беда прекословить, но бедная Соня изнемогает... Силоамский источник ненадолго подействовал; опять слепнут очи наши... но и за те несколько дней, слава и благодарение Господу!

Хоть бы мираж какой представился нашему утомленному взору!.. Пески и пески... да иногда целая деревенька или селение слепленных арабских домиков из чего-то вроде грязи, которых едва можно отличить от степи — словно гнезды ласточек. Охота им селиться в пустыне! Чем они здесь питаются? Манна уж не падает с небес, как то было для израильтян!

Наконец, перед последней станцией мое желание исполняется. Прекрасный мираж! Хоть бы нарисовать! Много воды, посреди воды малые и большие острова с лесами, гора и нечто похожее на здание... Уж полно, мираж ли?.. Не верится, думается, что это просто должны быть ручьи Нила, к которому мы все ближе приближаемся. Но ехавший с нами доктор, который привычен к этой дороге, уверяет, что в степи воды нигде нет и что мы от Нила еще далеко.

Мы до того под впечатлением этого миража, что принимаем впоследствии за мираж самый Каир, к которому подъезжаем в 2 часа. Чудная, богатая, роскошная растительность, какой мы давно не видали; а в особенности чувствуем всю ее прелесть после пятичасовой езды по пустыне! Каир весь в зелени, и зелень не то, что в Иерусалиме, темная, угрюмая, а светлого изумрудного цвета! Красивые восточные здания с минаретами, роскошные пальмы — все это как нельзя более гармонирует вместе.

Останавливаемся в *Hôtel des Ambassadeurs*, позавтракав, чем Бог послал из оставшейся провизии в нашей корзине — и отправляемся, не дожидаясь консула, осмотреть примечательно-

сти Каира³³⁴. Улицы гораздо интереснее константинопольских, везде сады, множество пальм самых великолепных с плодами фиников, висящими большими пучками, как под зеленым пышным плюмажем. Видим интересные живые картины, особенно проезжая через базар, где всего более обнаруживается народный быт. Подъезжаем к мечети Mehmed-Ali прекрасной архитектуры, всей построенной из какого-то прозрачного необыкновенного мрамора, похожего на янтарь; нам надевают на ноги красные туфли для осмотра этого священного места для магометан. Архитектура напоминает Софийскую мечеть в меньших размерах, но, по моему невежественному суждению, та, которую мы теперь осматриваем, лучше как архитектурой, так и вкусом, и убранством. Осмотрев мечеть, нас повели вокруг ее по террасе, откуда виден не только весь Каир, но и большая часть пустыни, посреди которой предстают пред нами 5 громадных пирамид: 3 по правую руку и 2 по левую. Говорят, будто они видны отсюда в расстоянии 40 верст; если это не гипербола, то можно судить и отсюда о их громадности. Вспоминаются слова Наполеона, которые мой Владимир, поклонник его, читал мне с таким восторгом: “Soldats! du haut de ces pyramides, 40 siècles vous regardent”³³⁵! К несчастью, М.П. не намерен ехать осматривать их вблизи, говоря, что довольно того, что мы видели их издали!..

(Таким же образом, лишилась я вместе с Соней наслаждения любоваться прелестным садом Шубра, от которого мы находимся только в ½ версты, известным всем путешественникам своей необыкновенной красотой. М.П. находит, что мы довольно насмотрелись на сады, забывая, что сад саду рознь, особенно европейский от египетского. Скрепя сердце повинуюсь вместе с Соней, которой слово М.П. свято.)

³³⁴ К л. 119 об. прикреплена газетная вырезка с гравированным изображением “Intérieure de la mosquée du sultan Hassan, au Caire” [*Интерьер мечети султана Хасана в Каире (фр.)*].

³³⁵ Солдаты! с высоты этих пирамид 40 веков взирают на вас! (фр.).

Проводят нас потом через дворик, похожий на садик, на берег большого ли озера, Нила ли, мне неизвестно. Прекрасно место, окаймленное на противоположном берегу белыми красивыми строениями и множеством пальм, а по сю сторону террасы, на которой мы стоим, — белым испанским жасмином. Соне моей строго повелено смотреть перед собой и не заниматься пустяками, как моя милость, заглядевшаяся в это время на жасмины. Но предупредительный драгоман подносит и ей букет жасмина, на который она украдкой поглядывала. Терраса эта принадлежит к Египетскому музеуму, в который мы и входим. Многое множество мумий, богов и божков самых нелепых, всяких размеров, видов и величин, очень любопытных для антиквариев, но по многому однообразному множеству своему всегда меня утомляет, профанку. Одна только мумия очень меня заинтересовала; от времени сгнила крышка и из нее высунулась нога, до того сохранившаяся, что она казалась ногой живого человека.

26 сентября. Вторник. Каир.

До завтрака, пока М.П. изволит почивать, мы успеваем с Соней в сопровождении Добротворского погулять на базарах — *comme des oiseaux échappés*³³⁶. У каждой нации свой отдельный базар и свои отдельные квартиры. Видели базар турецкий, базар сирийский, базар еврейский, базар европейский. Не перескажешь всех сцен и картин, которым мы удивлялись, как совершенно новым для нас. Между прочим, мимо нас прошли две похоронные процессии, сопровождаемые плакальщицами. Зрелище курьезное, но вовсе не умилительное. Притворное завывание наемных плакальщиц внушает и презрение, и жалость к бедному невежествующему народу. Видели также дикого, полунагого, довольно красивой наружности, с браслетами на руках и ногах, прикрытого кусочками бараньей шкуры и с волосами, поднятыми на маковку и связанными в пучок, точь-в-точь как рисуют индейцев на картинках.

³³⁶ как упорхнувшие птицы (*фр.*).

Лекс³³⁷, консул (как я и подозревала, тот самый, который был у нас в Вильне еще молодым человеком), приезжает за нами, чтоб показать нам что-то и везет нас куда-то...

Въезжаем в прекрасную аллею из сикомор³³⁸, который мне кажется похож на наш бук в исполинских размерах. Нил представляется нашим взорам! Разлитие совершилось только недавно, и он начал убывать только несколько дней тому назад, так что мы его видим в полной красе. Так и хочется назвать его по-русски: «Батюшка кормилец», потому что он вполне заслуживает этого ласкового наименования от Египта, который ему одному одолжен своим благословенным плодородием и роскошной растительностью. Здесь-то и есть понедалеку знаменитый сад (Европейский, так называемый) Шубра, до которого мы не доходим, потому де «Европейский сад»; нам, европейцам, на пустяки время терять безрассудно! Мудрый наш М.П. позабыл, что у нас хоть и есть европейские сады, но африканских растений в них не имеется. Но я привыкла повторять за Соней: «Что же делать с ним!» И так, насладившись хорошеньким понемножку, с благоразумием, подобающим послушным детям, пенсионеркам мамзель Дебош (так называет нас на старости лет наш М.П.) — паки восвоياسي возвратимся...

Мустики (*les moustiques*³³⁹), т. е. особенный род комаров, страшно обижают меня, т. е. очень большую питают ко мне любовь и сосут мою кровь с наслаждением. В каждом городе они наделяют меня новыми волдырями, преимущественно украшая ими мою финазому³⁴⁰. Лоб, обе щеки и кончик носа, все преизрядно разукрашено, равно как и сам М.П. Здешний доктор говорит, что об этом не надо печалиться, что это очень здорово, и на-

³³⁷ Лекс Иван Михайлович (1834–1883) — первый постоянный представитель России в Египте (с 1868 г.).

³³⁸ сикомор — библейская смоковница.

³³⁹ комары, москиты (*фр.*).

³⁴⁰ финазомия — физиономия.

зывает это boutons du Nil³⁴¹, которые скоро исчезают. Кровати наши, по обычаю, покрыты занавесями (moustiquaires³⁴²), и как я ни обкуриваю персидским порошком (по наущению Сонцева d'heureuse mémoire³⁴³), от этих комаров отделаться нельзя. Остается следовать совету доктора и не печалиться.

27 сентября. Среда. Выезд из Каира в Александрию.

Выезжаем из Каира второпях, чуть ли не в 1 час, тогда как поезд отправляется в 3 часа, несмотря на увещевания всех окружающих. Жаль, покинули прелестный Каир, в котором так много изящного, начиная с разных куполов мечетей до резьбы окон и moucharabies (т. е. решеток, закрывающих их).

Дорога из Каира в Александрию почти вся очень интересна и красива. Одна из станций находится при городе, называемом Tanta, очень красивом, со множеством пальм и зелени. Вся эта страна так богата, почва — чистый чернозем, любо смотреть! В первый раз вижу я рабочих буйволов, которые заменяют волов. Все почти поля засеяны одним маисом; в нескольких местах — жатва; около работающих расхаживают какие-то, должны быть ручные, длинноногие птицы, похожие на аистов и на фламанов издали, но совершенно белые. Наконец и чудная египетская ночь; яркий месяц освещает все кругом, как днем. У каждой станции девчонки окружают нас и неотвязно просят бакшиш. Ивана Михайловича очень это забавляет, и он с ними входит в разговор на греческом языке. Нигде, как в Каире, нет такого смешения языков; всевозможные языки там можно слышать, между прочим — немецкий. Но ни одно слово не преследует вас всюду, как слово бакшиш, которое значит, что у нас на водку, на чай или trinkgeld³⁴⁴ у немцев, а вернее и проще — подарок, или еще вернее — милостыня. Все они просят у каж-

³⁴¹ нильские прыщи (фр.).

³⁴² противомоскитные сетки (фр.).

³⁴³ блаженной памяти (фр.).

³⁴⁴ чаевые (нем.).

дого прохожего, трутся и мнутя около него и не дают ни места, ни прохода, покуда не получают от кого-нибудь толчка или подзатыльника, потому что нельзя же всех их оделить. Много пресмешных анекдотов рассказывает путешественник <...> в своей книге <...>³⁴⁵: «Стоит посмотреть на кого из них — они просят бакшиш. “За что же?” — спрашиваешь. — “А за то, что посмотрел”». Так про них привыкли рассказывать приезжим, которые удивляются их наглости и назойливости.

Александрия.

Подъезжаем к Александрии в 9 часу. Город полувосточный-полуевропейский, менее интересный, чем Каир. Консулы, посланники, агенты и весь этот люд, как и везде, встречают Погодина как знаменитого человека и предлагают свои услуги. Нигде их не набиралось так много, как здесь. Останавливаемся в главной улице. Rue des Ambassadeurs, рисунок которой я где-то видела и который тогда еще меня поразили своим сходством с Берлинской Unter den Linden, хотя менее красивой.

28 сентября. Четверг. Александрия.

Утро, посвященное отдохновению по случаю недоразумения с консулом, который обещал приехать за нами для осмотра примечательностей города и не явился. Целый день проходит для нас с Соней в убиении, в приведении вещей в порядок, для чего время бывает нам, особенно же ей, весьма мало. Города мы все еще не знаем, кроме огромного, со всех сторон застроенного плаца — не то двор, не то улица против наших окошек, и улицы des Ambassadeurs из окна М.П. и Ивана Михайловича, улицы хорошей и широкой, где пестреет толпа разных наций европейцев, азиатцев, египтян, африканцев всех цветов кожи и костюмов. Однако пользуемся удобным случаем, пока М.П. едет с визитом

³⁴⁵ В тексте рукописного путевого дневника В.И. Пельской оставлено незаполненное место для имени автора и названия книги.

к Патриарху, и обегает нашу улицу, чтоб осмотреть магазины, и возвращаемся далее, слава Богу, вовремя.

Ничто не клеится, не ладится у нас в Александрии. В 12-м часу являются господа консулы, агенты и пр. и везут нас осматривать дворец вице-короля и даже подают надежду, что увидим и гарем! Подъезжаем к месту и узнаем, что видеть ничего нельзя, уезжаем домой с длинным носом...

Зато вечером везут нас по берегу канала. Чудная прогулка. Бездна цветов, которыми осыпаны большие деревья, поднимающиеся из-за стен и решеток садов; цветов таких я и во сне не видывала! Сердце заранее радуется, потому что предположено ехать гулять в каком-то саду какого-то гранда, у которого дача в этих странах... но день с утра не задался наш. Нас не пускают, не разобрали, по какой причине такая негостеприимность гранда. Нас завозят в публичный сад, который мы пробегаем наскоро, потому что надо спешить к обеду в 7 час., да и вечера здесь сыры, М.П. боится простуды.

29 сентября. Пятница. Александрия.

После 3 часов приезжает за нами граф Зизиния³⁴⁶ и везет нас на прогулку. Сначала он показывает нам обширный красивый Александрийский порт. Мы любуемся на него с огромной террасы, принадлежащей к казармам, чрез которые мы проникнули с трудом, потому что турки на каждом шагу имеют обыкновение делать затруднения иностранцам, которые везде и во всем встречают препятствия, так жаловался Зизиния, родом из греков.

В 7 часов здесь уже ночь, и было бы темно, если бы не прекрасная африканская луна, яркая, серебряная, какой она нам, европейцам, не показывается. Вообще на юге небо ночью как будто склоняется ниже на землю, так что звезды кажутся крупнее,

³⁴⁶ Зизиния Этьен (1805–1870) — греческий предприниматель и дипломат, жил в Египте, имел гражданство Франции и занимал пост консула Бельгии.

а синяя лазурь прозрачнее, чем у нас. Граф везет нас à rebours³⁴⁷ почти тем же путем, каким ехали вчера по каналу, и приказывает остановиться у ворот своей дачи: “Pour offrir un bouquet à ces dames”³⁴⁸, — говорит он с французскою вежливостью. Мы просим позволение выйти из коляски, чтоб посмотреть на сад. Что за предесьть этот сад! При лунном свете все это похоже на волшебство: большая мраморная белая терраса придает вид грандиозности этому графскому поместью. Второпях срывают нам прелестный букет из жасминов и розовых и белых роз. У этих счастливых лучшее время года — январь месяц, когда все цветет и благоухает! В мае жатва. Благословенный край!.. Зато летом жар нестерпимый.

30 сентября. Суббота. Александрия.

Индийский raquet-boat³⁴⁹, без которого наш пароход не имел права отправиться отсюда и держал карантин дня два или три, сегодня прибыл. После обеда, т. е. после 7 часов, отправляемся на пароход. Утром бегаю за последними покупками с Соней. Какой странный и вместе с тем приятный сюрприз был нам сегодня на улице! Вдруг слышим русское пение. Прислушиваюсь... «Не белы снеги!»³⁵⁰ — переливаются хором родные задушевные звуки русской песни. И где же?.. В Александрии! То были русские матросы, пившие в таверне. Если б я не боялась видеть их пьяными, с радостью пошла бы взглянуть на них, несмотря на неприличие действия. Остальное время употреблено на укладывание и приготовление к отъезду.

На высокой террасе, т. е. крыше (ибо, как и везде вне Европы, вместо крыш — террасы), против самых окон, мужчин с 10, переминаясь с ноги на ногу, поют какой-то преунылый распев, состоящий из двух нот. Молятся ли они, или песни поют? Бог

³⁴⁷ назад (*фр.*).

³⁴⁸ Чтобы подарить букет этим дамам (*фр.*).

³⁴⁹ пакетбот (*фр.*) — небольшое морское почтово-пассажирское судно.

³⁵⁰ Песня (романс), слова народные, музыка А.Е. Варламова.

их ведает. С другой стороны той же крыши, поодаль от мужчин, стоит группа женщин, похожих на привидения с их черными покрывалами и закрытыми лицами, кроме глаз. Они подражают мужчинам, как обезьяны; с той разницей, что они по временам бьют молча в ладоши. Что бы это значило? Некому нас просветить. Все это до крайности дико. Меня разбирает досада какая-то, смотря на них! Ведь можно сделаться идиотами, проводя таким образом несколько часов! Наши хороводы очень монотонны, правда, но в них есть, по крайней мере, смысл какой-нибудь. Впоследствии мне толкуют, что это работники, которые каждый день по окончании трудов своих таким образом забавляются... Поразмыслив немного, я решила в своем благоразумии, что, впрочем, лучше такие упражнения, чем пьянство нашего бедного народа или же кулачный бой...

Тотчас после обеда, часу в 9-м, мы отправляемся на лодке к нашему пароходу компании «Ллойд» под названием «Progresso». Заранее чувствую тоску при входе на ненавистный мне пароход. Мужская общая каюта прекрасно устроена, обширно и удобно. Наша же на 6 персон очень мала; но если бы мы остались одни, то было бы и нам по возможности хорошо.

Иван Михайлович распрощился с нами до нашего отъезда еще и уехал обратно в Афины.

1 октября. Воскресенье. Средиземное море. Из Александрии в Триест. Progresso.

В 10 часов снимаемся с якоря. В нескольких расстоянии от Александрии на берегу моря виден фантастический дворец, уединенно стоящий, самой странной постройки; владельцу его пришла странная фантазия, чтоб каждая комната изображала формой своей математическую фигуру. Сколько фигур математических, столько комнат: круги, угольники, четвероугольники, прямоугольники и пр. Все там изображено с точностью и убранство самое богатое, и дорого стоило исполнение фантазии этой паше. Потеряв из виду Александрию и этот уединенный фантастический дворец, целый день не видим земли и плывем меж-

ду небом и водой. Сильное качание заставляет нас протянуться. С Соней делается дегобильяж³⁵¹, а меня мутит целый день при малейшем движении. Приятное препровождение времени, лежа в ненавистных мне ящиках, похожих на гроб, в каюте, похожей на катакомбы.

2 октября. Понедельник. На море. В Триест (Progresso).

Пополудни только видна земля. Это Кандия³⁵², которая сопровождает нас до вечера, так она велика в объеме. Сколько несчастных страдают там! Но селений по берегам не видно. Чудная ночь. Небо покрыто тучами, которых мы давно не видали, так как в Палестине и в Африке они редкость (кроме зимнего времени). День этот озаглавлен странным явлением. Устроившись на палубе для чтения Норова о Святых местах и прочитав довольно долго, я нечаянно взглянула направо в необозримую пустоту и вижу, прямо летит на пароход птица, которую я приняла сначала за чайку, но потом при приближении я узнаю голубя. Вокруг давно земли нигде не видно. Откуда же и как залетел к нам этот дорогой гость, будто бы с хорошей весточкой?.. Он сел на мачту и отдыхал на ней час или полтора, я прерывала иногда чтение, чтобы посмотреть, тут ли он? Мне же опять привелось видеть в ту самую минуту, как я смотрела на него, как он вспорхнул и улетел опять в то же направление на юг, откуда он к нам явился. Я следила за ним глазами в бинокль, покуда он показывался уже точкой на небосклоне и, наконец, исчез как бы в небесах. Зачем ему вздумалось прилетать к нам, отдохнуть и отправиться опять тем же путем?..

У нас остается другая гостя из рода моих воспитанниц (водяная ласточка). Она не из такого храброго десятка, как голубок, и не чувствует сил пуститься на крылушках в дальнейшее странствование, хотя ей на палубе очень скудная пища, т. к. она питается одними мошками. Эта Божия птичка служит для меня

³⁵¹ тошнота, рвота (*фр. dégoûllage*).

³⁵² Кандия — крепость на острове Крит.

развлечением, и мне становится светлее на душе, когда я увижу ее, мелькающую то там, то сям, но боюсь за ее участь! Страшна эта черная шумящая труба, из которой клубами идет черный дым. Эта гостя напоминает мне о тебе, Alex, которая любишь птичек не менее меня.

Качка не очень сильна, но я все еще не могу принудить себя обедать за общим столом, который здесь очень вкусен, но мне стал противен кухонный запах; одно, что я ем и пью с удовольствием, это кофе и красное вино с хлебом.

3 октября. Вторник. Мореплавание. В Триест. Пароход «Прогрессо».

Качка ночью сильна. Плыдем в виду Мореи³⁵³, между разного вида островов. Иные скалы и горы чудно хороши. В 11 часу проезжаем мимо греческой крепости Модон сурового вида, близ нее городок, весь в зелени³⁵⁴. Чудные горы то справа, то слева. Остров Занд³⁵⁵, прелестные горы с левой стороны; место, где умер Константин Аксаков³⁵⁶. Море гладко, как зеркало. Я наслаждаюсь вполне, особенно во время обеда, когда я остаюсь на палубе совершенно одна. Мне так хорошо, что я не хочу покинуть привычку оставаться на палубе, куда мне приносят вино и пирожное с фруктами. Итальянец официант не надивится, чем я питаюсь и подкрепляю свое существование, и каждый день спрашивает, всегда ли я так мало ем.

Далее против нас Итака в виде исполинской круглой скалы. Занд исчезает понемногу, как бы поворачиваясь, чтоб показать себя со всех сторон — и со всех сторон красив. Строения окаймляют его подошву и его вершину, а позади его идет бесконечный

³⁵³ Морея — средневековое название полуострова Пелопоннес.

³⁵⁴ Крепость Модон расположена на длинной косе близ городка Метони на юго-западной оконечности Пелопонесса.

³⁵⁵ Занте (Закинф) — остров в Ионическом море.

³⁵⁶ Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860) — русский писатель, поэт, идеолог славянофильства, старший сын писателя С.Т. Аксакова.

ряд гор, тень которых теряется и смешивается с цветами неба. Сколько раз я сожалела в душе своей, что “io non sono pittore!”³⁵⁷ После заката солнца тучи принимают багрово-красный цвет и передают его волнам, которые постепенно все далее и далее его распространяют. Синяя, горы составляют как бы рамку этой великолепной картины.

Каждый день на море представляются новые картины, но я все-таки ненавижу — не море, а пароходы. С наступлением ночи мною овладевает уныние и тоска, которую не разгоняет даже вечно новая картина — восход луны. К этому зрелищу присоединилось сегодня новое. Пускание ракет — салютование экипажа знакомому пароходу, проезжавшему мимо. Мне нравится этот обычай моряков.

4 октября. Среда. На море. Против Корфу. Пароход «Прогрессо».

В 5 часов утра мы стоим против Корфу. Прекрасная местность, со всех сторон окруженная чудными горами. Превосходная растительность покрывает многие из них. М.П. не успевает съездить посмотреть город, потому что все уезжают, пока он еще спит. Снимаемся в 11 часов. Прелестная картина представляется, по мере того как мы удаляемся от берега.

Кажется, будто мы посреди большого озера, окруженного со всех сторон прекраснейшими горами. Самые близкие из них покрыты зеленью, как бархатом, и роскошной осенней растительностью — красной, желтой и зеленой; а самые отдаленные и высокие достигают туч и теряются в них. А иные горы словно растушеваны тенью, набросанной на них облаками, плывущими по небу и стоящими над ними, что придает им какой-то неопределенный металлический цвет или вид перламутра с разными отливами. Озеро, т. е. море, которое показывается нам в виде озера, гладко, как зеркало, и блестит искрами от яркого солнца. Громадные дельфины показываются кое-где на поверхности,

³⁵⁷ я не художник (итал.).

иногда по 5–6. Странно видеть таких чудовищ, играющих, как маленькие рыбки, на солнце. Чудно хороша Божия природа! Каждое подобное зрелище заставляет меня вспоминать о всех дорогах моему сердцу.

К вечеру холод довольно резкий после страшных жаров, которые мы до сих пор испытывали.

5 октября. Четверг. На море. К Триесту («Progresso»). Остров Issa.

Холодно. Заметно, что приближается север, хотя у нас в Европе это называется еще югом. Справа по временам видны острова, должно быть, уже итальянские. Они не сурового вида, как в Греции, и покрыты зеленью, как бархатом, но однообразны и не живописны, как виденные нами доселе. Остров Исса, где было последнее сражение австрийцев с итальянцами прошлого года³⁵⁸ (говорят окружающие нас).

6 октября. Пятница. Триест.

Подъезжаем к Триесту в 8 часов утра и ждем приятной таковой церемонии на самом борте нашего “Progresso”. Но она очень милостива. В 9 часов выгружаемся в Hotel Locanda Granda.

Мы поражены быстрым переходом нашим из Африки в Европу, который сильно чувствуется здесь, даже в этой благословенной Италии, по крайней мере, кусочком ее. Зелень уже сравнительно бедна, воздух прохладен. Но весь этот народ я считаю почти родным, несмотря на их лица и костюмы итальянские, потому что они европейцы. Все, как бы по волшебному мановению, изменилось пред нашими глазами: и люди, и обычаи, и костюмы, и климат, и растительность. В комнате уже не душно, а сыро. Против окон море, а под окнами что-то вроде рынка, сует народ, и сцена чрезвычайно оживлена. Барыни-хозяйки в сопро-

³⁵⁸ В ходе австрийско-итальянской войны 1866 г. близ острова Лисса в Адриатическом море 20 июля состоялось первое в истории морское сражение броненосных эскадр.

вождении своих субреток и кухарок закупают провизию, тут же на мостовой купец отмеривает коленкор возле большой корзины с луком и всякой всячиной.

До обеда нанимаем коляску вместе с одним пассажиром, который был с нами на корабле и которого мы называем индейцем, хотя он чистый немец, проведший 12 лет в Индии (aux Indes) с англичанами и почти позабывший свой язык; так что, отставши от своих, и к другим не пристал. Говорит беглым и хорошим английским языком, но с *скферным фыкфор* (выговором), как истый немец. Но, к счастью, своего немецкого добродушия он не оставил между накрахмаленными англичанами и поэтому тотчас привлек к себе мою симпатию. Говорили нам, будто он простой барабанщик. Кто бы мог поверить этому у нас на Руси?.. Вежливость и приятность разговора без всякой резкости в обращении, веселость, не преходящая приличий и смесь добродушия с неким достоинством привязывало нас к нему. Он и сам находил особенную приятность в обществе Сони и был очень рад продлить свое знакомство с нами на несколько часов.

Отправляемся в Miramar³⁵⁹ (в расстоянии одного часа от Триеста), Максимильяновский Эдем, волшебный сад и замок. Много труда нужно было нам, чтоб достигнуть желаемого, и насилу впустили нас, благо М.П. был сам любопытен на этот раз и поэтому настойчив. Боже, что за прелестный уголок он, Максимилиан, себе устроил! Что за гнездышко он свил на берегу моря себе со своей Шарлоттой! Как мог он оставить такой Эдем и променять его на корону, корону, которая стоила ему мученической смерти! Только что мы вошли и вступили на прекрасную террасу около замка, откуда великолепный вид на море — слышался звон триестских колоколов, самый музыкальный и гармонический. Мне хотелось плакать... Эти колокола точно напоминали нам своим заунывным гулом о недавней грустной кончине еще

³⁵⁹ Мирамаре (итал. Miramare) — замок австрийского эрцгерцога Максимилиана и его супруги Шарлотты Бельгийской, построенный по проекту архитектора Карла Юнкера в 1856–1860 гг.

так молодого владельца этого замка и говорили: “Priez pour lui!”³⁶⁰, и я внутренне помолилась за Максимилиана и за бедную вдову его, лишившуюся ума! Я только что прочитала их историю, и мое воображение было еще полно этой грустной драмой. Если правда, что тщеславие Шарлотты было действительно причиной всего случившегося (чему мне не хочется верить), то для меня такое безрассудство непостижимо. Каких ни видала я цветов во всех странах, где мы были так недавно, я и здесь нашла многое новое для меня и во все время прогулки нашей по этому райскому саду вполне предавалась своему восторгу, не будучи в состоянии, да и не находя нужным воздерживаться от него, даже при мудром нашем М.П.-че. Не говоря уже о фонтанах с золотыми рыбками, гротах и пр., довольно одних цветов! Я наполнила ими платок и карманы за неимением книги для сушки. Не думаю, чтоб я этим действием оказала святотатство памяти Максимильяна.

Гуляли и по Триесту, где на высоких местах виды на город и на море выше всех похвал. Видели много портретов прекрасного лица Максимилиана и его жены (которая похожа на Макбета выражением физиономии). Видела, между прочим, фотографию, снятую с Максимилиана тотчас после его мученической смерти; страдание, выраженное на его прекрасном лице, сжатая от муки рука на раненой груди исполняет душу страданием.

7 октября. Суббота. Дорога в Вену.

В 5 часов встаем; в 7-м мы на железной дороге. Таможня снисходительна и здесь. Долгое время провожаем глазами море и Мирамару, коего самое имя так поэтично (*Mira-mar se mirant dans la mer*³⁶¹). Наконец навсегда прощаемся с ним у первой станции.

Начинаются славянские имена станций, как например, Набрзина. Начинаются и другого рода виды. Пустыня каменистая, но прелестная, перемешанная зеленью всех цветов, от красных

³⁶⁰ Помолитесь за него! (*фр.*)

³⁶¹ Мира-мар, смотрящийся в море (*фр.*).

до коричневых и от желтого до зеленого. Скалы фантастических форм серого цвета, похожие на привидения.

После Сессана особенно хорошо до Divazza. — St. Peter. Adelburg — леса и горы до небес. Мы переходим от восхищения к восхищению. Laibach³⁶² — хорошенький городок и местность, но горы удаляются. Sagor — настоящая волшебная долина с великолепной зеленью, скалами прямыми, чуть не до небес. Сава³⁶³ шумит и бушует посреди долины; каскад с горы мчится в Саву — Trifail. Обедаем в Steinbock.

Вскоре Toeplitz³⁶⁴ (я не знала, что их два). Другой — в Богемии. Toeplitz — прелестное местечко в зеленых горах. Storé — железная фабрика в горах. Начало Штирии. Но день склоняется к ночи. Еще $\frac{1}{4}$ часа, и нельзя будет видеть ни чудного пейзажа, ни записывать в книжке. Насколько я блаженствую в вагоне днем, настолько ночь для меня скучна, а иногда и мучительна от бессонницы.

Эту самую дорогу à rebours проезжала я из Вены в Триест в 1858 году вместе с другом моим Москвиным, Царство ему Небесное! И не менее наслаждалась природой, как он мне подчас ни надоедал.

8 октября. Воскресенье. Вена.

В 8 часов утра въезжаем в Вену, которую я не узнаю, так много прибавилось в ней новых широких улиц в продолжение этих 9 лет.

Останавливаемся в Hotel <...>³⁶⁵. Отдохнувши, идем в русскую церковь, потом к священнику отцу Раевскому³⁶⁶, кото-

³⁶² Лайбах, после 1918 г. Любляна.

³⁶³ Сава — правый приток Дуная.

³⁶⁴ Доленске Топлице (нем. Töplitz) — город в долине реки Крка.

³⁶⁵ В путевом дневнике В.И. Пельской название отеля не указано; вместо него многоточие.

³⁶⁶ Раевский Михаил Федорович (1811–1884), протоиерей, настоятель Венского Посольского храма, славянофил.

рый поражает меня своим сходством с покойной Соф<ьей> Мих<айловной> Тел<ешевой>. Знакомимся с его семейством³⁶⁷.

Вечером идем на концерт Штрауса, который играет оркестром каждый день в <...>³⁶⁸, как это делается во всех германских городах. Вид Штрауса, которого мы слышали в Павловске (в Петербурге), напоминает мне о многом...

Прощание с нашим индейцем, англичанином или немцем *ad libitum*³⁶⁹.

9 октября. Понедельник. Вена.

Осматриваем город: Theseé Кановы³⁷⁰ и памятник (его же) в соборе St. Etienne³⁷¹, виденный мной также с Москвиным. Венские сады и пр.

10 октября. Вторник. Выезд из Вены в Варшаву.

Bellevedere³⁷², картинная галерея, где опять вижу и опять не надивлюсь этой вполне живой картине старушки (Denner³⁷³) и ее pendant³⁷⁴.

³⁶⁷ Был женат на Анне, дочери священника Федора Песоцкого; в браке родились сын и дочь Людмила.

³⁶⁸ В тексте путевого дневника пропуск.

³⁶⁹ по желанию (*лат.*)

³⁷⁰ Антонио Канова (1757–1822) — один из выдающихся скульпторов классицизма и основоположник европейского академизма XIX в.; имеется в виду его знаменитая скульптурная композиция «Тесей и кентавр» (1810–1819).

³⁷¹ Св. Стефан (фр.) — кафедральный собор Святого Стефана в Вене (XII в.).

³⁷² Галерея Бельведер — известный художественный музей в венском дворце Бельведер. В 1776 г. Мария Терезия и ее сын, император Иосиф II перенесли в Верхний Бельведер императорскую коллекцию живописи; в 1781 в нем был открыт один из первых публичных музеев в мире.

³⁷³ Бальтазар Деннер (1685–1749) — известный немецкий художник-портретист.

³⁷⁴ Речь идет о двух портретах кисти Деннера: «Старая женщина» (1721) и «Старик» (1726).

Выезжаем в 8 часов из Вены, и чем более приближаемся к Варшаве, тем воздух холоднее. Нигде не видали вокзала великолепнее Венско-Варшавского.

Иерусалим как сон представляется моему воображению...

Я устала и хочется отдохнуть. Счастлив тот, кто после приятного, хотя и трудного путешествия может сказать: «Еду домой».

За все слава и благодарение Богу!

Список литературы

Исследования

1. *Богданова Т.А.* «У монаха везде своя родина и свой дом». Письма архимандрита Антонина (Капустина) со Святой Земли // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. М.: ООО «Аркаим», 2012. № 1. Ч. 1. С. 140–184.

2. *Бокатов А.Ю.* Эволюция образа православного паломника в российской периодике второй половины XIX в. // Вестник славянских культур. 2020. Т. 56. С. 30–44. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-56-30-44>

3. *Бутова Р.Б.* Школа Е.Ф. Бодровой. К 150-летию русского учебного дела в Святой Земле. Русская Палестина // Русская Палестина. Россия в Святой Земле. СПб: Издат. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2010. С. 121–134.

4. *Гуминский В.М.* Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 605 с.

5. *Гуминский В.М.* Русские паломники на Святой Земле и в Западной Европе // Православный паломник. 2004. № 4. С. 85–101.

6. *Жиркевич-Подлесских Н.Г., Щербакова М.И.* Настоящий друг русских классиков. И. Репин, Л. Толстой, И. Айвазовский и другие современники в дневниках и письмах Александра Жиркевича. М.: Худож. лит., 2017. 590 с.

7. *Крутова М.С.* Воспоминания русских монахов, совершивших паломничество на Афон и Святую Землю в XIX в. (на материале ОР РГБ) // Светская и духовная словесность в России XVIII–XIX веков / ред. М.И. Щербакова. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2016. Вып. 2. С. 402–416.

8. *Крутова М.С.* Воспоминания русских паломниц Варвары Брюн де Сент-Ипполит и Варвары Пельской о пребывании на Святой земле в середине XIX века (на материале отдела рукописей Российской государственной библиотеки) // *Христианство на Ближнем Востоке*. 2023. Т. 7, № 3. С. 53–82.

9. *Крутова М.С., Гугнин Ю.А.* Русская больница в Иерусалиме. Из истории русского паломнического движения на Святую Землю // *Иду в незнаемый я путь...: Русская больница в Иерусалиме и судьбы русских паломников на Святой Земле*. Иерусалим: Изд-во Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, 2017. С. 7–41.

10. *Лисовой Н.Н.* Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 3 т. М.: Индрик, 2017. Т. 2: Документы по истории Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. 1838–1918. 1094 с.

11. *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие на Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М.: Индрик, 2006. 510 с.

12. *Магдалина (Корнилова)* Иду в незнаемый я путь...: Русская больница в Иерусалиме и судьбы русских паломников на Святой Земле. Иерусалим: Изд-во Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, 2017. 396 с.

13. *Сухова Н.Ю.* Духовно-учебные контакты Русской Православной Церкви и ближневосточных Православных Церквей (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. II: История. История Русской Православной Церкви. 2008. № 3 (28). С. 35–49.

14. *Щербакова М.И.* Первые сотрудники Русской Духовной Миссии в Палестине // *Литературные взаимосвязи России XVIII–XIX вв.: по материалам российских и зарубежных архивохранилищ*. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2015. С. 433–452.

15. *Щербакова М.И.* «Путешествие по Италии» епископа Порфирия (Успенского) как культурно-исторический источник // *Два века русской классики*. 2020. Т. 2. № 4. С. 186–207. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-186-207>

Источники

16. *Антонин, архим.* Иерусалимские письма архимандрита Антонина (Капустина) к графу Н.П. Игнатьеву, 1865–1893. М.: Индрик, 2014. 583 с.

17. *Библия*. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами [Текст]. Репр. изд. М.: Изд-во Российского библейского о-ва, 2012. 1660 с.

18. *Норов А.С.* Иерусалим и Синай: Зап. второго путешествия на Восток / [соч.] А.С. Норова; под ред. В.Н. Хитрово. СПб.: Н.П. Поливанов, А.А. Ильин и К°, 1878. 171 с.

19. *Норов А.С.* Путешествие по Святой земле в 1835 году / [соч.] Авраама Норова; с примеч. на Путешествие игумена Даниила в XII в. 2-е изд., доп. СПб.: Тип. III Отд-ния Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1844. 384 с.

20. *Itinéraire descriptif, historique et archéologique de l'Orient* par Adolphe Joanne et Émile Isambert. Paris: Librairie de L. Hachette, 1861. 1104 p.

References

1. Bogdanova, T.A. “U monakha vezde svoia rodina i svoi dom’. Pis’m’a arkhimandrita Antonina (Kapustina) so Sviatoi Zemli” [“A Monk Has His Homeland and His Home Everywhere’. Letters of Archimandrite Antonin (Kapustin) from the Holy Land”]. *Sviataia Zemlia. Istoriko-kul’turnyi illiustrirovannyi al’manakh* [Holy Land. Historical and Cultural Illustrated Almanac], no. 1, part 1. Moscow, ООО “Arkaim” Publ., 2012, pp. 140–184. (In Russ.)

2. Bokotov, A.Iu. “Evoliutsiia obraza pravoslavnogo palomnika v rossiiskoi periodike vtoroi poloviny XIX v.” [“The Evolution of the Image of the Orthodox Pilgrim in Russian Periodicals of the Second Half of the 19th Century”]. *Vestnik slavianskikh kul’tur*, vol. 56, 2020, pp. 30–44. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-56-30-44> (In Russ.)

3. Butova, R.B. “Shkola E.F. Bodrovoi. K 150-letiiu russkogo uchebnogo dela v Sviatoi Zemle. Russkaia Palestina” [“School of E.F. Bodrova. To the 150th Anniversary of Russian Education in the Holy Land. Russian Palestine. Russian Palestine”]. *Russkaia Palestina. Rossiia v Sviatoi Zemle* [Russian Palestine. Russia in the Holy Land]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2010, pp. 121–134. (In Russ.)

4. Guminskii, V.M. *Russkaia literatura puteshestvii v mirovom istoriko-kul’turnom kontekste* [Russian Travel Literature in the World Historical and Cultural Context]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017. 605 p. (In Russ.)

5. Guminskii, V.M. “Russkie palomniki na Sviatoi Zemle i v Zapadnoi Evrope” [“Russian Pilgrims in the Holy Land and in Western Europe”]. *Pravoslavnyi palomnik*, no. 4, 2004, pp. 85–101. (In Russ.)

6. Zhirkevich-Podlesskikh, N.G., Shcherbakova, M.I. *Nastoiashchii drug russkikh klassikov. I. Repin, L. Tolstoi, I. Aivazovskii i drugie sovremenniki v dnevnikh i pis'makh Aleksandra Zhirkevicha* [A True Friend of Russian Classics. I. Repin, L. Tolstoy, I. Aivazovsky and Other Contemporaries in the Diaries and Letters of Alexander Zhirkevich]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 2017. 590 p. (In Russ.)

7. Krutova, M.S. “Vospominaniia russkikh monakhov, sovershivshikh palomnichestvo na Afon i Sviatuiu Zemliu v XIX v. (na materiale OR RGB)” [“Memoirs of Russian Monks Who Made a Pilgrimage to Athos and the Holy Land in the 19th Century (Based on the Material from the Russian State Library)”]. *Svetskaia i dukhovnaia slovesnost' v Rossii XVIII–XIX vekov* [Literary Process in Russia in the 18th – 19th Centuries. Secular and Spiritual Literature], vol. 2, ed. M.I. Shcherbakova. Moscow, IPO “U Nitskikh vorot” Publ., 2016, pp. 402–416. (In Russ.)

8. Krutova, M.S. “Vospominaniia russkikh palomnikov Varvary Briun de Sent-Ippolit i Varvary Pel'skoi o prebyvanii na Sviatoi zemle v seredine XIX veka (na materiale otdela rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki)” [“Memoirs of Russian Pilgrims Varvara Brun de Saint-Hippolyte and Varvara Pelskaya about Their Journey in the Holy Land in the Middle of the 19th Century (Based on the Material of the Manuscripts Department of the Russian State Library)”]. *Khristianstvo na Blizhnem Vostoke*, vol. 7, no. 3, 2023, pp. 53–82. (In Russ.)

9. Krutova, M.S., Gugin, Iu.A. “Russkaia bol'nitsa v Ierusalime. Iz istorii russkogo palomnicheskogo dvizheniia na Sviatuiu Zemliu” [“Russian Hospital in Jerusalem and the Fate of Russian Pilgrims in the Holy Land”]. *Idu v neznaemyi ia put'...: Russkaia bol'nitsa v Ierusalime i sud'by russkikh palomnikov na Sviatoi Zemle* [Russian Russian Hospital in Jerusalem and the fates of Russian pilgrims in the Holy Land. I'm going on a journey I don't know...]. Ierusalim, Russian Spiritual Mission in Jerusalem Publ., 2017, pp. 7–41. (In Russ.)

10. Lisovoi, N.N. *Rossii v Sviatoi Zemle. Dokumenty i materialy: v 3 t.* [Russia in the Holy Land. Documents and Materials: in 3 vols.], vol. 2: Dokumenty po istorii Russkoi Dukhovnoi Missii v Ierusalime. 1838–1918 [Documents on the History of the Russian Spiritual Mission in Jerusalem. 1838–1918]. Moscow, Indrik Publ., 2017. 1094 p. (In Russ.)

11. Lisovoi, N.N. *Russkoe dukhovnoe i politicheskoe prisutstvie na Sviatoi Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX – nachale XX v.* [*Russian Spiritual and Political Presence in the Holy Land and the Middle East in the 19th – Early 20th Centuries*]. Moscow, Indrik, 2006. 510 p. (In Russ.)

12. Magdalina (Kornilova) *Idu v neznaemyi ia put'...: Russkaia bol'nitsa v Ierusalime i sud'by russkikh palomnikov na Sviatoi Zemle* [*I am Going on an Unknown Path...: A Russian Hospital in Jerusalem and the fate of Russian Pilgrims in the Holy Land*]. Ierusalim, Russian Spiritual Mission in Jerusalem Publ., 2017. 396 p. (In Russ.)

13. Sukhova, N.Iu. Dukhovno-uchebnye kontakty Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi i blizhnevostochnykh Pravoslavnykh Tserkvei (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.) ["Spiritual and Educational Contacts of the Russian Orthodox Church and the Middle Eastern Orthodox Churches (Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Century)"]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta*. II: Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi [History. History of the Russian Orthodox Church], no. 3 (28), 2008, pp. 35–49. (In Russ.)

14. Shcherbakova, M.I. "Pervye sotrudniki Russkoi Dukhovnoi Missii v Palestine" ["The First Employees of the Russian Spiritual Mission in Palestine"]. *Literaturnye vzaimosvazi Rossii XVIII–XIX vv.: po materialam rossiiskikh i zarubezhnykh arkhivokhranilishch* [*Literary Interconnections of Russia in the 18th – 19th Centuries: Based on Materials from Russian and Foreign Archives*]. Moscow, IPO "U Nikitskikh vorot", 2015, pp. 433–452. (In Russ.)

15. Shcherbakova, M.I. "Puteshestvie po Italii' episkopa Porfiriia (Uspenskogo) kak kul'turno-istoricheskii istochnik" ["Journey through Italy' by Bishop Porfiry (Uspensky) as a Cultural and Historical Source"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 2, no. 4, 2020, pp. 186–207. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-186-207>